

**Правда о русской
революции:
Воспоминания
бывшего
начальника
Петроградского
охранного
отделения.**

К И. Глобачев; под ред. З. И. Перегудовой; [сост. З. И. Перегудова, Дж. Дейли, В. Г. Маринич]. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. - 519 с, ил. - (Из собрания Бахметевского архива).

ISBN 978-5-8243-1056-6

Книга снабжена комментариями, приложениями, аннотированным именованным указателем и иллюстрациями.

УДК 94(47) ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-8243-1056-6 О Бахметевский архив Колумбийского университета (США), 2009 О Перегудова З. И., Дейли Дж., предисловие, 2009

О Перегудова З. И., комментарии, именной указатель, 2009

Российская политическая энциклопедия, 2009

Предисловие

«Правда о русской революции» - так озаглавил свои воспоминания последний начальник Петроградского охранного отделения Константин Иванович Глобачев. Он - один из первых представителей политической полиции, который начал описывать события тех лет сразу же по «горячим следам», закончив их в течение года (1922 г.), предполагая опубликовать. Очевидно, к этому его подтолкнули и та обстановка, в которой он находился, и те разговоры, споры среди эмигрантов, обвинявших друг друга в происшедшем в Феврале 1917 г. Возможно, не последнюю роль сыграла здесь и опубликованная работа А. А. Блока «Последние дни старого режима»¹, перепечатанная Г. В. Гессеном в издании «Архив русской революции». Участвуя в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по «расследованию действию бывших министров и прочих должностных лиц», Блок имел доступ к архивным документам последних дней существования Российской империи, присутствовал на допросах министров, руководителей политической полиции России. В своей книге он неоднократно ссылается на доклады К. И. Глобачева министру внутренних дел и в Департамент полиции, в которых сообщается о настроении в столице и необходимости принять срочных мер против нараставшего революционного движения.

Сам Глобачев, сообщая о мотивах, побудивших его взяться за перо, пишет: «Предлагая настоящие воспоминания, я должен сказать, что опубликованием их я отнюдь не имел в виду излагать историю русской революции или разбирать в широком масштабе причины,

вызвавшие это пагубное явление, - это задача слишком сложная в настоящее время и будет уделом будущего беспристрастного историка, а хотел лишь дать тот материал, который наравне с прочими материалами мог бы послужить к изложению таковой истории...». Далее он продолжает: «Мне, как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения, - с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица...»⁴

Воспоминания Глобачева интересны со многих точек зрения. Это и записки чиновника, непосредственно наблюдавшего нараставшую волну революционных событий, и свидетельства руководителя учреждения, призванного бороться с силами оппозиционного движения, хорошо знавшего настроение во всех слоях русского общества, видевшего, как рушится империя и пытавшегося в силу своих возможностей, прав и полномочий, противостоят этим силам. О том, что Глобачев остро чувствовал надвигающуюся угрозу, видно из его донесений, а также документов, сохранившихся в Департаменте полиции⁵.

Большое внимание в воспоминаниях уделяется организации политического сыска и общественным настроениям предреволюционного Петрограда, организации и деятельности Центрального военно-промышленного комитета, его взаимоотношениям с властями. При изложении событий, свидетелем которых

он был, Глобачев не ограничивается констатацией фактов, но дает им и свою оценку.

Не менее важны и приводимые им сведения, касающиеся структуры охранного отделения, его численного состава и деятельности накануне революции. С этой точки зрения его мемуары будут полезны исследователям внутренней политики России, истории ее государственных учреждений, политического розыска, а также широким кругам читателей. Их значение возрастает и в связи с тем, что специалисты по истории Петроградского охранного отделения располагают лишь небольшим составом документов, сохранившихся в Февральские дни 1917 года.

В настоящее время фонд Петроградского охранного отделения (ПОО), хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, насчитывает 6058 ед. хр. Основная его часть - это дневники наружного наблюдения за оппозиционно настроенными лицами, а также по охране высокопоставленных лиц и зданий; документы, связанные с филерской службой (положение о центральном филерском отряде, программы и расписание занятий с филерами, маршруты их служебных командировок), отдельные материалы по охранной команде.

Дела общей канцелярии, через которую проходили основные документы за ранние годы (1866-1894), практически не сохранились, за более позднее время имеются лишь отдельные дела. Масштаб утраченного можно оценить исходя из того факта, что фонд Московского охранного отделения, созданного спустя 15 лет после Петроградского и также пострадавшего в тот период, насчитывает 51 226 дел⁷.

Каких-либо данных о том, что сотрудники Петроградского охранного отделения принимали участие в уничтожении своих документов, ни в архивных источниках, ни в воспоминаниях Глобачева обнаружить не удалось. Но, судя по тому, что существовал негласный циркуляр об уничтожении особо секретных документов в случае выступлений революционеров и возможности захвата ими учреждений политического сыска, часть документов, особенно тех, в которых содержались сведения о секретной агентуре, должна быть уничтожена самими чиновниками. Некоторые исследователи считают, что Охранное отделение было подожжено революционно настроенной толпой не без участия представителей политической полиции.

Материалов агентурного отдела не сохранилось совсем. Однако их отсутствие в какой-то мере восполняется отчетами и докладами Охранного отделения в Департамент полиции, которые хранятся в его фонде.

В связи с тем, что в настоящее время среди историков часто возникает спор о личности Г. Е. Распутина и наблюдении за ним, стоит упомянуть, что в воспоминаниях Глобачева этому сюжету посвящена небольшая глава. Автор высказывает свою точку зрения на личность Распутина, его отношения с царской семьей. «Влияние Распутина на императрицу объяснялось, - по мнению Глобачева, - исключительно верой ее в Распутина как в молитвенника и охранителя драгоценного здоровья ее сына, наследника престола...».

Пожалуй, Глобачев более чем кто-либо другой знал о поведении Распутина и его влиянии. Глобачев отмечает: «...отношения его к особам царской семьи,

даже в моменты самого широкого разгула, были весьма корректны...»10.

Глобачев не был ни другом, ни врагом Распутина, не состоял в круге его почитателей, он непосредственно отвечал за его охрану и одновременно организовывал наблюдение за ним. В ГА РФ сохранилось довольно много дневников наружного наблюдения за Распутиным за 1910-1916 гг., клички наблюдения за ним были «Русский», «Темный». Особенностью этих дневников является то, что они представляют собой машинописные копии филерских наблюдений. Оригиналов рукописных филерских дневников, которыми следовало бы пользоваться, обнаружить не удалось. Поэтому существует точка зрения, что эти дневники - более поздняя фальсификация. Некоторые исследователи считают, что наблюдение не велось, а все это - сочинение полиции. Что же нового вносят воспоминания в данный вопрос?

Глобачев недвусмысленно свидетельствует о систематической слежке за Распутиным, которая производилась ПОО. Они подтверждают показания других представителей политического сыска, в том числе директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. Как пишет Глобачев, практически ежедневно на стол министру ложился материал наблюдения за Распутиным со списком лиц, которых он посещал, с которыми встречался. Разумеется, министру подавался не рукописный материал филеров, как правило, малограмотных, а машинописные документы. То, что сейчас хранится в архиве, - это вторые, третьи экземпляры дневников, представившихся министру.

Подобные машинописные копии дневников сохранились в архиве в связи с наблюдением и за С. Ю. Витте.

Важным дополнением к воспоминаниям К. И. Глобачева являются написанные в 50-х гг. записки его жены Софьи Николаевны Глобачевой (урожденной Поповой) «Прелюдия происходящих в мире событий», посвященные внукам Олегу и Владимиру. Женщина с сильным характером, преданная мужу и детям, она всеми силами стремилась выстоять в сложных условиях революции, Гражданской войны и эмиграции. Не теряя надежды, она предпринимала отчаянные попытки освободить мужа, арестованного при Временном правительстве, последовательно добиваясь встреч с министрами А. Ф. Керенским, П. Н. Переверзевым, следователем, который вел дело. Затем продолжала борьбу, когда находясь под арестом, ее муж оказался в руках ВЧК.

Председатель петроградской чрезвычайки М. С. Урицкий, на прием к которому ей довелось попасть, поразил ее тем, что отдавал, как ей показалось, «похоже, разумные распоряжения...».

Уже в эмиграции С. Н. Глобачева делала все возможное, чтобы ее внуки не забывали Россию и русский язык. Софья Николаевна сама в качестве преподавателя занималась с ними ежедневно. Недаром ее младший внук Владимир Георгиевич Маринич стал историком, профессором, преподавателем истории России. Помимо впечатлений, фактов, связанных с Февральской революцией, в ее воспоминаниях довольно много места уделено первым годам жизни семьи в эмиграции:

В заключительной части книги помещен очерк внука К. И. Глобачева Владимира Георгиевича Маринича, написанный им на основе рассказов своей матери Лидии Константиновны, а

также документов Бахметевского архива Колумбийского университета (США), Государственного архива Российской Федерации и материалов семейного архива.

Система политического сыска России складывалась десятилетиями, и происходившие в ней изменения были связаны с внутренними событиями в стране, ростом оппозиционного и революционного движения. Создавались новые учреждения и их внутренние структуры.

Учитывая недостаток литературы¹ и исследований по истории Петербургского охранного отделения, где в последние годы работал К. И. Глобачев, составители сочли целесообразным кратко осветить его историю, основные вехи эволюции, которые претерпело это учреждение, рассказать о его руководителях.

Петербургское охранное отделение и его руководители

Петербургское охранное отделение или просто «Охранка» было первым специализированным охранным ведомством в России. Оно было создано в 1866 г. после покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II при канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника и первоначально именовалось «Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице».

Спустя год стали организовываться губернские жандармские управления (ГЖУ), явившиеся основными

учреждениями в деле борьбы с нараставшим революционным движением. На них возлагалась задача ведения политического розыска в губерниях, производство дознаний по государственным преступлениям.

Между новым учреждением и уже существовавшим Отделением по охранению общественного порядка и спокойствия в столице произошло некоторое размежевание функций. Предусматривалось, что охранное отделение будет заниматься политическим сыском, в то время как ГЖУ - производством дознаний. На деле же эти учреждения порой дублировались. ГЖУ часто выполняло функции наблюдения, дознания и розыска, в то время как Охранное отделение, действуя в городе, порой занималось не только розыском, но и производством дознания. Наличие двух таких серьезных учреждений в столице оправдывало себя.

Основной структурой, через которую велась работа Охранного отделения и где накапливался материал о его деятельности, была общая канцелярия, делившаяся на столы. Каждый из них имел свою специфику и задачи. Так, был стол, занимавшийся личным составом Охранного отделения и одновременно учетом арестованных лиц. Номера столов и их функции порой менялись. Например, один из них вел переписку о благонадежности и устанавливал адресе отдельных лиц по запросам ГЖУ. Позднее, когда было создано Особое совещание об административной высылке, появился стол, ведавший этим вопросом, а также розыском лиц, упомянутых в циркулярах Департамента полиции, перепиской об арестованных в порядке охраны, осмотром вещественных доказательств. В канцелярии существовала архивно-справочная часть, где

производилась регистрация документов, формирование дел, выдача справок, велась картотека. Со временем, с появлением партийных организаций, был создан стол, в котором осуществлялась переписка по политическому розыску (о политических партиях, общественных, студенческих организациях, профессиональном движении). Это подразделение и «агентурная канцелярия» (в последние годы - седьмой стол) являлись самыми важными в охранке, структура которой впоследствии стала еще сложнее (о чем пишет Глобачев в своих воспоминаниях), а численный состав вырос в несколько раз.

На Петербургское охранное отделение с момента его создания возлагались большие надежды. У нового учреждения, стоящего в Центре общественного движения, серьезные задачи и много работы. Предполагалось, что им будут управлять компетентные офицеры, обладающие широкими знаниями, способные померяться силами с революционными активистами, подпольем, террористами. Однако стоит отметить, что в течение первых лет Охранное отделение, призванное быть оплотом борьбы, оказалось во власти лиц, не сумевших выполнить поставленные перед ними цели. Оно мало чем проявляло себя вплоть до 1879 г., когда активизировалась деятельность организации «Народная воля». Начатая ею Кампания покушений и убийств известных государственных чиновников и охота на императора, заставили обратить на нее серьезное внимание. Слабость руководителей Петербургской охранки может быть объяснена еще и тем, что Третье отделение - орган высшей политической полиции России, который руководил учреждениями политического

розыска на местах, столкнувшись с оппозиционными силами, сам стал терять главенствующие позиции.

В 1880 г. при реорганизации системы политического сыска с упразднением Третьего отделения и созданием Департамента государственной полиции' (позднее - Департамент полиции), Петербургское охранное отделение перешло в непосредственное его подчинение.

Какие же были предшественники Глобачева? На фоне всех руководителей Петербургского охранного отделения, пожалуй, первым, с момента его организации, кто обратил на себя внимание своей распорядительностью, смелостью, настойчивостью и организаторскими способностями, был Георгий Порфирьевич Судейкин, назначенный на этот пост в 1881 г. по рекомендации киевского военного прокурора В. С. Стрельникова. Их совместная работа в Киеве, определенная жесткость, порой неразборчивость в средствах, использование провокационных методов, вызывали обоюдное взаимопонимание¹⁴.

Судейкин был родом из дворян Смоленской губернии, по окончании Смоленской гимназии поступил на правах вольноопределяющегося в 4-й пехотный Капорский полк рядовым. Затем, после присвоения чина унтер-офицера, был командирован в Московское пехотное юнкерское училище, которое окончил в 1870 г. 18 августа 1870 г. он получил чин прапорщика, а на следующий год - подпоручика и назначение на должность и. д. полкового адъютанта. В декабре 1872 г. «За отличие по службе» произведен в поручики.

В сентябре 1873 г. Судейкин изъявил желание перейти в Корпус жандармов. При переходе в корпус, как правило, велась проверка деловых, моральных,

профессиональных качеств претендента. Генерал-майор Алхазов, командующий 4-м пехотным Капорским Его королевского высочества наследного принца Саксонского полком, писал о Судейкине: «Состояния родового не имеет, отзывы о нем лиц, хорошо его знающих как в служебном отношении, так и нравственном, вполне выгодные»¹⁵. И далее: «...способностей отличных, с первого дня производства в офицеры обращал особенное мое внимание усердием к службе, а с назначением в должность полкового адъютанта, кроме того добросовестно и усердно относился к своим обязанностям, которые исполнял примерно, по нравственным качествам достоин всякого уважения и пользуется в глазах всех репутацией безукоризненного офицера»¹⁶.

Пожалуй, здесь уместно сказать, что в социальном плане большинство офицеров были безземельными дворянами, что означает их принадлежность к нижнему слою российской элиты. Часто амбициозные молодые люди из дворянских семей, которые не могли мечтать о карьере гвардейского офицера, надеялись поступить в жандармский корпус, служба в котором казалась им более притягательной, чем в обычной армии¹. Несмотря на то что престижность жандармского корпуса с начала XIX в. значительно снизилась, темно-голубая форма на рубеже веков все еще сохраняла свою привлекательность, особенно в кругу провинциалов. Так, А. И. Спиридович, начальник дворцовой агентуры в охране императора Николая II в 1906-1916 гг., писал в своих воспоминаниях: «Матушка моя не раз говорила мне..., что она хотела бы видеть меня или артиллеристом или жандармом, сестры же уже прямо убеждали меня идти в жандармерию. Воспитанные в архангельской

провинциальной глуши, далекие от всякой политики, они были чужды обычных интеллигентских предрассудков, против синего мундира, и смотрели на жандармского офицера просто: офицер, служба серьезная, очень важная, жалование хорошее, форма красивая, чего же еще нужно для брата?»

Служба была действительно важна, по крайней мере для новобранцев. Как утверждал Спиридович, «в наших подразделениях нас учили, что солдат служит царю и отчизне и защищает от внешних и внутренних врагов». А на вопрос: «Кто внутренние враги?» - он ответил: «воры, мошенники, убийцы, шпионы, социалисты и вообще все, кто против государя и внутреннего порядка страны».

Большинство жандармов, обладали традиционно патриотическим мировоззрением, беспрекословно подчинялись власти и были верны идеалу абсолютной монархии и клятве верности государю. Несмотря на то что они имели военную подготовку, их нельзя назвать милитаристами. Это были, скорее, солдаты, давно привыкшие к условиям мира, главной ценностью в их понимании являлась честь, а не доблесть. Поэтому мало кто из жандармов чувствовал себя комфортно перед лицом новых задач, связанных с подавлением мятежа, поставленных перед Департаментом полиции и органами политического розыска в предреволюционные годы.

Но вернемся к личности Г. П. Судейкина. В 1880-е гг., не имея средств, он поставил перед собой цель добиться максимума возможного своим умением, старанием, трудолюбием. Первым шагом к будущей карьере стало поступление на военную службу, вторым - переход в Корпус жандармов. Он блестяще прошел

обязательные испытания и «оказался способным к жандармской службе».

В феврале 1874 г. Судейкин был переведен в Корпус жандармов и назначен адъютантом Воронежского жандармско-полицейского управления (ЖПУ) ж. д. Эта должность предусматривала порой замещение начальника ЖПУ ж. д. при отсутствии у последнего помощника. Способности Судейкина не остались без внимания. В последствии его назначили помощником начальника Киевского губернского жандармского управления у генерала В. Д. Новицкого, а затем перевели в Петербург.

Высоко ценил Судейкина известный деятель, государственный секретарь А. А. Половцев, отмечавший, что тот носил жандармскую форму не по обязанности, а по убеждению, с воодушевлением. Битва с нигилистами была для него сродни охоте, со всеми ее ухищрениями. Умелая борьба, риск, удовлетворение от успеха - все это играло роль в попытках расследования Судейкина, попытках, увенчавшихся успехом. В этой должности он сокрушил «Народную волю», чем обратил на себя внимание.

После убийства императора Александра II правительство разработало Положение об усиленной охране от 14 августа 1881 г. на основании которого в ряде губерний России вводилось чрезвычайное положение. Это давало как общей полиции, так и политической довольно широкие полномочия. Одновременно рассматривались мероприятия по усилению последней, несмотря на недавнее создание Департамента государственной полиции. Возникает идея расширения сети охранных отделений, которых в России

в это время было два: Петербургское и созданное 1 ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова Московское отделение.

3 декабря 1882 г. император Александр III утвердил Положение «Об устройстве секретной полиции в империи». Руководить деятельностью секретной полиции поручалось особому инспектору, назначаемому товарищем министра, заведующим государственной полицией. В Положении указывалось, что инспектор секретной полиции действует по особой преподанной ему инструкции 4. На эту должность был назначен Г. П. Судейкин. По мнению Ф. М. Лурье, изучившего его карьеру, должность инспектора столичной секретной полиции была создана специально для Судейкина, отличившегося при разгроме народнических кружков и 1879 года²⁹.

В январе 1883 г. в министерстве была разработана и утверждена товарищем министра П. В. Оржевским Инструкция инспектору секретной полиции, которая давала Судейкину широкие полномочия, делала его самым влиятельным офицером службы безопасности.

Очевидно, секретная полиция должна была стать в какой-то мере противовесом для недавно созданного Департамента полиции, который еще не успел себя проявить, но уже отстранялся от руководства новым учреждением. Сам инспектор назначался товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и действовал по его инструкции. Одновременно Судейкин подготовил циркуляр о изложении своих взглядов на методику сыска, которую предполагал проводить в жизнь. Она строилась на распространении в революционных организациях духа шпиономании,

подозрений, ссор, ложных слухов, дискредитации подпольных изданий. Это были чисто провокационные методы борьбы, которые впоследствии взял на вооружение П. И. Рачковский.

Рост революционного движения, возрождение в ряде городов организаций «Народной воли», попытки террористических актов потребовали определенных реорганизаций. 5 августа 1883 г. в составе Петербургского охранного отделения создается специальная команда. В ее обязанность входила охрана путей в районах проезда императора, во время его прогулок, посещения театров, а также министров, иностранных послов и других лиц. Позднее была издана Инструкция о порядке службы охранной агентуры²⁶.

Профессиональный рост Судейкина, однако, на этом прекратился, В конце 1883 г. он был убит при участии его секретного сотрудника С. П. Дегаева²⁷. Создание же секретной полиции в империи, как оно замышлялось по инструкции, практически приостановилось.

Действия Петербургского охранного отделения, несмотря на успехи в борьбе с революционным движением, в дальнейшем блестящими назвать было нельзя. В его руководстве отсутствовали яркие фигуры. В начале 1884 г. начальником отделения стал К. П. Вельбицкий, который хотя и был достаточно хорошо подготовлен к этой службе: имел военное образование (окончил Полтавскую военную гимназию, 3-е военное Александровское училище по первому разряду), восемь лет состоял на службе в Отдельном Корпусе жандармов, хорошо характеризовался, но в Петербурге не удержался. 12 октября 1885 г. товарищ министра внутренних дел Оржевский направил его в распоряжение

начальника Одесского жандармского управления генерала Катанского, который в то время был тяжело болен. Вельбицкому пришлось практически исполнять его обязанности. Предполагалось его возвращение в Петербург. Вельбицкий ушел в четырехмесячный отпуск и уже не вернулся на место своей службы.

Временно исполняющим обязанности начальника Петербургского охранного отделения назначили Петра Васильевича Секеринского, который возглавлял его почти десять лет. Он был из солдатских детей, окончил Варшавское реальное училище, корпус топографов. В мае 1854 г. поступил на военную службу, был назначен унтер-офицером в главный штаб действующей армии, участвовал в подавлении восстания в Польше в 1863 г. В 1865 г. служил в Варшавском дивизионе, через год получил чин поручика, через шесть лет (в 1872 г.) - штабс-капитана²⁹. Потом восемь лет прослужил в Польше помощником начальника жандармского управления Варшавского, Новоминского, Радиминского уездов, затем начальником жандармского управления Лодзинского, Райского, Брезинского уездов.

Стоит отметить, что служба в польских губерниях была определенным трамплином и испытанием для наиболее способных офицеров Корпуса жандармов, которые затем переводились во внутренние губернии и, как правило, становились начальниками столичных охранных отделений. В Польше служил и предшественник Секеринского Вельбицкий.

Секеринский продолжал борьбу с народовольцами, за арест 18 января 1886 г. одного из них, С. А. Иванова, удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени и 3 тыс. руб., как указывалось в документе, «за отличие в деле по

розыску государственного преступника»³⁰. Отличился он и на следующий год, когда был раскрыт заговор 1 марта 1887 г. (подготовка покушения на Александра Ш). Один из заговорщиков, П. И. Андреюшкин, похвастался в своем письме другу от 20 января 1887 г., что принимает участие в важном деле, и что ему надо быть осторожнее с полицией. За ним было установлено наблюдение, после чего Андреюшкин и его соучастники были арестованы. Только после этого полиции стал ясен масштаб операции. Дело, конечно, было раскрыто не благодаря каким-либо особым способностям Секеринского. Здесь сыграла роль перлюстрация переписки заговорщиков. Однако успешная операция дала ему преимущество над соперниками и позволила остаться в должности еще десять лет. За это Секеринский получил «орден Св. Станислава 2-й степени, штатные чины охраны 2750 руб., филеры - 3000 руб., каждому филеру по 1000 руб.»³².

С апреля 1887 г. Охранное отделение стало именоваться Отделением по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге.

Всего Секеринский прослужил руководителем ПОО двенадцать лет. Первые два года он числился прикомандированным к Петербургскому охранному отделению. Его утвердили в должности только в 1888 г. Наиболее активными были первые пять лет службы. В одной из записок, составленной для В. К. Плеве в декабре 1903 г. указывалось, что благодаря его «постоянной работе явился ряд задержаний весьма серьезных революционных деятелей и революционных организаций... в числе каковых арест нелегального террориста (1886), задержание на улице с метательными снарядами пяти лиц, злоумысливших на священную

жизнь особы Его Императорского величества (1 марта 1887 год), арест членов народовольческой организации, имевшими связь с революционерами за рубежом (1889), задержание кружка террористов (1890)».

В декабре 1890 г. Секеринскому в награду за труды его «всемилоостивейше» было назначено добавочное содержание 800 рублей в год.

В последующие годы Секеринский в основном жил старыми заслугами и не очень ладил с Департаментом полиции. Недаром его руководители II. 1-1. Дурново и С. Э. Зволянский в делах розыска все чаще прибегали к помощи Московского охранного отделения.

Несколько позднее в Петербурге и Москве были созданы отряды филеров. Московское и Петербургское охранные отделения как бы соревновались между собой в области наблюдательной деятельности своих филеров. Департамент полиции отдавал предпочтение московской школе, которой руководил небезызвестный Е. П. Медников.

В феврале 1890 г. директор Департамента полиции, обращаясь за помощью в Московское охранное отделение, писал местному обер-полицмейстеру о том, что «московские филеры усвоили себе приемы наблюдения несколько отличные от приемов, практикуемых в С.-Петербургском охранном отделении». В связи с тем что «эти приемы не были известны местным революционерам и зарекомендовали себя как весьма эффективные», директор Департамента полиции просил командировать в Петербург филеров Московского охранного отделения, возложив руководство ими на Медникова.

Когда встал вопрос об организации «Летучего отряда филеров» Департамента полиции, то он был создан при Московском охранном отделении и руководил им Медников. По указанию Департамента, он командировался в различные губернии империи для наблюдения за «революционным элементом».

В 1897 г. проходила проверка расходования секретных сумм Петербургского охранного отделения: оплаты секретной агентуры, конспиративных квартир. Обнаружилось много нарушений, в связи с чем Секеринского уволили с поста руководителя. Штаб корпуса, не согласный с таким решением, назначил его начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления³⁷.

Следует отметить, что при всех проверках деятельности охранных отделений и губернских жандармских управлений особое внимание уделялось работе руководителя по набору секретной агентуры, «заагентуриванию» арестованных при допросах. Практически начальство часто оценивалось исходя из того, сколько имелось секретных сотрудников, особенно по каждой партии, движению. Очевидно, в случае с Секеринским сыграли и какие-то личные мотивы и сложные взаимоотношения по службе. Во всяком случае в выше упомянутой записке указывалось, что это назначение явилось как бы актом поощрения, что министр внутренних дел и шеф жандармов Горемыкин объявил «лично благодарность [Секеринскому] за отлично-успешную службу в должности начальника охранного отделения...».

Место Секеринского занял В. М. Пирамидой. Деятельность нового начальника Петербургского

охранного отделения оказалась чрезвычайно неэффективной, в том числе в поиске и руководстве агентурой, организации наружного наблюдения. Остается лишь догадываться, благодаря какому сочетанию покровительства и снискания милости у вышестоящих чиновников он умудрился продержаться на этом посту четыре года. 11 ирам и до в погиб в результате странного несчастного случая в июле 1901 года.

Преемник Пирамидова Н. И. Мачалов (1901 г.) прослужил менее года. Позднее, в 1901 г., начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов (1896-1902) смог устроить своего помощника И. А. Сазонова на вакантное место руководителя отделения. Сазонов утверждал, что когда он принимал на себя это руководство, то получил лишь одного посредственного осведомителя. Пройдя хорошую школу Зубатова, он немедленно приступил к расширению агентурной сети и уже 3 января произвел несколько арестов активистов «Искры».

Успехи Сазонова были замечены. Его перевод в августе 1903 г. в Департамент полиции был связан с увольнением С. В. Зубатова с должности заведующего Особым отделом Департамента полиции. Ученик занял место учителя. Кандидатура Сазонова была одобрена в Министерстве внутренних дел.

В 1903 г. Сазонова сменил Л. Н. Кременецкий, который был назначен в спешке, он оказался недостаточно компетентным офицером безопасности. Судя по всему, у него не было надежных осведомителей, отсутствие которых он компенсировал провокационными методами, как уже это делал в Екатеринославе. По

указанию С.-Петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепа она, он был уволен в январе 1905 г.

Практически до начала 1905 г. не было сильной фигуры в руководстве Петербургского охранного отделения. В феврале 1905 г. его начальником, по представлению директора Департамента полиции А. А. Лопухина, был назначен А. В. Герасимов, до этого возглавлявший Харьковское охранное отделение и, как указывалось в послужной характеристике, отличившийся «испытанною уже опытностью, глубоким знанием дела и редкой преданностью служебному долгу». Он оказался именно той фигурой, которая была необходима правительству в этот сложный период революционных потрясений. Сам Департамент полиции и его руководство находились в растерянности вплоть до июня 1906 г., когда его директором назначили М. И. Трусевича.

Вспоминая свои первые дни в Петербурге, Герасимов писал, что «первую ночь в охранном отделении я провел за пустым письменным столом - в то время как вокруг меня офицеры и чиновники занимались непонятной деятельностью, - отчаиваясь и кляня свою судьбу, поставившую передо мною такую задачу. Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся под угрозой террора высоким особам: "Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны. Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем только одно рекомендовать- если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ"».

В Петербурге Герасимов активно берется за дело, наводя порядок в самом охранном отделении и занимаясь борьбой о революционным движением. Генерал-майор Трепов, чрезвычайно довольный его действиями, считал,

что благодаря «исключительно умелой распорядительности и энергии были задержаны главные распорядители смуты», обнаружены «мастерские взрывных снарядов, предупрежден ряд акций», причем «вся работа проводилась при постоянной угрозе со стороны революционеров» 5.

В июне 1905 г. Герасимов «вне правил» получил чин полковника, в 1906 г. - орден Св. Владимира. На протяжении последующих двух лет он тесно работал с премьер-министром П. А. Столыпиным. другими должностными лицами, чтобы раскрыть, подорвать и в конечном итоге разрушить подпольные революционные организации в России. Под руководством Герасимова отделение проводило десятки арестов революционеров. За свои активные действия он в 1907 г. получил чин генерал-майора, в 1908 г. удостоен Высочайшей благодарности, а 1 января 1909 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

Тайная полиция успешно раскрывала один заговор за другим. Тем не менее за этими действиями скрывалась мрачная действительность. Социалисты-революционеры планировали убийства всего правого крыла Госсовета, министра юстиции И. Г. Щегловитова, великого князя Николая Николаевича и самого императора. В эти планы, видимо, входило также покушение на Столыпина во время его полета на самолете. Трое матросов на разных судах готовы были застрелить императора, находившегося на кораблях в Ревеле 17 мая и в Кронштадте 24 сентября 1908 г. В центре проводимых полицией охранительных мер стоял А. В. Герасимов, а за ним Е. Ф. Азеф. Герасимов доверял последнему, хотя проверял и перепроверял его донесения. Однако Азеф не упоминал о заговоре в Кронштадте, и полиция ничего не

знала о нем. Лишь по счастливой случайности Николай II был спасен: двое матросов не смогли заставить себя выстрелить в монарха. Позже Спиридович писал: «Мы понятия не имели о том, насколько близки мы были к катастрофе». В результате разоблачения Азефа в январе 1909 г. общественность была шокирована, правительство дискредитировано, социал-революционеры впали в отчаяние от стыда и ужаса, а высокопоставленные служащие полиции, включая самого Герасимова, оказались в опале.

В октябре 1909 г. последнего на посту начальника охранного отделения Санкт-Петербурга заменил Сергей Георгиевич Карпов. Уроженец области Войска Донского (р. 1864 г.), казак, получил образование в 4-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду, что свидетельствовало о его больших успехах. Военную службу начал в 1886 г. подпоручиком в 131-м пехотном Тираспольском полку. В Штаб корпуса был принят в мае 1895 г. и в конце года получил чин штаб-ротмистра. В первое время служил на родине адъютантом Областного (Донского) жандармского управления, начальником отделения жандармско-полицейского управления, помощником начальника Областного жандармского управления в Ростовском округе. Продвигался по службе медленно, занимал в основном должности в ЖПУ ж. д.4 Спиридович кратко характеризовал его личностью, не соответствующей профессиональным требованиям⁵⁰. Почему же в таком случае он был назначен начальником самого большого и важного в стране охранного отделения? Некоторые полагали, что Герасимов хотел, чтобы его сменила личность ничтожная, на фоне которой он выгодно отличался бы собственным

профессиональным мастерством. Как бы подтверждая этот слух, Виссарионов признавал, что «Карпов не мог так легко занять его место». Начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов, встречавшийся с Карповым и его подчиненными, вспоминал: «...полковник Карпов едва ли был нормальным человеком. Он весьма сухо и высокомерно принял меня... Впечатление он на меня произвел странное. Он топорщился, слясь подчеркнуть свое значение среди руководителей политического розыска. Я быстро распростился с ним и в беседах с офицерами, состоявшими в этом отделении и хорошо мне знакомыми, заметил растерянность и полное непонимание причин, поведших к тому, что они приобрели такого странного начальника. Рассказывали, например, что Карпов принимал подчиненных для доклада в совершенно голом виде».

Судьбу Карпова решил эсер А. А. Петров. Арестованный вместе с О. С. Минором в начале 1909 г., он дал согласие стать секретным сотрудником, в связи с чем полиция посодействовала его побегу из тюрьмы. Затем он уехал за границу и сознался во всем своим товарищам по партии. Они потребовали, чтобы он «искупил грехи» путем убийства одного из полицейских чиновников. Карпов настолько слепо доверял Петрову, что оборудовал специально для него конспиративную квартиру на Астраханской улице, в доме № 25, в Выборгском районе. При их очередной встрече 17 декабря Петров подорвал установленную под столом в гостиной бомбу.

22 декабря 1909 г. начальником охранного отделения Санкт-Петербурга был назначен Михаил Фридрихович фон Коплен. (На него попытался совершить аналогичное покушение в апреле 1909 г. в Париже

другой доносчик - Михаил Рнпс*) Фон Котен учился в Полоцком кадетском корпусе, Павловском военном училище, Николаевской военной академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге, что сделало его вместе с Глобачевым единственными высокопоставленными офицерами, начальниками охраны с высшим образованием. Возможно, поэтому К. Д. Кафафов вспоминал фон Котен а, как одного из очень немногих образованных офицеров политической полиции, которых принимали «в любом обществе». Губернатор Москвы, где фон Котен был начальником охранного отделения начиная с апреля 1907 го. на тал его «блестящим руководителем», который воспитывал у своих подчиненных преданность к работе и «корпоративистский дух». Спиридович считал его «умным, интеллигентным и способным», но полагал, что он «использовал рискованные методы». Тайный осведомитель характеризовал фон Котена как человека, «с которым трудно разговаривать, жесткого, рассказчика неприличных анекдотов и полного собачьей преданности к автократии».

Очевидно, фон Котен был весьма талантливым охранником, скорее всего не уступавшим Герасимову, но, возможно, такой умный, настойчивый профессионал, не чуравшийся любых методов полицейского сыска, не был правильным выбором для времени, когда завоевание общественной поддержки для правительства являлось более важной задачей, чем ликвидация остатков уже уничтоженного подпольного революционного движения. Во всяком случае, таково было решение товарища министра внутренних дел, заведующего полицией В. Ф. Джунковского, назначенного на этот пост в начале 1913 г. Человек с высоким чувством чести или, по крайней

мере, производивший впечатление одержимого им, Джунковский посвятил много усилий и времени «зачистке» полицейских организаций. Он стремился защитить и поддержать государственный порядок, но не применял для этого традиционно использовавшиеся методы, запретив иметь секретную агентуру в армии и средних учебных заведениях. По этому поводу им был издан специальный циркуляр. Однако дальнейшие события показали, что действия Джунковского не были оправданными.

В планы Джунковского по чистке аппарата тайной полиции входило смещение фон Котена. В ноябре 1913 г. он организовал ревизию охранного отделения в Санкт-Петербурге. Созданная им комиссия, собравшая достаточно компрометирующего материала, обосновала необходимость этого увольнения. Она обнаружила наличие «слишком большого количества беспочвенных арестов» и «недостаточность перекрестной проверки» отчетов агентов, Судя по всему, такие погрешности свойственны были всем охранным отделениям, но говоря уже о жандармских управлениях.

Хотя градоначальник Д. В. Драчевский и предупреждал, что не может гарантировать обеспечение безопасности в столице без фон Котена, тому предложили «повышение» до главы жандармерии на периферии, от которого он вежливо отказался и в январе 1914 г. добровольно ушел в отставку из жандармского корпуса. Одно время он был начальником штаба Кронштадтской крепости, затем занимался укрепленном российской контрразведки, для чего выезжал в секретные командировки в Германию и Австрию, потом служил в Гельсингфорсе.

Преемником фон Котена стал П. К. Попов, пребывавший до этого на посту начальника Севастопольского жандармского управления. Сначала он просил Джунковского отклонить его кандидатуру, но после согласился на эту должность только «но три месяца», а прослужил в течение года. За это время мало что изменилось в деятельности охранного отделения. П. К. Попов был на хорошем счету в Департаменте полиции и Министерстве внутренних дел, считавших его крупным специалистом в доле политического сыска. Да и сам он себя считал таковым.

Интересно отметить, что в 1913-1915 гг. Департамент полиции много занимался вопросом обновления инструктивного материала по политическому розыску. Эта работа была поручена подполковнику В. Э. Энгбрехту, который закончил он в декабре 1914 г. Документ имел заголовок «Наказ по ведению политического сыска» и содержал три основных раздела. «Наказ» Энгбрехта был послан на заключение полковнику Попову, которое, к сожалению, отыскать не удалось. В связи со смертью Энгбрехта Попов перехватил инициативу по подготовке этого документа, значительно доработал и расширил его уже в качестве штаб-офицера для поручений при министре внутренних дел.

С уходом Попова с должности начальника охранного отделения Джунковский приступил к поиску «человека, который, как он полагал, был безупречным жандармским офицером», способным возглавить Петроградское охранное отделение. Им стал К. И. Глобачев, с которым Джунковский познакомился во время своего визита в Нижний Новгород в 1913 г.

К. И. Глобачев - начальник Петроградского охранного отделения

Константин Иванович Глобачев родился в апреле 1870 г. в семье потомственных дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус (за год до фон Котена), затем Павловское военное училище. В 1890 г. был назначен младшим лейтенантом в Кексгольмский лейб-гвардии полк, размещенный в Варшаве. Дальнейшее образование продолжил в Николаевской академии Генерального штаба (1890 г.) в Санкт-Петербурге, по окончании которой вернулся в свой полк на должность батальонного адъютанта. За обучение в академии, на основании приказа по военному ведомству, он обязан был срочной службой в нем.

Августейшим шефом Кексгольмского полка являлся австрийский император Франц-Иосиф. По Высочайшему повелению от 28 марта 1897 г. Глобачев был командирован в Санкт-Петербург для его встречи. В связи с этим событием, а также с 50-летием назначения австрийского монарха шефом полка Глобачеву были вручены кивалерский орден Франца-Иосифа и юбилейная серебряная медаль.

1 мая 1899 г. ему поручили исполнять обязанности делопроизводителя полкового суда. 25 сентября 1900 г. назначили заведующим учебной командой. Незадолго до этого он получил чин штабс-капитана.

В феврале 1903 г. Глобачев ИЗЪЯВИЛ желание перейти в Корпус жандармов. Как было сказано выше, при переходе в корпус обязательно собирались сведения об офицере, его нравственных качествах, долгах, отношениях с товарищами. В фонде «Штаб отдельного корпуса жандармов», хранящемся в ГА РФ, сохранилось

дело «О переводе в корпус штабс-капитана лейб-гвардии Кексгольмского полка Глобачева», где имеется характеристика, данная ему начальником Варшавского ГЖУ. Она невелика по объему, но достаточно интересна по содержанию: «... Константин Глобачев прекрасных нравственных качеств, весьма способный и усерден в службе, пользуется хорошей репутацией, как у своего начальства, так и в среде своих товарищей, частных долгов не имеет, за исключением долга в офицерский заемный капитал своего полка «...» названный обер-офицер представительной наружности «...» теоретически знает французский, немецкий и говорит по-польски...».

28 февраля 1903 г. К. И. Глобачев был внесен в список кандидатов на прикомандирование к Корпусу жандармов, приглашен на подготовительные курсы, обязательные для поступивших офицеров. В этом же году он был принят в Корпус жандармов и направлен в Петроковское ГЖУ адъютантом.

Надо отметить, что должность адъютанта определенное время исполняли все офицеры, принятые в корпус. Это была своего рода стажировка, когда офицеры знакомились с организацией делопроизводства в ГЖУ, присутствовали на допросах арестованных, поддерживали связь с представителями прокуратуры по тому или иному делу и входили в курс работы своей будущей профессии. Через несколько месяцев (1 апреля 1904 г.) Глобачева перевели в резерв Бакинского, затем (29 мая 1904 г.) Гродненского ГЖУ. 5 сентября 1905 г. его назначили начальником жандармского управления в Лодзинском и Ласском уездах. Это был небольшой, но самостоятельный участок работы.

В Польше организация службы жандармских управлений несколько отличалась от подобной внутри России. Жандармские управления находились в каждом губернском городе. Начальник губернского управления имел нескольких помощников, которые находились в уездах, где возглавляли местные жандармские управления. Что касается Привисленского края, то руководители уездных жандармских управлений именовались не помощниками, а начальниками, имели определенную самостоятельность, что вырабатывало большое чувство ответственности.

Однако с Глобачевым вышло несколько иначе: его назначили не только руководителем уездным жандармским управлением, но и начальником Лодзинского охранного отделения. Такое сочетание двух должностей в одном лице оказалось достаточно благоприятным для выполнения своих служебных обязанностей: не было обычных распрей между службами жандармского управления и охранного отделения, удалось справиться с таким беспокойным фабричным районом, как Лодзь, с его постоянными забастовками и объявленным локаутом. В одном из документов, связанных с событиями в Лодзи, в сообщении помощника варшавского генерал-губернатора от 25 сентября 1907 г. указывалось, что «после постоянных забастовок в Лодзи, когда объявленный локаут заставил 25 000 рабочих, под влиянием утраты до известной степени веры в своих преступных руководителей, встать на работы, спокойствию города и дезорганизации революционных деятелей много способствовал своею энергиею полковник Глобачев».

С рабочими выступлениями справиться было проще, чем с многочисленными нелегальными партийными

организациями Лодзи - анархистами-коммунистами, Бундом, сионистами-социалистами, Национальным рабочим союзом, Польской социалистической партией, Социал-демократией Королевства Польского и Литвы. Проводились обыски, аресты, высылки, но не всегда представлялась возможность внедрения своей агентуры.

Местное начальство было довольно работой Глобачева. Недаром генерал-майор Казнаков возбудил перед министром внутренних дел ходатайство о производстве того в полковники¹.

После четырех лет службы в Лодзи Глобачева перевели в Варшаву. Когда в декабре 1909 г. начальника Варшавского охранного отделения П. П. Заварзина перевели на должность руководителя Московского охранного отделения, то первой и окончательной кандидатурой на освободившееся место был Глобачев. Он возглавил Варшавское охранное отделение и Привисленское районное охранное отделение. Это была большая ответственность за г. Варшаву и практически за все польские губернии, входившие в состав Российской империи.

Стоит подчеркнуть, что к числу основных задач районных охранных отделений (РОО) относилось создание внутренней агентуры для «разработки» всех местных партийных организаций. Начальникам РОО предоставлялись широкие полномочия по организации политического сыска на местах, но Департамент полиции предъявлял им и большие требования, касающиеся знания района, деятельности охранных отделений и ГЖУ, проведения инструктажа, ознакомления работников политического сыска с секретными инструкциями.

Районные охранные отделения стали создаваться в начале 1907 г. «в целях успешной борьбы с революционным движением». Положением о РОО на них возлагалась задача объединения всех функционирующих в пределах района (охватывающего несколько губерний) органов политического сыска. РОО, по замыслу их организаторов, должны были централизовать и направлять работу по политическому сыску в определенном регионе. Немалое значение придавалось знанию обстановки на местах, принятию быстрых решений, тесному сотрудничеству охранных отделений и жандармских управлений.

Переход Глобачева в Варшаву совпал со временем, когда шла серьезная проверка кадрового состава сотрудников политического сыска и их работы. В это время в Департамент полиции в качестве заведующего Особым отделом вернулся полковник А. М. Еремин. Его последнее место службы в Кавказском районном охранном отделении, знакомство с порядком в отдаленных ГЖУ вызывало много вопросов. Но именно им была разработана анкета³ по ежегодной аттестации офицеров. Вопросы были очень серьезные, кроме обычных: возраст, где воспитывался, семейное положение, были ли взыскания, денежные дела, награды, образ жизни, имущественное положение, ставились вопросы: владеет ли иностранными языками и какими; как владеет пером; «степень твердости воли и нравственных правил»; каковы умственные способности; знаком ли с историей революционного движения и в какой степени; знает ли программы и уставы партий (социал-революционеров, РСДРП. Анархистов), а также национальных партий; знает ли инструкции по ведению внутренней агентуры и наружного наблюдения;

отчетность по розыску; «сколько лично приобрел в отчетном году секретных сотрудников и по каким партиям»; каких сотрудников: интеллигентов или рабочих; «способен ли к самостоятельной полицейской деятельности»; умеет ли руководить подчиненными и пользуется ли у них авторитетом; не склонен ли к провокационным приемам и т. д.

В связи с этим начались проверки и инспекции Департамента полиции на местах, которые проходили под руководством его вице-директора С. Е. Виссарионова. (За три года, которые Глобачев возглавлял Варшавское охранное отделение, он дважды подвергался такой инспекции - в октябре 1909 г. и феврале 1911 г.) Их результаты были неутешительными. Как сообщалось в одном из отчетов, проверки привели «к самым грустным выводам», показали, что «офицеры были бездеятельны в деле политического сыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему».

Товарищем министра внутренних дел и Департаментом полиции по результатам проверки рассылались циркуляры, напоминавшие об обязанностях розыскных офицеров. В одном из них (от 3 апреля 1910 г.) отмечалось, «что начальники охранных отделений, не исключая и районных, совершенно не занимаются подготовкой к розыскной деятельности офицеров, занимающих должности в охранных отделениях». Это послужило причиной увольнения 14 начальников ГЖУ в Москве, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани, Гродно, Минске, Херсоне и других центрах, признанных неспособными «к руководству розыскными органами».

Глобачева в его работе активно поддерживал помощник варшавского генерал-губернатора генерал-лейтенант Л. К. Утгоф, который видел ту серьезную для властей обстановку, сложившуюся в Привисленском крае. 9 марта 1912 г. он писал в Департамент полиции: «Усердно ходатайствую о том, чтобы представления мои [на] чинов Варшавского охранного отделения были уважены». Он делал представления и на полковника Глобачева к награде «по сокращенному сроку», указывая, что тот «несет непосильный труд по району и по отделению» и что награждение его является «не только заслуженным, но и необходимым поощрением для человека, столь обремененного работой»⁶⁶.

Между тем Виссарионов, по результатам проведенной проверки, в своем отчете дал совсем не лестную характеристику начальнику Варшавского охранного отделения, который до тех пор был на хорошем счету. Глобачева упрекали в том, что он не знаком со всеми секретными сотрудниками, «лишен энергии и слишком мягок, не следит за работой и не интересуется, насколько каждый из чиновников... ревностно относится к своим обязанностям»⁶⁷, а также мало занимается укреплением численного состава секретной агентуры.

Это был серьезный недостаток с точки зрения Департамента полиции, который по этому поводу издал целый ряд циркуляров, требуя от начальников ГЖУ и охранных отделений активно создавать секретную агентуру во всех слоях общества. Но дело это было непростое, и некоторые коллеги Глобачева, чтобы не упасть в глазах руководства департамента, шли на прямой подлог, записывая в число секретной агентуры

своих друзей, соседей, знакомых, об этом даже не подозревавших. Выяснилось же это только в 1917 г., во время деятельности комиссий Временного правительства, когда стали публиковаться списки секретных сотрудников в периодической печати. Об этом подробно писал С. Членов, работавший с материалами Московского охранного отделения и ГЖУ. В своей книге он сообщает, «что после категоричного приказа из Петербурга в 1911 г. иметь осведомителей среди населения, жандармы, поставленные между двух огней... начали составлять фиктивные списки, включая в них тех лиц, к которым они обычно обращались за разными справками. Таким образом, и у местных жандармов, и в губернских управлениях оказались списки их знакомых, волостных старшин, писарей, старост...» 8. Глобачев, безусловно, не пошел по такому пути.

Утгоф, недовольный результатами ревизии, встал на его защиту. Он направил в Департамент полиции памятную записку, в которой ходатайствовал разрешить Глобачеву ходить на свидания только с теми сотрудниками, которых он «ведет», а с остальными, «когда он признает нужным». Очевидно, что при проверке была допущена определенная предвзятость, так как тон обсуждения Глобачева меняется. Резолюция на этой записке, доложенной товарищу министра внутренних дел, написана рукой Виссарионова и заканчивается следующими словами: «ему [Глобачеву] разрешается вести наиболее серьезных [секретных сотрудников], знать же он должен всех». В Департаменте полиции был решен вопрос о его переводе на другую должность.

Согласно приказу по штабу корпуса от 20 ноября 1912 г. Глобачев был назначен начальником ГЖУ в

Нижнем Новгороде, куда он выехал 23 декабря 1912 г. Было ли это понижение?! Конечно, должность начальника Варшавского охранного отделения была престижной. Ведь когда говорили о трех столицах, то имели в виду Петербург, Москву и Варшаву. Но должность начальника ГЖУ в Нижнем Новгороде, известном своими ярмарками, также была достаточно важной. Кроме того, шла подготовка к 300-летию Дома Романовых, а Нижний Новгород в этих торжествах играл очень важную роль.

Очевидно, все перипетии, павшие на долю Глобачева в Варшаве, сильно задели его самолюбие, а может быть, его удаление из Варшавы имело и другую причину: слишком долго он оставался в Польше, что порой приводило к срачиванию с местным чиновничеством и населением, мешало принимать радикальные и жесткие меры.

С первых же дней своего пребывания в Нижнем Новгороде Глобачев ходатайствует об усилении унтер-офицерских пунктов и учреждении нового в с. Высокое Ардаговского уезда, об увеличении средств на наем помещения под ГЖУ70.

Просматривая документы Московского районного охранного отделения (в сферу которого входил и Нижний Новгород), можно обнаружить, что Глобачев очень быстро вошел в среду местных чиновников и жандармов. Составленные им донесения в Департамент полиции и Московское РОО71, в том числе и интересная записка «о деятельности революционных партий в Нижегородской губернии и настроении населения в 1912-1913 гг.»⁷² свидетельствуют о его активной деятельности.

Во время подготовки торжеств к 300-летию Дома Романовых товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский объезжал губернии, разрабатывая маршрут поездки императора Николая II по городам России, в числе которых был и Нижний Новгород. Здесь произошло знакомство Глобачева с Джунковским и состоялся серьезный разговор о мерах охраны императора и его свиты. Позднее в своих воспоминаниях Джунковский писал, что полковник Глобачев произвел на него «прекрасное впечатление, которое и подтвердилось вполне, когда я с ним познакомился поближе. Он оказался отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыском деле; спокойный, мягкого характера, честный, он держался скромно и не старался выделиться. Я его выдвинул впоследствии на ответственную должность начальника С.-Петербургского охранного отделения, на каковой должности он оставался до самой революции, ни разу не уклонившись в сторону от преследуемого мною направления, которое, впрочем, вполне соответствовало и его характеру»⁷³.

В начале февраля 1914 г. Глобачева перевели на достаточно престижную должность начальника Севастопольского жандармского управления 4. Именно тогда у него сложились хорошие отношения с генералом Спиридовичем, заведующим дворцовой агентурой. Их сближали общие задачи и совместная дружная работа на благо дела. Это сотрудничество продолжалось и в последующие годы, когда Глобачев работал в Петроградском охранном отделении.

Много позднее Спиридович в своей книге писал: «В последнее время охранное отделение помещалось в особняке, принадлежавшем принцу Ольденбургскому, на Мытнинской набережной. Громадные комнаты, много их,

лепные потолки, зеркала, ковры. В огромном дубовом кабинете я беседовал с генералом Глобачевым. Не глупый, работающий, исполнительный и глубоко порядочный человек, Глобачев был типичный хороший жандармский офицер, проникнутый чувством долга и любви к царю и родине. Но он был мягок и не мог по характеру наседать на начальство. Для мирного времени он был хорош, для надвигающейся смуты -мягок. У него не было ничего от Герасимова, который когда-то с Дурново и со Столыпиным скрутили первую революцию... Глобачев находил политический момент очень серьезным. Катастрофа на фронте и в тылу почти полная. Вся левая общественность решила использовать момент и старается вырвать у государя "ответственное министерство". А куда это приведет, Бог ведает. Некоторые депутаты договариваются в своих мечтаниях до Учредительного собрания»75.

Со Си при лови чем можно согласиться в том, что Глобачев был мягок и интеллигентен и в происходивших событиях он разбирался прекрасно, ситуация для него была ясна. Но в отличие от Герасимова, которого слушали и слушались и которому была дана *carte blanche*, Глобачев находился в другой ситуации. Его не слышал ни директор Департамента полиции Васильев, ни министр внутренних дел Протопопов, которого интересовало только одно - организация охраны Распутина. Рядом с Герасимовым были такие фигуры, как Столыпин, Дурново, Трепов, рядом с Глобачевым - совершенно ничего не понимавший в вопросах политического сыска Протопопов, безумно боявшийся депутатов Государственной думы и каждого решительного шага полиции. У Глобачева не было рычагов воздействия на высшее начальство, поэтому даже для того, чтобы

арестовать рабочую группу Военно-промышленного комитета, ему приходилось испрашивать разрешение у министра внутренних дел.

То, что говорит Спиридович, это, безусловно, не упрек. Это просто не знание Спиридовичем тех возможностей, которые были в данной ситуации у начальника отделения и независимо от его личности. Сам Глобачев в своих воспоминаниях по этому поводу пишет: «Охранное отделение, как и все прочие органы политического розыска в империи, было прекрасно налаженным в техническом отношении аппаратом для активной борьбы с революционным движением, но оно совершенно было бессильно бороться с все нарастающим общественным революционным настроением будирующей интеллигенции, для чего нужны были другие меры общегосударственного характера, от охранного отношения не зависящие. В этой области охранное отделение давало только исчерпывающие информации, советы и пожелания, которые упорно обходились молчанием» 6.

В делах Департамента полиции сохранился интересный доклад «О причинах дороговизны и мерах, направленных на борьбу с ней», составленный еще 27 января 1916 г. Это был серьезный аналитический документ с примерами и экскурсом в историю, автор которого как бы предвидел, во что может вылиться положение с продовольствием. Доклад был направлен в Министерство внутренних дел, откуда 31 января его переслали в Департамент полиции. Имеются пометы об ознакомлении с ним в Департаменте и пометы: «4/2; 5/2; К делу 6,11», сделанные разным почерком. Но были ли приняты какие-то важные меры, можно ли Глобачеву было в этой ситуации ждать реальных поступков от

директора Кафафова К. Д., как впоследствии и от директора Васильева? В своих объяснениях, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Васильев А. Т. охарактеризовал свою задачу как руководителя следующим образом: «Я всегда считал, что Департамент полиции не должен играть какой-либо самостоятельной роли, а должен служить центром, где сосредотачиваются те или иные сведения, по существу коих должен так или иначе оперировать лишь министр внутренних дел».

Конечно, большая часть вины за неспособность принятия необходимых мер лежала на правительстве и главным образом на последнем российском императоре. Но можно ли сказать, что суровый и требовательный чиновник, ответственный за охранное отделение в Петрограде в феврале 1917 г., способен был Изменить роковой ход событий того месяца?

По словам А. А. Блока, «доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику августейших настроений; они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже услышать не могла». Летом 1916 г., судя по сохранившимся в Департаменте полиции донесениям и по воспоминаниям Глобачева, последний потребовал от командующего Петроградским военным округом генерала Н. Е. Туманова вывода из столицы всех военнослужащих запаса как неблагонадежные и распропагандированные части. Однако последний отказался это сделать. Более того, осенью 1916 г. Глобачев неоднократно предупреждал о растущей враждебности общества к политической системе и, в частности, к самому правящему дому. Но политической полиции никак не удавалось убедить высокопоставленных чиновников в чрезвычайности

момента и необходимости решительных и эффективных мер.

Тем временем начиная с сентября недовольство масс резко активизируется. Отовсюду слышались настойчивые жалобы по поводу явных нарушений, негодности правления и ухудшения материального положения - голода, неравного распределения продуктов питания и предметов первой необходимости, а также резко растущей инфляции. «Продовольственный кризис, - как уже писал Глобачев, - является исключительной и значимой причиной общественного ожесточения и недовольства». И далее: «В данном случае имеются определенные и точные данные, позволяющие категорически утверждать, что пока все это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т.д.). оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим». В его донесении в конце ноября повторялись те же опасения 81. И хотя казалось, что в результате проведенных ранее репрессивных мер против социал-демократических организаций последние находились в «ужасном положении», а эсеры были «абсолютно разрознены», Глобачев потребовал, дальнейших арестов центральной «инициативной группы» (меньшевиков) 13 сентября и террористических организаций анархистов 17 сентября. Аресты большевиков производились с 9 по 19 декабря и в ночь на 1 января 1917 г. Как сообщал Глобачев на следующий день директору Департамента полиции А. Т. Васильеву,

руководящий комитет социал-демократической партии, большевистской фракции, остался все-таки целым и предположительно готовил попытку проведения демонстрации 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья. Три дня спустя, 5 января, Глобачев докладывал материал, добытый через секретную агентуру: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи (одинаково), как о намерениях Правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем "дворцового переворота", предвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении "пресловутого старца"». Далее он добавляет, что политический момент напоминает канун 1905 года⁸⁴.

Практически с 1 по 17 января каждый день охранное отделение проводило обыски и аресты лидеров большевистской партии, инициативной группы (меньшевиков), а в конце месяца рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. С каждым днем доклады становились все тревожнее. Накануне 9 января Глобачев докладывает «о настроениях революционного подполья» по партиям, делая вывод о том, что «ряд ликвидации последнего времени в значительной степени ослабили силы подполья, и ныне, по сведениям агентуры, к 9 января

возможны лишь отдельные разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будет носить неорганизованный характер... однако наблюдается общая распропагандированность пролетариата».

Донесения охранного отделения становятся все длиннее и затрагивают настроение, царившее во всех слоях русского общества. Так, в обширной записке от 19 января, полученной от осведомителя и представленной в Департамент полиции, говорилось: «Отсрочка заседаний Государственной думы до сего времени продолжает быть центром всех суждений в самых разнообразных кругах столичного общества... население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах и пр.) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия... Не способные к органической работе и переполнившие Государственную думу политиканы, всевозможные "герои тыла", сомнительные дельцы союзов городов, земств, военно-промышленных комитетов и пр. и пр. понимают свое полное бессилие помочь Правительству в деле упорядочения тыла разрухе которого они содействуют своими речами... Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны... возможно, что роспуск Государственной думы послужит сигналом для вспышки революционного брожения в разнообразных кругах общества и приведет к тому, что правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов Думы, а со всей Россией»... Далее в записке сообщалось о настроении в армии, о том, что озлобление обывателя дороговизной требует «кровавых гекатомб из трупов министров, генералов», а в семьях, затронутых политикой, «свободно рождаются речи опасного характера,

затрагивающие даже священную особу государя императора»...

26 января Глобачев пишет в Департамент полиции: «В дополнении к донесению моему от 19 сего января, за № 47 имею честь представить вашему превосходительству нижеследующий, вновь добытый через секретную агентуру вверенного мне отделения осведомительный материал о настроениях и ближайших намерениях активных руководящих кругов прогрессивно-настроенной и оппозиционной части столичного общества».

Доклад был очень серьезным. Говорилось и об обстановке в Государственной думе и имеющихся группах, о планах, стремлениях, о взаимоотношении с правительством, о Центральном военно-промышленном комитете и его позиции, о настроении рабочей группы ВПК и т. д.

В докладе от 26 января сообщалось, что передовые и руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, «кому и какой именно из "ответственных портфелей" удастся захватить в свои руки», «наиболее авторитетные группы стремящейся к власти оппозиции», «самым коренным образом расходятся по вопросу о том, как разделить "шкуру медведя" «...» всем крайне хотелось бы предоставить право первой и решительной "боевой встречи" с обороняющимся правительством кому угодно, но не себе, и потом уже, когда передовые борцы "свалят власть" и расчистят своими телами дорогу к "светлому будущему" - предложить свои услуги стране на роли "опытных и сведущих государственных строителей"...» «Что будет и как все произойдет в действительности, судить сейчас трудно, но, во всяком

случае, - воинствующая оппозиционная общественность, безусловно, не ошибается в одном: события чрезвычайной важности чреватые исключительными последствиями для русской государственности... не за горами».

Данные сведения обеспокоили директора Департамента. Его резолюция гласила «Срочно. Чрезвычайно важно (включить. -З. П., Д. Д.) в записку Всеподданнейшего доклада т. министру о Пленарном заседании... Немедленно. Прошу записку в 3 экземплярах г. министру 27 янв.»

Исходя из вышеприведенных документов можно сделать вывод, что охранка была хорошо информирована о положении в столице. В штабе отделения был сильный офицерский состав, который ежедневно получал информацию, анализировал ее, составлял доклады и обзоры, которые затем отсылались в Департамент полиции.

Петербургское охранное отделение получало сведения по общественному движению и по партии кадетов из четырех очень важных источников. В отличие от рабочей агентуры, которые давали сведения устно, агентура по общественному движению часто давала обширные самостоятельные записки. В основном это были журналисты, близко стоявшие к российским политическим кругам.

Пожалуй, наиболее интересные были сообщения «Петра Яковлевича». За такой кличкой скрывался журналист, сотрудник газет «Земщина», «Новое время», «Русское слово». Начал он свою работу в качестве секретного сотрудника еще в 1900 г. Первоначально давал сведения по социал-демократам и эсерам. Он жил

и писал под разными именами. Некоторые его знали как Раковского Леонида Петровича, другие как Лернера Пинхуса Янкелевича, Рогозина Леонида Павловича, Финкельмана Михаила Львовича, Перлова Петра, Тиркеева Василия Петровича. Был секретный сотрудник под громкой кличкой «Парвус». Начиная свою деятельность в сыске с Саратова, где имел клички «поэт», «Петровский», затем служил в Самаре. Он работал в редакциях газет «Волжское слово», «Голос Самары». Жил под фамилиями - Чудов Николай Александрович, Длушневецкий Логин Логинович. Под кличкой «Туманский» давал сведения Ветров Евгений Дмитриевич, он же Беззабава-Беззабов Евгений Иванович. А под кличкой «Рутинен» - Денисов Николай Петрович - сын отставного генерал-майора, преподаватель древних языков.

Проведенные в январе аресты подтвердили сведения, которыми располагало охранное отделение. Материалы, изъятые при обыске рабочей группы Военно-промышленного комитета, указывали на то, что ими готовилась демонстрация в поддержку Государственной думы и провоцирование ее к захвату власти. Демонстрации планировались на 10 или 14 февраля. В своем докладе (от 5 февраля) Глобачев писал, что они могут иметь успех, учитывая решительное настроение рабочих масс. Действительно, при высокой инфляции и периодическом исчезновении из магазинов хлеба и мяса «можно ожидать крупномасштабных забастовок, вооруженных столкновений с полицией и войсками, чтобы дабы кровавые события, толкающие страну к революционному перевороту в пользу буржуазных слоев».

Доклады Глобачева от 5 и 7 февраля очень обеспокоили петроградского градоначальника А. П. Балка, который собрал совещание по вопросу о мерах к охранению порядка и спокойствия в столице в дни 10-14 февраля. На этом совещании первое слово было представлено Глобачеву, который обрисовал настроение революционных организаций Петрограда. Здесь же были выработаны и меры борьбы в случае беспорядков.

В Петрограде 14 февраля забастовало 80 тыс. рабочих. Судя по всему, Глобачев не давал приказов об арестах. Согласно его сообщению в течение того дня, толпы до 500 человек ходили по улицам, скандируя: «Долой войну!», «Долой полицию!» и «Бей грабителей!». Склады хлеба, исчерпав свои запасы, закрыли двери. Народ требовал увольнения Протопопова. Циркулировали слухи о надвигающихся погромах. Офицеры (главным образом прапорщики) также принимали участие в беспорядках, насмехаясь над полицией.

На следующей неделе, в связи с прохладной погодой, которая, по-видимому, оказывала успокаивающее действие на бунтарей, было определенное затишье. Однако 21 февраля, когда был закрыт завод Путилова, лишивший десятки тысяч рабочих мест, настроение начало принимать воинственный характер. 23 февраля люди вышли на улицу, празднуя Международный женский день. Среди них было много женщин, детей, студентов. Казалось, что это было мирное шествие, но полиция была на страже и в некоторых местах «рассеивала толпу».

Но именно 23 февраля 1917 г. стало толчком к массовым беспорядкам. На работу не вышли 78 443

человека. 24 февраля эта цифра увеличилась в полтора раза (107 585 чел.), а 25 февраля она составляла 201 248, хотя в ведомостях о происшествиях по Петрограду указывалось 240 тыс. человек.

Городской голова Петрограда А. П. Балк, которого Протопопов назначил в ноябре 1916 г., впоследствии заявлял, что Глобачев был не в состоянии объяснить ему причины народного волнения 23 февраля. В своем Дневнике он отмечал: «ни Департамент полиции, ни охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. При вечернем докладе начал[ьник] охранного] отд[еления] генерал-майор Глобачев не имел сведений, объясняющих случившееся»⁹³. И хотя последний изо дня в день освещал настроение в Петрограде своими докладами, месяцами бил тревогу по поводу предстоящих беспорядков, события 23 февраля оказались неожиданными.

Спиридович в своей книге пишет, что Глобачев, постоянно говоривший о неминуемости революции, все же проглядел ее начало. Несмотря на то что Спиридович уважал начальника Петроградской охраны, он считал, что тот не мог предпринять надлежащие меры: «Он был реалист, хорошо понимал происходящие события, но не умел с ними справляться».

В ранее упоминавшемся докладе Глобачев предупреждал А. П. Балка, С. С. Хабалова, петроградское военное командование и Протопопова, что революционные активисты подстрекают демонстрантов на следующий день провести более решительные антиправительственные протесты, добавив при этом, что войска в городе ненадежны. Хабалов отдал распоряжение арестовать революционных лидеров.

Позднее Глобачев утверждал, что беспорядки возможно было бы прекратить, используя только регулярную полицию и жандармский дивизион. Однако контроль над ситуацией ускользал из рук правительства.

В связи с сообщениями о том, что социал-демократы планируют подорвать электроснабжение, другие важные для жизни города службы и предпринять меры, направленные на организацию вооруженных выступлений, и что анархисты намерены взорвать охранку и ГЖУ, Глобачев 25 февраля предложил немедленно арестовать около 200 активистов-революционеров и восстановленную рабочую группу Военно-промышленного комитета⁹⁹. Той же ночью полиция задержала сто членов революционных организаций, включая пятерых членов Петроградского комитета социал-демократов

Хотя петроградская охранка продолжала активно работать, она получала все меньше поддержки от городской полиции: 26 февраля, в воскресенье, поступило только шесть телефонных сообщений от всех полицейских участков города. По контрасту с этой картиной - Глобачев получил сообщения от пяти секретных агентов. Так как сведения агентуры приходили в среднем раз в месяц, это было довольно большое количество информации для одного дня. Один из агентов, В. Е. Шурканов, высказался пророчески: если войска останутся верными правительству, революционное движение будет разрешено, если же нет, ничто не спасет страну от революционного переворота

В это время войска оставались почти полностью верными правительству и даже в нескольких случаях

стреляли в толпу. Только одна рота Павловского полка взбунтовалась в середине дня.

Вспоминая о Февральских днях, Спиридович отмечал, что Глобачев уже осознавал, что «на них надвигается революция». И все же несмотря на то что был отличным офицером, «он не мог повлиять на министра и заставить его действовать»¹⁰². Впоследствии Глобачев заявлял, что он предупреждал Хабалова около шести часов того вечера, что толпы отказались разойтись, даже когда в них стреляли, и что он не может поручиться за надежность солдат, размещенных в Петрограде. Хабалов якобы отказался поверить этому. Бал к, однако, свидетельствует о том, что Глобачев будто бы его заверил, что войска держались твердо и беспорядки успокоятся.

Утром в понедельник 27 февраля толпы народа вышли на улицы. В городе царила суматоха, люди занимались мародерством, взламывали правительственные учреждения и т. д. В этот день Глобачевым было послано последнее донесение в Департамент полиции с сообщением о событиях в городе. Оно было доставлено в связи со спешностью на квартиру заведующего особым отделом полковника Васильева. Это был последний день службы Глобачева. Началась Февральская революция.

Через несколько дней В. М. Родзянко опубликовал сообщение с предложением офицерам явиться в Таврический дворец, что Глобачев и выполнил. Так он более чем на семь месяцев оказался заключенным первоначально в министерском павильоне Таврического дворца, затем в тюрьме «Кресты» и на гауптвахте штаба Корпуса жандармов. Он находился в распоряжении

Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Сохранилось четыре протокола его допроса в материалах ЧСК. Три из них были проведены следователем ЧСК А. А. Спичаковым-Заболотным и касались вопросов организации службы секретной агентуры, министров внутренних дел, событий в Петрограде и т. д. Четвертый протокол вел судебный следователь Петрограда, и касался он руководителей большевиков и меньшевиков, германских денег, Ленина. В этом плане интересен его ответ: «Я категорически удостоверяю, что за мое время Ленин ни в какой связи с охранным отделением не состоял, а равно мне неизвестно, чтобы такая связь существовала ранее и чтобы он оказал какое-либо влияние на забастовку, имевшую место на петроградских фабриках и заводах непосредственно перед войной. Такими сведениями, чтобы Ленин работал в России во вред ей на германские деньги охранное отделение, по крайней мере, во время моего служения не располагало». Освобожден он был 14 октября 1917 г. уже советской властью по ходатайству жены перед Урицким.

Оказавшись на свободе, Глобачев бежал на Юг, был чиновником полиции в Киеве, Одессе. Дважды выезжал из России и вновь возвращался. С 1920 г. служил в российском посольстве в Константинополе. В июле 1923 г. он с семьей перебрался в США, где ему пришлось зарабатывать средства к существованию то в качестве слуги, то вольным художником в Нью-Йорке. Получив с 1929 г. американское гражданство, Глобачев отправился в Париж по приглашению Русского общевойскового союза в качестве заместителя директора секретно-политического отдела этой организации. Когда в 1934 г. отдел был упразднен, Глобачев вернулся в

США. Однако находясь на чужбине, он все же не оставлял надежды вернуться на родину. Умер он 1 декабря 1941 г. в Нью-Йорке.

Об этом читатель прочтет в воспоминаниях самого Константина Ивановича, его жены и внука.

Как было сказано выше, книга включает воспоминания и очерки трех авторов. Центральное место в ней занимают мемуары самого К. И. Глобачева, состоящие из двух частей: они охватывают период с момента назначения его начальником Петроградского охранного отделения в феврале 1915 г., включают годы Гражданской войны и заканчиваются первыми годами эмиграции (декабром 1922 г.). Воспоминания сохранились в виде машинописной рукописи. Подлинник находится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Одна из копий в Государственном архиве Российской Федерации. Глобачев писал свои воспоминания по памяти, не имея никаких документов под рукой. В фонде Департамента полиции сохранились его донесения о настроении в столице в 1916 г. и предфевральских днях 1917 г., о которых говорится в предисловии. Эти документы известны историкам Февральской революции только по тем небольшим отрывкам, которые приводит А. Блок в своей работе «Последние дни императорской власти». Часть из них составлена в Охранном отделении и подписана Глобачевым. Часть донесений, которые также считаем донесениями Охранного отделения идет без подписи. (Подписано только сопроводительное письмо). Эти документы составлены достаточно компетентными лицами, вращавшимися в думских, журналистских, партийных кругах, информаторами Глобачева. Составители посчитали необходимым дать эти документы

в приложении. В семитомнике «Падение царского режима» неоднократно упоминается имя Глобачева в связи с допросами представителей политического сыска. Допросы самого Глобачева в издании отсутствуют. Поэтому в качестве приложения даются три протокола его допросов в ЧСК (6 апреля, 26 июня, 14 октября) и протокол допроса судебным следователем Петрограда 3 августа 1917 г.; четыре письма к жене в период Гражданской войны; приказ посольства в Константинополе об увольнении Глобачева (1923 г.); письмо Глобачева редактору газеты «Ивнинг Пост» в Нью-Йорке с критикой и разоблачением некоторых положений статей генерала Комиссарова, опубликованных в этой газете; письмо А. Драгомирова с приглашением принять участие в работе Российского общевойскового союза (18 августа 1930 г.); бывших коллег письма К. Лепешникова (1934 г.), П. А. Кусонского (1937 г.) к К. И. Глобачеву и его ответ последнему. Эти документы не только дополняют биографические сведения о Глобачеве, но и рассказывают о жизни в эмиграции, его работе в Российском общевойсковом союзе.

Текст воспоминаний и приложений дан в соответствии с современными правилами публикации исторических источников, поэтому в документах исправлялись лишь явные опечатки и описки. В квадратных скобках указаны слова, предположительно пропущенные при написании. Все исправления и добавления оговариваются в подстрочных примечаниях.

Воспоминания снабжены комментариями. При их составлении использован широкий круг источников и литературы, в комментарии по мере необходимости включались цитаты из текста источников. Кроме того,

имеется развернутый именной указатель, который порой заменяет необходимый комментарий. При его подготовке привлекалась обширная литература, в том числе энциклопедическая.

В предисловии к книге авторы сочли необходимым остановиться не только на личности Глобачева, но дать краткую историю политического сыска и Петроградского охранного отделения.

Составители выражают глубокую признательность за предоставление документов и право их опубликования профессору Колумбийского университета и шефу Бахметевского архива Р. Уортману и Т. Чеботаревой (Бахметевский архив).

Особая благодарность семье К. И. Глобачева, его внукам В. Г. и О. Г. Мариничам за предоставленные документы и ценные фотографии.

В ходе подготовки книги к публикации большую помощь составителям оказали сотрудники ГА РФ: Л. Г. Аронов, И. Н. Засыпкина, Л. В. Крячкова, А. А. Литвин, К. Г. Ляшенко, А. И. Цветкова, Е. А. Чиркова, В. И. Широков.

З. И. Перегудова, Дж. Дейли.

Примечания

1 Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. (1919/1920). № 15. В 1921 г. эта работа вышла отдельной книгой в издательстве «Алконост» в Петрограде под другим названием: «Последние дни императорской власти». Книга имела шесть приложений, очень интересных для понимания обстановки в Петербурге в предфевральские дни 1917 г.

2 Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. 1922. № 4. Судя по воспоминаниям Глобачева, он хорошо знал эту работу Блока.

3 Блок А. А. Последние дни императорской власти. Минск, 1991. С. 15-28.4 Глобачев К. И. Правда о русской революции. См. наст. ЮД. С. 5\.

5 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Донесения сохранились в фонде 102. (Департамент полиции: Особый отдел. 4-е делопроизводство), в фонде Дворцовой охраны (Ф. 97): ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61 г. 9 лит. А; 00. 1916. Д. 5. Ч. 57. Лит. Г: 00.1917. Д. 20. Ч. 57; Д. 5. Ч. 57; Д. 20. Ч. 56; Л, 347: Д. 341; Д. 341. Ч. 57. Ф. 97. Оп. 4. Д. 117 и др.

6 ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1-8. Аннотацию ив фонд см.: Путеводитель. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX - начала XX в. / Ред. С. В. Мироненко, Грегори Л. Фриз. М., 1994. Т. 1.

7 См. также: Архивное дело. М., V927. Вып. XIII. С. 29; Перегудом 1 И. Политический сыск России. (1880-1917). М., 2000. С, 222.

См.: Архивное дело. М., 1927. Вып. XIII. С. 29

8 ГА РФ. Ф. 10100. Дела за 1914-1917 гг. с номерами I. Ч. 57. Л. Д. I; Ч. 57 Л. &

10 Глобачев К. И. Правда о русской революции. См. наст. изд. С. 86.

11 ГА РФ. Ф. 111, Оп. 1. Д. 2973-2981 б.

Подробнее о складывании системы политического сыска см.: Прошито Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Ярмыш

А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880-1904 гг.). Харьков. 1978; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Перегудева З. И. Политический сыск России. 1880-1917. М. 2000; Daly Ionathoi \V. Autocracy Siege under Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905. Dekalb; Illinois, 1998; Его лее. The Watchful State: Security Police and opposition in Russia, 1906-1917 (Dekalb; Illinois: Northern Illinois University Press, 2004) и др.

Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Красный А. Тайны охраны. М... 1917; Кузьмина В. // С.-Петербургское охранное отделение в 1880-1904 гг. (Дипломная работа). М.: МГИАИ, 1986. Отдельные сведения о деятельности охранного отделения в Петербурге (Петрограде) имеются в общих работах, посвященных политической полиции: Жухрай В. Тайны царской охраны: Авантюристы и провокаторы. М., 1991; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. М., 1993ч и др.

14 О политических процессах, в которых участвовали Стрельников и Судейкин см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг. М., 1978; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг. М., 1979.

15 ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4339. Л. 6.

16 Там же. Л. 7.

Veselago N. У. The Department of Police. 1911-1913, from the Recollections of Nikolai Vladimirovich Veselago (au intervien contducted in 1962 / Ed, by Edward Ellis Smith), Smith Edward Ellis, Hoover Institution Archives. P. 19;

Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции. М., 1991, Т. 15. С. 108; Заварит П. П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930. С. 34.

Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 29; Его же. При царском режиме. С. 108-110. В 1873 г. цвет жандармской униформы меняется: из аквамариновой она становится темно-голубой (из беседы Дж. Дейли с С. И. Самоиным, хранителем коллекции костюмов Государственного исторического музея в Москве, 28 мая 1996 г.).²⁰ См.: Половцев А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. 1883-1886 М, 2005. С 171. Запись от 18 дек. 1883 г.

21 Мулукаев Р. С. Полиция в России (XIX - начало XX в.). Н. Новгород. 1993. С. 45-46; Дейли Дж Положение об охране 14 августа 1881 г. и репрессивная политика императорской России // Политический сыск России: История и современность. СПб., 1997. С. 71-76.

22 Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880-1904 гг. Дне. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1989; Ом же. Московская охранка на рубеже веков // Отечественная история. 1993. №3.

23 ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1883. Д. 977. Л. 212. См.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 377-378.

Там же. Л.212об.

25 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. С. 164; См. также: Степняк-Кравчинский С. М. Судейкин //Общее дело. 1883.

26 ГА РФ. Ф. 102.00. 1910. Д. 202. Л. 30.

27 Троицкий М. А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 235-272. Pipes, Richard. The Degev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. New Haven, Conn: Yale University Press, 2003.

28 ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6398. Л. 2.

29 Там же. Л. 14.

30 Там же. Л. 18.

Яковенко Е. И. Протест 1 марта 1887 года // «Народная воля» перед царским судом. М... 1930. Т. 2. С. 2, 85, 107-108; См.: Шныциков Л. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. М... 1928. Т. 2. С. 75.

2 См.: Троицкий И. А. Царизм под судом прогрессивной общественности.

1866-1895 гг. С. 33-34; ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1894. Д. 240. Л. 291-292; Ф. ПО. Оп. 2. Д. 6398. Л. 4.

" ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6398.

34 ГА РФ. ф. 110. Оп. 2. Д. 10050. Л. 3-3об.

Там же. Ф. 63. Оп. 3. Д. 52 сл. Л. Моб. Подробнее о Медникове См.: Перегудова З. И. Главный филер России // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 104-114; Фаиушкин А. Главный филер Российской империи Е. П. Медников // Жандармы России. М., 2002. С. 420-426.

См.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 171-184.

См.: С.-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг.: Труд чиновника отделения Р. Статковского // Былое. 1921. № 16. С. 116; ГА РФ. Ф. 102 Оп. 316. Д. 9.

Ч. 1. Л. 20-25об.; Ф. 102.00. 1898. Д. 2. Ч. 1. Л. 139.
Письмо Зубатова Ратаеву от 26 апреля 1897 г.

18 ГА РФ. ф. Ю. Оп. 2. Д. 10050. Л. 4об.

С.-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг. С. 135-136; Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880-1904 гг. С. 178-181.

40 ГА РФ. ф. 110. Оп. 2. Д. 9999. Л. 1.

41 Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. (1926). Т. 4 (17). С. 207-209. Письма Е. П. Медникова к А. И. Спиридовичу от 8 февраля и 11 июля 1904 г.; Охранка и черные кабинеты // Революционная мысль. 1908. № 1. С. 10; Записка Л. Ратаева об Евно Азефе // Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. М., 1929. С. 157.

1 Записка Л. Ратаева об Евно Азефе (156-157; Записки ген. Новицкого // Социалист революционер. 1910. № 2. С. 88-89; С.-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг. С. 135-136.

43 ГА РФ. ф. 102.00.1915. Д. 200. С. 110.

4 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 145.

45 ГА РФ. ф. 102.00. 1915. Д. 200. Л. 110-111. См.: Перегудова З. Я. «Охранка» глазами охранников II Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. С. 13.

См.: Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992; Перегудова З. И., Ляшенко К. Г. «Охота»

на Столыпина: Террористы и охранники: Сб. Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 7.

7 О планах партии социалистов-революционеров см.: Леонов А/. /7. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М... 1997; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М... 1998. С. 381-383, 423-424; Герасимов А. В. На лезвии с террористами // Охранка... Т. 2. С. 269-276; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 136-137; Spiridovich A. I. Les dernieres annees ees de la cour de Tsarskoe Selo. Т. I. P. 213,250-252,280,281; Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.

См.: Daly Jonathan И'. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906-1917 (DeKalb, П1.: Northern Illinois University Press, 2004). P. 81-109.

Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов на 10 марта 1905 г. СПб., 1905. С. 39,348.

0 Spiridovich A. /. Les dernieres... Т. 1. P. 313; Виссарионов С. Б. Падение царского режима (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М.;

Л., 1925. Т. 3. С. 481.

1 Мартынов А. Я. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 255.

См.: Записки А. А. Петрова (К истории взрыва на Астраханской улице). Париж. 1910. С. 1; К убийству полковника Карпова // Знамя труда. № 25; Бурцев В. Л.

Дело с-р А. А. Петрова // Иллюстрированная Россия. Париж, 1939.

№ 21; Городникий Р. А. Указ. соч. С. 207-211; Морозов К. Н. Указ. соч. С. 443-480; ГА РФ. Ф. 102.00. 1909. Д. 175.

1 Воспоминания Кафафова. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Ч. 1. С. 98. Опубл.: Вопросы истории. 2005. № 3,4,6.

54 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 308. Л. 65-66об. Донесение Адрианова в Департамент полиции от 26 мая 1908 г.

Spiridovich A. I. Les dernieres... Т. 1. Р. 419.30 Психология предательства (из воспоминаний «сотрудника») // Былое. 1924. № 27-28. С. 225-237.

57 Daly Jonathan W. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia. Р. 136.

58 ГА РФ. Ф. 102.00. Оп. 316. 1911. Д. I. 4. 57. Лит. Д. С. 116-116об., 147-147 об.» 149-154; Ф. 102. Оп. 261. Д. 65. С. 1-37; Ф. 102.00. Оп. 316. 1916. Д. 25. Ч. 2. Л. 2-4об.; Ф. 102.00. 1913. Д. 50. Ч. 57 (I). С. 128; Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. М, 1997. Т. 2. С. 289. Список общего состава чинов Отделимого корпуса жандармов. Пг., 1915. С. 277.

59 ГА РФ. Ф. ПО. Оп. 2. Д. 9703. Л. 3-4.

60 Там же. Ф. 102.00. 1912. Д. 50. Ч. 9. С. 43.

61 Там же. 1909. Д. 51. Ч. 14. Л. I

62 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Л. 1-4. Положение о районных охранных отделениях; Ф. 102.00. 1907. Д. 114. Л. 18; см. также: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 387-392.

63 См.: ГА РФ. Ф. 102.00. 1909. Д. 93. Л. 11об.; 1910. Д. 141. Л. 2-2об.

64 Там же. 1912. Д. 248. Л, 44об.

65 Там же. 1910. Д. 141. Лит. А. Л. 2. йб Там же. 1912. Д. 50. Ч. 9. Л. 43.

67 Там же. Л. 54.

68 Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919. С. 53-54.

69 ГА РФ. Ф. 102.00. 1912. Д. 50. Ч. 9. С. 44; Ф. 102.00. 1913. Д. 51. Ч. 49. Л. 1.

70 Там же. Ф. 280. Оп. 7. 1913. Д. 5036. Т. 3,4.

71 Там же. Д. 5037. Т. 1,3; Д. 5038. Т. 1; Д. 5040. Т. 1.

72 Там же. Д. 5036. Т. 1. С. 36-45. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 169.

74 Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1914.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914-1917. Нью-Йорк, 1960. С. 184.

Глобачев К. И, Правда о русской революции. См. наст, издание. С. 30.

77 ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61. Ч. 9. Лит. А. Л. 9-27об. См. Приложение 1.

Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 426.

Блок А. Последние дни императорской власти. С. 15.

Покровский А/. Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. № 17. С. 24.

81 Донесение Глобачева от 26 ноября 1916 г. - ГА РФ. Ф, 97. Оп. 4. Д. 117. Л. 93-95. (Копия).

Миролюбов А. А., Политический сыск России в 1914-1917 гг. Дне..., канд. нет. наук. М МГИАИ, 1988. С. 89-90; См. также: Записка начальника Петроградского охранного отделения от 25 декабря 1916 г. ГА РФ. Ф. 102.00.1916. Д. 5.4.57. Лит Г. Л. 38-39.83 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 5 Ч. 57. Л. 5-7.

84 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 2; Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 16.

85 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 5. Ч. 57. Л. 18-18об.; Д. 169. Л. 1-20; см. также; Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 17; Дело о рабочей группе Военно-промышленного комитета, список обысканных и арестованных, о результатах обыска 27 января 1917 г. // ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 347; Д. 347. Ч. 57. Л. 1-108.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 17. См. Донесение от Глобачева в Департамент полиции от 7 янв. 1917 // ГА РФ. Ф. 102. 00. Д. 5. 4.57. Л. 18-18об.

87 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 6-10; Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 19-20.

88 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 17,1Эоб; Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 26-27; Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш., Дубенцов Б. Б. и др. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 643-644.

89 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 347. Л. 1-34; Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 88; Миролюбов А. А. Политический сыск России в 1914-1917 гг. С. 118;

Tsuyoshi: Hasegawa. The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle and London: University of Washington Press, 1981. P. 132.

90 Глобачев - Васильеву, 5 февраля. - ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 582. Л. 44-45об. Донесение Глобачева К. И. Васильеву А. Т. от 5 февраля 1917 г. - ГА РФ. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 22-32,34.

91 Журнал совещания. Типогр. экз. ГА РФ. Ф. 102.00.1917. Д. 341. С. 8-9об. 12 Hasegawa. Op. cit. P. 208; Буржуазия накануне Февральской революции.

М., Л., 1927. С. 186-188. Записка Петроградского охранного отделения.

Pipes Richard. The Russian Revolution. New York: Vintage Books, 1990. P. 272-273; Лейберов И. П., Перегудова З. И. Подвиг Нунэ. Л., 1985. С. 266-270.

94 ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 341. Ч. 57. Л. 12,18, 22. Опул. См.: Февральская революция 1917. Сб. документов и материалов. М., 1996 / Отв. редакторы Степанский А. Д., Миллер В. И. С. 22-25, 27-33, 34-41. Приведенные цифры взяты из отчетов Петроградского охранного отделения в Департамент полиции. И. П. Лейберов дает другие сведения, которые он получил, опираясь на другие источники. По его подсчетам, 23 февраля не вышло на работу 126 388 (129 388); 24 февраля - 214 111; 25 февраля - 304 945; 26 февраля - 306 489 чел. Возможно, что это расхождение связано с тем, что исследователь учитывал количество рабочих в Сестрорецке и на Ижорском заводе (См.: Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 131,144,189).

95 [Балк А. П.] Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П.

Балка / Публ. В. Г. Бортневского и В. Ю. Черняева; вступ. ст. и коммент. В. Ю. Черняева // Русское прошлое. Л., 1991. № 1. С. 27-28. Подлинник см.: Последние пять дней царского Петрограда (23-28 февраля 1917 г.). Дневник последнего Петроградского градоначальника / Публикация В. Г. Бортневского, В. Ю. Черняева. Вступительная статья и комментарий В. Ю. Черняева // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 27-28,30.

96 Спиридович А. Великая война и Февральская революция 1914-1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 3. С. 79. К. И. ГЛОБАЧЕВ ПРАВДА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ВОСПОМИНАНИИ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКОГО Й ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЧАСТЬ I

Вступление

Предлагая настоящие воспоминания общественному вниманию, я должен сказать, что опубликованием их я отнюдь не имел в виду излагать историю русской революции или разбирать в широком масштабе причины, вызвавшие это пагубное явление, - это задача слишком сложная в настоящее время и будет уделом будущего беспристрастного историка, а хотел лишь дать тот материал, который наравне с прочими материалами мог бы послужить к изложению таковой истории.

Мне, как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения - с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица. Многие мелочи, конечно, ускользнули из моей памяти благодаря тому, что со времени совершившихся событий прошли годы, но все, что касается характеристики политических деятелей и характера и значения самих событий, то это осталось живым в моей памяти. К большому моему сожалению, многого я не могу подтвердить документами, так как все дела Охранного отделения и личное мое имущество были частью сожжены, частью разграблены, а частью попали в руки новой революционной власти в первые же дни переворота.

В течение двух лет я был свидетелем подготовлявшегося бунта против верховной власти, никем не остановленного, приведшего Россию к небывалым потрясениям и гибели. Говорю «бунта», а не революции, потому что русский народ еще до революции не созрел и потому что в общей своей массе он в перевороте не участвовал. В самом деле, что необходимо для самого существования революции? Нужна идея. Ведь если заглянуть в историю, то мы увидим, что революции совершались под влиянием какой либо идеи, захватившей всю толщу народа. Большею частью эти идеи были патриотическими-национальными. Была ли идея у руководителей русской революции? Была, если этим можно назвать личное честолюбие и своекорыстие главарей, вся цель которых заключалась лишь в захвате какой бы то ни было ценой власти в свои руки. Россия вела грандиознейшую войну. Казалось бы, для успешного ее окончания нужно было напрячь все свои силы, забыть все свои личные интересы и все принести в жертву отечеству, помнить только о том, что прежде всего необходимо выиграть войну, а затем уже заняться своими домашними делами. А между тем, что делает цвет и мозг нашей интеллигенции? При первой же военной неудаче он старается подорвать у народа доверие к верховной власти и к правительству. Мало того, он старается уронить престиж носителя верховной власти в глазах серых масс, обвиняя его с трибуны народных представителей то в государственной измене, то в безнравственной распущенности. Государственная дума - представительный орган страны - становится агитационной трибуной, революционизирующей эту страну. Народные представители, к которым прислушивается вся Россия, не задумываясь о

последствиях, решаются взбунтовать темные массы накануне перелома военного счастья на фронте, исключительно в целях удовлетворения своего собственного честолюбия. Разве здесь есть патриотическая идея? Наоборот, в существе всей работы этих людей заложена государственная измена. История не знает примеров подобного предательства. Вся последующая работа социалистов и большевиков по разложению России является лишь логическим последствием предательства тех изменников, которые подготовляли переворот, и последних нельзя так винить, как первых. Они по-своему были правы, они хотели преобразовать государственный и общественный строй России по своей программе - по тому рецепту, который являлся конечной целью их многолетней работы и мечтой, лелеянной каждым социалистом, какого бы он ни был толка. Это являлось осуществлением их идеологии.

Русская интеллигенция должна бы была брать пример с других государств, принимавших участие в великой войне, где несмотря также на ряд тяжелых испытаний и классовую борьбу, все сплотилось вокруг своих правительств, где были забыты все домашние споры и распри, где все личные интересы приносились в жертву общему делу, где все было поставлено на карту во исполнение единой заветной цели - победить врага. Там все работали во имя национальной идеи. У нас работали в пользу врага, стараясь елико возможно развалить тыл армии, а вместе с тем и свалить могущественнейшую монархию. Если против России с внешней стороны был выставлен общий фронт центральных держав, то такой имел союзника в лице нашей передовой интеллигенции, составившей общий внутренний фронт для осады власти в тылу наших армий.

Работа этого внутреннего врага велась методично в течение двух лет, причем использовались все неудачи, все ошибки, малейшие события и явления последнего времени. Создавались специальные организации, якобы подсобные правительству для успешного ведения войны; на самом же деле предназначенные исключительно для того, чтобы подтачивать изнутри государство и армию. Даже в центральных учреждениях старались создать недовольство и оппозицию против существующего порядка. Было использовано все: ложные слухи, клевета в печати, тяжелые экономические условия, воздействие на рабочие массы, подпольное революционное движение, раздоры среди членов правительства, личные интриги и т. п. Словом, все средства были пущены в ход для создания революционной атмосферы, для того, чтобы ни одного защитника старого порядка не нашлось, когда будет поднято знамя восстания в пользу руководящего революционного центра. Правительство своей слабостью и неспособностью невольно шло ему навстречу, не выделив из своей среды за два года ни одного хоть сколько-нибудь талантливого и твердого политического деятеля, способного остановить это злое дело. И вот ужасный российский бунт начался, и кошмарные его последствия продолжаются до сего времени, а когда этому наступит конец, того никто не ведает.

За свою тысячелетнюю историю русский народ часто бунтовал и всегда приводился к этому предателями обманным способом. Вспомним «смутное время», «стрелецкие бунты», вызванные крамолой бояр, восстание Стеньки Разина, «Пугачевский бунт», бунт декабристов. Во всех этих событиях народные массы вводились в заблуждение изменниками России.

Сравнительно еще недавно, в 1902 г., во время аграрных беспорядков в Малороссии, для того, чтобы взбунтовать крестьян против помещиков, агентами революционных комитетов распространялись среди крестьян апокрифические золотые царские грамоты, разрешавшие им отбирать землю и инвентарь от помещиков, - и серые массы на это шли. Это служит доказательством, что революционеры сами понимали, что русский народ способен только на бунт, Петроградское охранное отделение. -Его организация. - Агентурная часть. - Следственная часть. - Производство обысков. -Канцелярия. - Наружное наблюдение. - Охранная команда. - Центральный филерский отряд. - Регистрационный отдел. - Начальник Отделения. -Задачи Охранного отделения. - Революционное и рабочее движение. - Общественные настроения.

Я был назначен начальником Петроградского охранного отделения в январе 1915 года. Официальное его название было: «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде». Это был самый крупный из органов местного политического розыска в России. Он насчитывал до 600 служащих и подразделялся на следующие отделы: 1) собственно Охранное отделение, 2) Охранную команду, 3) Центральный отряд2 и 4) Регистрационный отдел.

Собственно Охранное отделение имело такую организацию: агентурная часть, следственная часть, наружное наблюдение, канцелярия и архив.

Агентурная часть являлась базой всего политического розыска, так как здесь сосредотачивались все материалы, полученные непосредственно из агентурных источников. Работа распределялась между

опытными жандармскими офицерами и чиновниками, которые заведовали каждой порученной ему частью агентурного освещения. Так, несколько офицеров ведало освещением деятельности партии социал-демократов большевиков, несколько - социал-демократов меньшевиков, несколько - социалистов-революционеров и народных социалистов, несколько - общественным движением, несколько - группами анархистов и специальный офицер - рабочим движением вообще. Каждый из этих офицеров имел своих секретных сотрудников, служивших источниками сведений; он имел личные с ними свидания на конспира-

Петроградское охранное отделение.

-Его организация, - Агентурная часть, - Следственная часть, - Производство обысков, = Канцелярия. - Наружное наблюдение, - Охранная команда, - Центральный филерский отряд, - Регистрационный отдел, - Начальник Отделения, - Задачи Охранного отделения, - Революционное и рабочее движение, = Общественные настроения,

Я был назначен начальником Петроградского охранного отделения в январе 1915 года. Официальное его название было: «Отделение по охране общей безопасности и порядка в Петрограде», Это был самый крупный из органов местного политического розыска в РОССИИ. Он насчитывал до 600 служащих и подразделялся на следующие отделы; 1) собственно Охранное отделение, 2) Охранную команду, 3) Центральный отряд и 4) Регистрационный отдел.

Собственно Охранное отделение имело такую организацию: агентурная часть, следственная часть, наружное наблюдение, канцелярия и архив.

Агентурная часть являлась базой всего политического розыска, так как здесь сосредотачивались все материалы, полученные непосредственно из агентурных источников. Работа распределялась между опытными жандармскими офицерами и чиновниками, которые заведовали каждый порученной ему частью агентурного освещения. Так, несколько офицеров ведало освещением деятельности партии социал-демократов большевиков, несколько - социал-демократов меньшевиков, несколько социалистов-революционеров и народных социалистов, несколько - общественным движением, несколько группами анархистов и специальный офицер - рабочим движением вообще. Каждый из этих офицеров имел своих секретных сотрудников, служивших источниками сведений; он имел личные с ними свидания на конспиративных квартирах и вел этих сотрудников таким образом, чтобы, с одной стороны, оберегать их от возможностей провала, а с другой - наблюдал за правильностью даваемых сведений и недопущением провокации. Полученные сведения, по каждой организации особо проверялись путем наружного наблюдения и перс-крестной агентуры, а затем подробно разрабатывались, то есть делались выяснения и установки лиц и адресов, определялись связи и сношения и т. д. Агентурные сведения после законченной проверки и разработки приобретали таким образом характер полной определенности и достоверности. Когда данная организация была в достаточной степени обследована, то она ликвидировалась и весь материал, изъятый по обыскам, доставлялся в Охранное отделение, именно - в

агентурную его часть, где он приводился в порядок, то есть отбиралось все преступное, имеющее характер вещественного доказательства для дальнейшего следствия. Систематизированный материал, списки обысканных и арестованных лиц, а равно и агентурная записка по данному делу передавались в следственную часть.

В следственной части производился допрос арестованных и свидетелей, предъявление вещественных доказательств, осмотр их, дополнительные выяснения, а если нужно, то обыски и аресты, а затем производилась передача всего дела судебному следователю, в губернское жандармское управление или военной власти, смотря по тому, какое направление принимало дело: то есть возбуждалось ли следствие, или дознание в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, или в административном порядке. Все расследования велись в установленные законом сроки, и арестованные вместе с передачей дела перечислялись дальнейшим содержанием под стражей за подлежащими лицами.

Самое производство обысков поручалось полиции, иногда при участии чинов Охранного отделения (в более серьезных случаях) и всегда при участии понятых; весь отобранный материал поименовывался в протоколах, опечатывался и в таком виде из местного полицейского участка доставлялся в Охранное отделение.

Для быстрого выяснения лиц и установки адресов при каждом полицейском участке столицы имелся свой специальный полицейский надзиратель, который производил эту работу и на которого кроме этого возлагалась обязанность два раза в день по телефону сообщать в Охранное отделение о малейших

происшествиях в районе участка, а в экстренных и серьезных случаях он делал доклад немедленно. Вся текущая переписка, телеграфные сношения, денежная отчетность, казначейская часть, ведение дел и т. д. сосредотачивались в канцелярии, чем ведал делопроизводитель Отделения.

При канцелярии имелся архив и карточный алфавит, что составляло весьма существенную часть канцелярии, так как в алфавит заносились все лица, когда-либо проходившие по делам Отделения, с ссылками на номера дел и страниц. За несколько лет алфавит представлял весьма солидную регистрацию лиц, прошедших по делам и, таким образом, если нужно было навести справку о любом лице, то это требовало не более пяти минут. О лицах, скомпрометировавших себя чем-либо в прошлом, можно было быстро получить самые подробные сведения. Сведения о лицах, по делам Петроградского охранного отделения не проходивших, получались так же легко при помощи своих полицейских надзирателей или путем телеграфных запросов в местные розыскные органы по всей Российской империи.

Отдел наружного наблюдения состоял из 100 штатных наблюдателей, или филеров, двух заведующих группами чиновников, двух их помощников и небольшой канцелярии (установки, сводки и т. п.). В филеры принимались люди, прошедшие военную службу, преимущественно из унтер-офицеров, грамотные, развитые и хороших нравственных качеств. Для удобства управления и работы филеры делились на две группы, из которых каждая подчинена была своему заведующему наружным наблюдением. Каждой группе давались задачи по наблюдению, согласно чему определялось число наблюдательных постов. Некоторая часть филеров вела

наблюдение на извозничьих пролетках, для чего Охранным отделением содержалось несколько извозничьих лошадей с упряжками. Значение филерского отряда было весьма важным, так как он являлся проверочным аппаратом агентурных сведений и разработки таковых и, кроме того, подсобным для обследования деятельности и связей данной организации. Все данные наблюдения излагались в дневниках и докладывались ежедневно заведующими группами начальнику Отделения.

Внутренний распорядок Отделения, канцелярское делопроизводство и наблюдение лежали на ответственности помощника начальника Отделения. В течение круглых суток в Отделении дежурили: один офицер, два полицейских надзирателя, дежурный по канцелярии чиновник и дежурные служители и филеры.

Охранная команда состояла из 300 чинов охраны и двух офицеров и была подчинена второму помощнику начальника отделения. Она занимала особое помещение на Морской улице, № 26, где имелись особые классы для инструктирования чинов команды их обязанностям. Назначение охранной команды было: охрана Его Величества по путям Его следования в столице, охрана императорских театров, охрана высочайших особ и охрана некоторых высокопоставленных лиц по мере надобности. В охранную команду принимались лица отборные, самой лучшей репутации, из прошедших ряды армии на должностях унтер-офицеров, хорошо грамотные и развитые.

Центральный филерский отряд состоял из 75 наблюдателей-филеров под командой особого офицера, подчиненного начальнику отделения. Отряд составлялся

из особо отборных и опытных филеров и предназначался для обследования серьезных организаций не только в столице, но и вне ее. Части его иногда командировались в провинцию в распоряжение местных розыскных органов для более осторожной и успешной разработки какого-либо дела. Кроме того, чины отряда выполняли и особо секретные задачи по наблюдению и охране. При высочайших поездках на них возлагалась задача наблюдения за линией проезда. Центральный отряд обладал всеми средствами для успеха выполнения ставящихся ему задач, как-то: грим, костюмы и принадлежности мелких уличных торговцев, газетчиков и т. п. Были в нем лица с высшим образованием, были и простые женщины и дамы.

Регистрационный отдел⁵ состоял из 30 (число колебалось) полицейских надзирателей и офицера - заведующего отделом, подчиненного начальнику Охранного отделения. Назначение отдела состояло в наблюдении и регистрации неблагонадежного элемента, приезжающего в столицу и проживающего в гостиницах, меблированных домах, комнатах и т. п. Для этого весь город был разделен на районы, в которые входило несколько полицейских участков и которые были в ведении специального полицейского надзирателя. Последний во всех порученных ему надзору помещениях имел свою агентуру из гостиничной прислуги, управляющих, швейцаров, дворников и т. д. Таким образом можно было не только собрать сведения о личности заподозренного лица, но и произвести самый тщательный осмотр всего принадлежащего ему имущества, не возбуждая с его стороны никаких подозрений. Кроме того, регистрационный отдел проверял детально и путем телеграфных запросов по

местам приписок подлинность и легальность личных документов заподозренных лиц. Эта работа была весьма продуктивна и давала Охранному отделению весьма ценные сведения о прибывающих в столицу лицах. Чины регистрационного отдела, а часто и заведующий таковым, при высочайших выездах на временное пребывание в провинцию, командировались туда заблаговременно для регистрации местного населения и в помощь местному розыскному органу.

Все отделы Охранного отделения руководились лично начальником Охранного отделения, и им же устанавливался порядок работы. Начальники отделов, офицеры, ведающие агентурой, и чиновники, заведующие наружным наблюдением, делали ежедневно доклады лично или по телефону начальнику Охранного отделения, получая от него все задачи и указания. Ни одна мелочь повседневной жизни столицы не должна была от него ускользнуть.

В обществе укоренилось мнение, что власть начальника Охранного отделения, особенно в Петрограде, была безгранична. Мнение это совершенно ошибочно. Все права и обязанности начальника Охранного отделения были строго регламентированы, и в сфере предупреждения и пресечения государственных преступлений власть его была чрезвычайно ограничена; во-первых, законом, а во-вторых, силою всевозможных влияний лиц, стоящих в служебном положении выше его. Это второе обстоятельство положительно связывало руки начальника Охранного отделения при применении им вполне законных мер в борьбе с революционным движением. Инициатива ликвидации преступных организаций и отдельных лиц, конечно, была в его руках, но приведение в исполнение самой ликвидации

требовало санкции по меньшей мере товарища министра внутренних дел или даже самого министра, и такая санкция легко давалась, когда дело касалось подполья, рабочих кружков или ничего не значащих лиц, но совсем иное было дело, если среди намеченных к аресту лиц значилось хоть одно занимавшее какое-либо служебное или общественное положение; тогда начинались всякие трения, проволочки, требовались вперед неопровержимые доказательства виновности, считались со связями, неприкосновенностью по званию члена Государственной думы и проч. и проч. Дело, несмотря на интересы государственной безопасности, откладывалось, или накладывалось категорическое «вето». Бели начальник Охранного отделения в силу исключительной экстренности осуществлял ликвидацию без предварительного доклада, то, во-первых, это ставилось ему на вид, а во-вторых, если в числе арестованных лиц значились лица вышеупомянутой категории, то таковые освобождались в самом непродолжительном времени по приказанию высшего начальства. Естественно, что при таком порядке вещей в том процессе, в котором нарастало революционное и бунтарское настроение, ответственны были главным образом рабочие кружки и периферия, а руководящая интеллигенция ускользала и продолжала делать свое преступное дело.

На точном основании закона и высочайше утвержденных Положений об охране и о местностях, объявленных на военном положении, каждому задержанному предъявлялось обвинение в течение первых же суток и арестованный содержался под стражей не более двух недель - при охранном положении и не более одного месяца - при военном положении, в течение каких сроков он либо, освобождался за

отсутствием достаточных данных, изобличающих его виновность, или перечислялся на основании Устава уголовного судопроизводства за тем лицом, которое производило дальнейшее расследование и направляло дело в подлежащий суд, то есть за судебным следователем или начальником губернского жандармского управления. Арестованные в исключительных случаях содержались день-два при Охранном отделении, но в условиях далеко лучших, чем в общих местах заключений, а затем переводились в городские тюрьмы или арестные дома. Таким образом, начальник Охранного отделения ни роли обвинителя, ни судьи не играл и бессрочно никого держать под стражей не мог, как это принято было думать, а арестовывал только активных революционеров, да и то с большим разбором, и привлекал их к законной ответственности.

Охранное отделение со всеми отделами официально подчинялось Петроградскому градоначальнику, но в сущность и в технику работы его последний не входил. Руководил же Охранным отделением Департамент полиции и главным образом товарищ министра внутренних дел, заведующий политической частью, иногда же и сам министр⁷. Задачи Охранного отделения были очень широки: активная борьба с революционным движением, информация о настроениях разных слоев населения, наблюдение за рабочим движением, статистика ежедневных происшествий, регистрация населения, охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц. Кроме того, на Охранное отделение возлагались особые секретные задачи, не имеющие прямого отношения к перечисленным обязанностям, в зависимости от требования Департамента полиции, министра внутренних дел, лица

императорской фамилии, а иногда и военных властей. На основании всего осведомительного материала, получаемого Охранным отделением, составлялись доклады, которые представлялись: Департаменту полиции, товарищу министра внутренних дел, министру, градоначальнику, главнокомандующему Петроградским военным округом и дворцовому коменданту. Таким образом, все эти лица были в курсе политического положения и настроений текущего момента. С характером этих докладов можно отчасти ознакомиться по тем отрывкам, которые цитируются в статье Блока, напечатанной в IV томе «Архива русской революции». По этим выдержкам можно судить, что не было почти вопроса, который не был освещен Охранным отделением так, как это было в действительности, и что неизбежность близкой катастрофы была ясна.

Кроме письменных докладов, ежедневно начальником Охранного отделения делались и устные доклады: директору Департамента полиции, градоначальнику и товарищу министра внутренних дел. В экстренных случаях министру и главнокомандующему.

Охранное отделение, как и все прочие органы политического розыска в империи, было прекрасно налаженным в техническом отношении аппаратом для активной борьбы с революционным движением, но оно совершенно было бессильно бороться с все нарастающим общественным революционным настроением будирующей интеллигенции, для чего нужны были другие меры общегосударственного характера, от Охранного отделения не зависящие. В этой области Охранное отделение давало только исчерпывающие

информации, советы и пожелания, которые упорно обходились молчанием.

Что касается борьбы с подпольным революционным движением, то таковая велась Охранным отделением весьма продуктивно и успешно, и определенно можно сказать, что работа тайных сообществ и организаций в России никогда не была так слаба и парализована, как к моменту переворота.

В Петрограде за последние два года до революции проявлялась деятельность следующих революционных организаций: партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической партии большевиков и меньшевиков и различных анархических групп. Первая влачила жалкое существование до 1916 г., с какого времени как действующая организация прекращает совершенно свое существование. Партия с.-д. большевиков, наиболее жизненная, рядом последовательных ликвидации приводилась к полной бездеятельности, но все-таки имела влияние на рабочую среду и боролась за свое существование. Партия с.-д. меньшевиков главным образом использовала легальные возможности, как-то: профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, Центральный военно-промышленный комитет и т. д. С вхождением меньшевиков в последний влияние их на рабочие круги Петрограда значительно возросло. Анархические группы возникали время от времени, и число их возрастало по мере приближения к моменту революции. Эти группы положительно целиком ликвидировались, и члены их в момент переворота почти все содержались по тюрьмам в ожидании суда. Революция автоматически освободила из-под стражи всех анархистов и родственной им уголовный элемент, чем и объясняется рост

анархического движения при Временном правительстве; достаточно вспомнить черные автомобили, дачу Дурново, Московскую заставу и т. д.

Когда, уже после революции, я и члены бывшего императорского правительства содержались под стражей в Министерском павильоне Государственной думы, то бывшие арестованные за принадлежность к разным политическим организациям и освобожденные из мест заключений в революционном порядке, посещали нас и высказывали удивление, почему произошел так удачно переворот, что это для них настоящий сюрприз и что отнести это на свой счет они не могут. И действительно, какими собственно, силами они обладали к моменту переворота? Все, что было талантливое и наиболее энергичное у них, находилось в эмиграции, в ссылке или было рассажено по тюрьмам. Уже только после переворота все это бросилось в столицу, боясь опоздать, так сказать, к дележу общественного пирога или шапочному разбору. Из более видных большевистских деятелей, например, которые впоследствии заняли служебные посты при правительстве Ленина, были в России: Подвойский, служивший в городской управе, но в 1916 г. арестованный, и Александр Шляпников, прибывший незадолго до переворота из-за границы нелегал, проживавший в Петрограде по чужому паспорту, но и он был намечен к задержанию в самом непродолжительном времени.

Работа всех подпольных организаций базировалась на рабочих массах Петрограда. Число рабочих в столице во время войны, а в особенности к 1917 г., значительно возросло по сравнению с довоенным временем благодаря тому, что все почти крупные предприятия и мелкие, значительно расширенные, работали на оборону. Общее

число рабочих в Петрограде достигло цифры 300 000 человек. Настроение рабочих масс изменялось в соответствии с нашими успехами или поражениями на театре войны, и оно столько же было чутко, как и настроение всех прочих слоев населения к внешним успехам. Уже с начала 1915 г. создавалась последовательно весьма благоприятная почва для революционной пропаганды, но так как подпольные организации были недостаточно сильны, чтобы всецело руководить рабочим классом, то агитация велась главным образом за улучшение материального положения с постепенным переходом к чисто политическим требованиям. Экономическое положение страны, испытывающей кризис благодаря небывалой по своим размерам войне, вполне способствовало этой агитации. 1915 и 1916 гг. отмечаются прогрессирующей борьбой рабочих с работодателями путем экономических забастовок. Но заводы и фабрики бастовали порознь: одни кончали забастовку, другие начинали; иногда бастовали и целые группы предприятий; число бастующих иногда доходило до 200 000, но никогда забастовка не превращалась в общую. Забастовки кончались почти всегда удовлетворением требований рабочих, то есть заработная плата повышалась. Бывали и политические однодневные забастовки, но особого успеха не имели и не захватывали всей рабочей массы. Эти забастовки обыкновенно приурочивались к годовщинам разных политических событий, например, 9 января - память революции 1905 г., 4 апреля - память Ленских событий, и др.

После Циммервальдовской и Киентальской социалистических конференций 1915 г. в рабочие массы Петрограда под влиянием агитации проникли новые

пораженческие лозунги, принятые на этих конференциях. К пораженческому движению примкнули все социал-демократы большевики и часть социалистов-революционеров с Керенским во главе. Все рабочие группы, примкнувшие к пораженческому движению под лозунгом «война войне», тем не менее работ на оборону не бросали и даже не саботировали их. Вообще упорство в забастовках являлось невыгодным, так как приходилось иначе, как военнообязанным, идти на фронт.

Но в общем настроение рабочих масс нельзя было назвать враждебным по отношению к существующему порядку, и если были между ними пораженцы, то все-таки большая часть искренно верила в победу, и не из страха быть отправленными на фронт, а из сознания долга перед Родиной и братьями. Материальное положение петроградских рабочих было весьма удовлетворительно, ибо, несмотря на все растущую дороговизну

жизни, заработная плата прогрессировала и не отставала от ее требований. Можно сказать, что в материальном отношении петроградские рабочие были в гораздо лучших условиях, чем прочее население столицы. Например, контингент служащих на государственной службе был гораздо менее обеспеченным, чем рабочие. При прогрессирующей дороговизне мелкие чиновники буквально голодали, и если жалование их иногда и повышалось, то прибавки всегда почти запаздывали против потребностей жизни. Это было отчасти причиной создания целого класса озлобленного чиновничьего пролетариата.

Население Петрограда, насчитывавшее до войны едва один миллион людей, возросло к концу 1916 г. до трех миллионов (считая окрестности), что, конечно, создало вместе с прогрессирующей дороговизной весьма тяжелые и прочие условия жизни (квартирный вопрос, продовольственный, топлива, транспорта и пр.). Все духовные интересы этого трехмиллионного населения естественно сосредотачивались на течении военных действий и на внутреннем экономическом и политическом положении страны. Население чутко реагировало на всякие изменения на фронте, на все то, что говорилось в народе, на рынках, в Государственной думе, Государственном совете, в печати, что делалось при Дворе и в правительстве. Каждое новое известие и слух варьировался и обсуждался каждым по собственному умозрению и желанию. Общество большей частью питалось всевозможными вздорными и ложными слухами, где умышленно искажалась истина. Всякие неудачи, как внешние, так и внутренние, объяснялись всегда почти изменой или предательством, и все несчастья относились на счет Государя, его Двора и его министров. Государственная дума задавала тон всему и использовала тяжелое время государственной жизни для революционирования народа. Она не была деловым представительным органом, обязанным поднять в такие тяжкие минуты патриотические чувства и объединить всех на желании оказать помощь Государю и его правительству, а наоборот, она была тем оппозиционным центром, который использовал момент исключительного напряжения страны для революционного возбуждения всех классов населения против существующего порядка. Когда образовался «прогрессивный блок» из членов Государственной думы и Государственного совета, то

стало ясно, что русскому правительству и престолу объявлена была жестокая война изнутри. К мнению этих народных представителей прислушивался не только Петроград, но и вся Россия, считая, что одновременно ведется война с врагом внешним и внутренним в лице монарха и его правительства. Словом, смело можно было сказать, что к концу 1916 г. создалось такое настроение, что в лагере правительственном никого уже почти нет и что в случае решительной на него атаки, никто не станет на его защиту.

Пресса, предназначенная к тому, чтобы отражать настроения общества, в действительности сама создавала эти настроения в явно оппозиционном и революционном направлении. Даже такие полуофициозы, как «Новое время»⁹, становились на сторону пресловутой общественности и на путь борьбы с правительством; что же уже говорить о других газетах, находившихся в верных руках людей левого лагеря. Военная цензура, изымавшая часть печатного материала уже после его набора, заставляла выходить газеты с большим числом пропуском (белых мест), что создавало им еще большую популярность как органам, борющимся якобы за право и истину.

Вот та обстановка, в условиях которой протекала работа Охранного отделения в Петрограде. Когда не только общественность, но даже правительственные органы, сами министры, военная власть, представительные органы и даже лица, окружающие Государя, борьбе с все нарастающим революционным движением не только не сочувствовали, но наоборот, одни сознательно, а другие бессознательно толкали Россию в пропасть.

Глава II

Центральный военно-промышленный комитет.

*А. И. Гучков, - Официальные задачи ЦВПК.
- Политическое значение ЦВПК - Рабочая группа ЦВПК -
Выборы в группу. - Связь с рабочими массами. -
Ликвидация рабочей группы ЦВПК - Значение ЦВПК после
Февральского переворота.*

Центральный военно-промышленный комитет создан в 1915 г. по инициативе А. И. Гучкова как орган, долженствовавший оказать крупную помощь нашей армии в деле снабжения ее боевым снаряжением. Такова была официальная задача Комитета, и на выполнении ее должны были объединиться русские люди - промышленники, чтобы оказать помощь государству в дни его тяжких испытаний небывалой по своим размерам европейской войны. Но настоящие, скрытые цели этой, возникшей при таких условиях организации, далеко не были так благородны и патриотичны. Комитет, созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова и набранный из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям, естественно, смотрел на это новое дело как на использование его в чисто политических целях. Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно за-, бронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном для себя

политическом смысле. Способы для этого были очень просты. Рекламируя свою деятельность по снабжению армии, Комитет в то же время старался обесценить, очернить и скомпрометировать действия идентичных правительственных органов и создать такое впечатление в широких кругах, что единственным источником питания боевым снаряжением армии является общественная организация Центрального военно-промышленного комитета. Словом, не будь этого Комитета, армия осталась бы без пушек, без ружей и без снарядов, то есть без всего того, что было главной причиной наших поражений в начале 1915 года. Например, для рекламирования своей продуктивной деятельности ЦВПК специально открыл в Сибири ящичный завод, изготавливающий ящики для боевого снаряжения, отправляемого на фронт. Ящики поставлялись почти на все заводы России, работавшие на оборону, и таким образом почти все боевое снаряжение, получаемое на фронте в ящиках с инициалами ЦВПК, создавало ложное понятие о необыкновенной продуктивности этой общественной организации, являющейся чуть ли не единственной полезной в деле снабжения армии. Когда же в 1916 г. были собраны статистические сведения о продуктивности изготовления боевого снаряжения для армии - казенных заводов, частных предприятий и ЦВПК, то оказалось, что главное количество боевого снаряжения производится по заказам правительства на казенных заводах, меньшая часть - частными предприятиями и только 0,4% - по заказам ЦВПК. Вот какова была продуктивность пресловутой общественной организации.

Но перейдем к главной задаче ЦВПК, о которой громко не говорилось, - к задаче политической. В этом

отношении главари развили поразительную энергию. Центральный комитет и все его провинциальные отделения, как я уже сказал, были укомплектованы людьми, стоящими в оппозиции к правительству и трону, начиная от председателя Гучкова и до периферии. Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты Комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подготовки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями. Он старался приобрести популярность и среди рядового офицерства. На приемах в офицерских собраниях старался заинтересовать собою молодежь доступностью, простым обхождением, говорил речи, в коих оттенял значение общественности и собственные заслуги, порицая в то же время все исходящее со стороны правящих сфер. Например, в одном из полков, в г. Риге, Гучков заявил в офицерском собрании, что только благодаря его ходатайству был издан высочайший приказ по военному ведомству об ускоренном производстве офицеров в следующие чины во время их пребывания на фронте, чем вызвал по отношению к себе бурю восторгов - так что при оставлении офицерского собрания офицеры вынесли его на руках. Работая в полном контакте с другой такой же общественной организацией - Союзом земств и городов¹⁰, ЦВПК медленно, но верно вел свою разрушительную работу, подтачивая веру у войск в их царственного вождя, в победоносное окончание войны и в величие и крепость тысячелетних устоев монархической России.

Само назначение ЦВПК давало возможность иметь полную связь его агентов с армией, и в проведении своего разлагающего влияния в ряды армии эта организация никаких затруднений не испытывала. В нужный, значит, момент организация всегда может опереться на подготовленный командный состав, и не только [не] противодействие, но даже поддержка армии обеспечена.

Но необходимо было заручиться и другим не менее важным элементом в деле подготовки переворота - рабочими. И вот Гучков выступил с предложением ввести в состав Комитета наравне с промышленниками и представителей от рабочих. Это предложение, конечно, Комитетом было принято, ибо в политическом отношении сулило огромные перспективы. Выборные рабочие в Комитете сразу связывали общественность с рабочей массой и давали этой организации поддержку в том классе населения, который под влиянием агитации наиболее был склонен к противоправительственным выступлениям. Не отказались от этого предложения и рабочие, особенно принадлежавшие к с.-д. меньшевикам, так как таковое предложение вполне отвечало их партийной тактике использования всех легальных возможностей.

Выборы в рабочую группу ЦВПК были назначены на 30 августа 1915 г. в помещении Соляного городка и организованы таким образом: каждая тысяча рабочих посылала на собрание одного выборщика, что дало в общем 200 делегатов-выборщиков. Естественно, что это были главным образом все партийные - од. меньшевики, с.-д. большевики, социалисты-революционеры и только самый маленький процент беспартийных. Делегаты, собравшись в 12 часов дня, до глубокой ночи ни к каким

положительным результатам не пришли, так как приблизительно половина их, а именно большевики, как пораженцы, решительно отказались от вхождения в буржуазное учреждение, работающее для войны, тогда как они под влиянием Циммервальдской и Киентальской конференций таковую бойкотировали. Собрание окончилось ничем, и выборы не состоялись. Тогда Гучков, крайне огорченный таким результатом и не покидая мысли во что бы то ни стало связаться с рабочими массами, начинает уговаривать рабочего Гвоздева, бывшего председателя выборного собрания

Так в тексте.

30 августа, просить о назначении нового собрания, впоследствии чего в газетах появляется открытое письмо Гвоздева, предлагающего петроградским рабочим принять участие вновь в выборах. Повторное собрание состоялось 30 сентября в том же месте. На этот раз приблизительно половина делегатов-большевиков демонстративно покинула собрание тотчас же после его открытия, мотивируя отказ принять участие в выборах теми же причинами, что и в первый раз. Собрание тем не менее продолжалось при участии только оставшихся (около 100 делегатов); из их среды было выбрано 10 представителей в рабочую группу ЦВПК с председателем Гвоздевым во главе и 6 - в Петроградский областной комитет. По партийной принадлежности все выбранные были с.-д. меньшевики, за исключением одного или двух социалистов-революционеров.

Рабочая группа с самого начала своего существования занялась исключительно политической работой. Она имела свое отдельное помещение, свои отдельные заседания, свое делопроизводство и полную

связь с заводами и фабриками. Это был, так сказать, в малом масштабе Совет рабочих депутатов. В общих собраниях ЦВПК рабочая группа мало интересовалась вопросами снабжения, выдвигая на очередь вопросы исключительно политического характера.

Уже с 1915 г., после первых неудач на войне, Государственная дума, как я уже говорил, стала революционировать страну, а в 1916 г. там образовался определенно революционный центр с молчаливого благословения ее председателя Родзянко. Ежевечерние закрытие заседания небольшой группы с Керенским и Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с сим во всей России. Этот центр опирался на такие мощные уже к тому времени группировки и организации, как «прогрессивный блок», «Союз земств и городов» и ЦВПК, а последняя организация связывала революционный центр через рабочую группу с рабочими массами и давала ему возможность проводить в этих массах все свои начинания и директивы.

В начале 1917 г. роли всех слагаемых центра настолько определились, настолько стали ясны для Охранного отделения, что явилась настоятельная необходимость если не ликвидировать центр, то по крайней мере парализовать его деятельность, хотя бы отрывом его от опорной его базы. Много было положено труда и усилий, чтобы добиться согласия бывшего тогда министра внутренних дел Протопопова на ликвидацию рабочей группы ЦВПК, и 27 января, наконец, вся эта группа вместе с председателем ее Гвоздевым была арестована. Материал, обнаруженный обыском, вполне подтвердил все имевшиеся ранее сведения о преступной работе арестованных, а потому они были привлечены к

судебной ответственности по обвинению их в преступлении, предусмотренном 102 ст. нового Уголовного] улож[ения].

Арест рабочей группы произвел ошеломляющее действие на ЦВПК, и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял самообладание и, наряду с принятыми им мерами ходатайства об освобождении арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа, рискнул на открытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А. И. Гучкова.

Теперь казалось бы, что следующим совершенно законным актом правительства являлся арест и самого Гучкова, но, к сожалению, не было выполнено ни это, ни проведено в жизнь то, на что давно указывалось Протопопову как на главное средство защиты власти от надвигающейся революции, а именно; окончательный роспуск Государственной думы и ликвидация революционного центра с главарями ЦВПК, Союза земств и городов и прогрессивного блока. Эти меры, безусловно, сорвали бы надолго возможность переворота, а поворот военного счастья весной 1917 г., что непременно бы случилось, сразу улучшил бы и изменил общие настроения.

И подумать только, что правительство терпело все эти так называемые общественные организации и содержало их на свой счет. Поистине не было государственных людей, способных для спасения Родины на исключительные, может быть, героические средства, в то время как административный аппарат и исполнительные органы были в полном порядке и на высоте своего положения.

Лучшим подтверждением того, что ЦВПК был организацией политической и служил исключительно целям подготовки революции, очень мало заботящимся об обороне страны, служит то обстоятельство, что после Февральского переворота ЦВПК Теряет всякое значение, как в смысле организации, работающей на, оборону, так и в политическом отношении. Роль его была сыграна, и после 27 февраля им не интересовалось ни Временное правительство, ни рабочие, ни армия.

Глава III

А. Ф. Керенский.

- Его выступления в Государственной думе. - Подпольная работа Керенского. - Дело Мясоедова. - Гастроли Керенского в провинции. - Связь с рабочими кружками. - Боевая дружина, - Работа Керенского в фракции трудовиков. - Пораженчество Керенского. - Меры правительства. - Общественная работа Керенского. Отношение к войне.

С Керенским я лично не был знаком, но с его политической работой в течение двух последних лет до

революционного переворота мне, по характеру моей службы, пришлось подробно ознакомиться.

Не буду входить в биографические подробности или характеристику личности Керенского, об этом слишком много уже говорилось и писалось; расскажу только о той роли, которую он сыграл в подготовке революции.

Керенский по профессии был адвокатом, но самым заурядным, ничем не выделившимся из среды русской адвокатуры, можно сказать, был даже плохеньким, как его называли, «трехрублевый адвокат». По политическим убеждениям он принадлежал к партии социалистов-революционеров и как таковой пользовался в партии известным весом, благодаря его агитаторским талантам, способности выступать на митингах в качестве хорошего оратора, резкости суждений и вообще силе воздействия на малосознательные умы. Вот почему при выборах в Государственную думу Партия социалистов-революционеров провела его от Саратовской губернии по группе трудовиков, где он и занял место лидера. Для того чтобы дать ему необходимый ценз, даже фиктивно был куплен для него за 100 рублей какой-то домишко в его собственность.

Материальных средств личных у Керенского не было никаких, и он со своей семьей, состоящей из жены и двух детей, жил в Петрограде на Песках, по Одесской улице, исключительно на содержание, получаемое от казны по званию члена Государственной думы, то есть на 300 руб. в месяц, что позволяло ему существовать более чем скромно. Все его выступления в Государственной думе, весьма резкие по форме и пустые по существу, не носили делового характера, что и не требовалось, но зато вполне удовлетворяли трудовиков и стоящую за ними

Партию социалистов-революционеров. В Государственной думе он составлял крайнюю левую оппозицию и служил аккомпанементом к оппозиционно настроенному центру, в особенности с тех пор, как в составе правительства занял место А. Д. Протопопов. Собственно говоря, в открытых заседаниях Государственной думы ему даже и нечего было делать, ибо работа таковой в нападках на правительство шла далеко впереди его. Работа Керенского развивалась главным образом за кулисами. Первой пробой его сил была история с изменой полковника Мясоедова, на которой дальше я остановлюсь подробнее. Дело Мясоедова возникло в феврале 1915 г., когда начались наши неудачи на фронте. Это дело, как мы дальше увидим, весьма темное и запутанное, для революционеров было весьма на руку; оно позволило вылить потоки грязи на правительство и создать целую панаму. Керенский поспешил написать открытое письмо председателю Государственной думы Родзянко, между прочим нигде открыто не напечатанное, с резким осуждением и обвинением в государственной измене правительства и командного состава. Письмо, в виде отдельных листовок напечатанное в тысячах экземпляров, распространялось из-под полы в Петрограде и провинции, в чем и был весь его смысл, так как правды в нем не было ни на грош. Но успех оно имело, в особенности в студенческих и рабочих кружках.

После этого, весной 1915 г., Керенский совершил поездку по России, побывав на Волге, в Харькове, Киеве и других городах, где прочел ряд лекций тенденциозного характера, имевших целью объяснить наши военные неудачи и поднять оппозиционное настроение умов.

По возвращении в Петроград Керенский стал искать сближения с рабочими кружками эсеровского толка, стараясь сбить их в прочную организацию. Образован был рабочий комитет партии социалистов-революционеров, в состав которого вошел Керенский в качестве руководителя. Затем, по мысли Керенского, предполагалось создать при комитете боевую организацию для выполнения некоторых террористических актов. Керенский на себя снабжение членов дружины оружием, для чего рабочие собрали и передали ему 700 рублей. Но это предприятие провалилось, и вот почему: сильно нуждавшийся Керенский часть денег израсходовал лично на себя, оружия не купил и после повторных требований о возврате денег вернул из полученной суммы всего лишь 300 рублей. Следствием этого было то, что комитет-высказал ему недоверие и порвал с ним всякие сношения. Разойдясь с рабочими, Керенский повел работу исключительно в трудовой фракции Государственной думы и в закрытых заседаниях ее. Для частных заседаний трудовой фракции имелась специально предназначенная квартира на углу Суворовского проспекта и 9-й Рождественской улицы, нанятая на имя одного из членов этой фракции, где он сам и жил. Совещания там происходили почти ежедневно и носили исключительно заговорщический характер, причем душою этих совещаний был Керенский. Наблюдение за всем, что происходило в этой квартире, настолько было хорошо организовано Охранным отделением¹, что все, что там говорилось, было известно правительству с текстуальной точностью. На этих собраниях учитывалось: настроение в обществе, настроение в войсках, тыловых и на фронте,

характеристика и надежность командного состава, настроение в придворных сферах, шансы на переворот, основанный на восстании Петроградского гарнизона, и т. д. В январе 1917 г. Керенский уже твердо верил в успешность переворота и проповедовал настоятельную его необходимость. Он говорил: «Революция нам нужна, даже если б это стоило поражения на фронте». Для него весна 1917 г. представлялась единственным возможным моментом, чтобы сбросить ненавистный ему государственный строй, даже в том случае, если б это грозило величайшими потрясениями страны и целостности государства.

Работая так здесь среди своих единомышленников, вместе с тем он проповедовал в том же духе и в вечерних заседаниях Государственной думы, где зародился центр революции, и хотя он состоял «из лиц другой политической окраски, но жажда захвата власти вполне объединяла планы кадет и социалистов, а потому Керенский шел с ними рука об руку, не требуя пока слишком многого для своих партийных единомышленников и ограничиваясь лишь персональным вхождением в будущее Временное правительство.

Невольно напрашивается вопрос: что же делало правительство, будучи в курсе работы Керенского и прочих его сподвижников, подготовлявших переворот. Оно молчало, складывая в архив поступающие о приближающейся катастрофе сведения, ограничиваясь лишь благосклонным согласием на ликвидацию периферии, то есть рабочих комитетов и подпольных социалистических организаций, которые, как я уже говорил, к тому времени были совершенно парализованы и бездеятельны. Боязнь ответственности перед общественностью сковывала руки правящих сфер,

[остерегавшихся] вызвать ее негодование за арест главарей революционного движения, забронированных иммунитетом; этот страх перед пресловутой общественностью превалировал над неминуемой опасностью, грозящей гибелью всему государственному строю. Еще в 1915 г. необходимо было арестовать Керенского за явно противогосударственную деятельность, и можно было поручиться, что материала у него нашлось бы совершенно достаточно для привлечения его к судебной ответственности. Но, несмотря на мои настойчивые доклады, бывший тогда товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий отказывался дать свое согласие по выше приведенным причинам.

Как я уже раньше сказал, Керенский не обладал никакими личными средствами, тем не менее уже в 1916 г. он собирался субсидировать предполагаемый к изданию в Москве орган печати партии социалистов-революционеров в сумме 15 000 рублей. Являлся вопрос, откуда он мог взять эти деньги. Ведь рабочие с ним разошлись, да в то время уже никаких организаций Партии с.-р. в Петрограде и не было. Остатки их были ликвидированы еще в 1915 году. Значит, рабочие ему этих денег собрать не могли. Это обстоятельство, а также косвенные связи с лицами немецкой ориентации, как то было установлено наблюдением Охранного отделения, приводило к выводу последнее: не на немецкие ли деньги ведет работу Керенский. Этот вывод подтверждался еще и заявлением самого Керенского, что переворот должен совершиться весной 1917 г., даже если б это стоило поражения России. Совокупность этих данных заставляла Охранное отделение полагать, что Керенский причастен к

немецкому шпионажу, о чем в делах Охранного отделения имелась записка, правда, не на бланке и без подписи. Я думаю, что эта записка на первых порах после переворота попала в руки к Бурцеву, который тогда был допущен к рассмотрению делопроизводства Охранного отделения. Иначе чем же объяснить его особый интерес, уже много позже провала Временного правительства, к связям Керенского с немцами. Дальнейшее наблюдение за деятельностью Керенского в этой области могло бы дать подтверждение сделанных Охранным отделением выводов, но, к сожалению, этому помешал Февральский переворот, а органы новой власти, естественно, не подняли бы этого вопроса даже при наличии неопровержимых доказательств, ибо Керенский сразу занял доминирующее положение во Временном правительстве, и с этим считаться приходилось.

Вообще Керенского того времени нужно было рассматривать как пораженца, сочувствующего тезисам Циммервальда и Киенталья, как по характеру его деятельности, так и по тем речам, которые он произносил в заседаниях трудовой фракции, где красной нитью проходил бойкот войны. Если он прямо и не заявлял лозунга, принятого пораженцами: «Война войне», то во всяком случае порицал ее. Конечно, после того как ему удалось выдвинуться на пост военного министра, главковерха и председателя Совета министров, он запел другие песни и был даже одним из самых воинствующих членов Временного правительства.

Глава IV

Дело Мясоедова.

- Его служба в Отдельном корпусе жандармов. Причины оставления Мясоедовым этой службы, - Подпоручик Колаковский и его показания, - Следствие по делу Мясоедова, - Связь его с немцами, с ген. Сухомлиновым и другими лицами. - Что установило следствие, - Отношение к делу общественности. - Суд над Мясоедовым. - Ошибочность постановки всего расследования. - Использование дела в революционных целях.

ПОЛКОВНИК Мясоедов во время войны был начальником контрразведывательного отделения при штабе 10-й армии на Северо-Западном фронте, на какую должность был назначен по протекции бывшего тогда военным министром ген. Сухомлинова. Мясоедов не пользовался хорошей репутацией в военных кругах. Военная служба его протекала главным образом в рядах Отдельного корпуса жандармов, и большую часть ее он провел на должности начальника пограничного отделения С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог, на пограничном пункте Вержболово. Как человек в высшей степени ловкий, он завязал прекрасные отношения с местными пограничными немецкими властями, оказывая им много мелких услуг и взаимно пользуясь услугами с их стороны. Здесь же, благодаря своему служебному положению, он завязал и личные, нужные ему знакомства с лицами высокого служебного положения в обеих пограничных странах - России и Германии. Несомненно, здесь же он близко познакомился с

Сухомлиновым и его семьей, которая часто ездила за границу и которой он оказывал особое внимание. Немцы к нему относились с большим уважением и даже сам кайзер Вильгельм не раз приглашал его на охоту в Восточной Пруссии.

В 1908 или 1909 г., хорошо не помню, Мясоедов должен был оставить занимаемую должность, будучи уволен от службы в Отдельном корпусе жандармов за то, что, несмотря на свое служебное положение, принял участие в провозе контрабанды. Выйдя в отставку, Мясоедов занялся торговыми делами и благодаря своим прежним связям с немцами вошел в одно из транспортных морских обществ в качестве члена правления, большая часть директоров которого были германские подданные.

В 1911 г. Мясоедов вновь был принят на военную службу по приказанию военного министра Сухомлинова и назначен штаб-офицером для поручений при Главном штабе. Тогда еще на шумела его ссора с Б. А. Сувориным, окончившаяся безрезультатной дуэлью.

С открытием военных действий Мясоедов по его личной просьбе был назначен в штаб 10-й армии, где исполнял должность сперва штаб-офицера для поручений, а потом начальника контрразведывательного отделения.

В конце января 1915 г. в Петроград прибыл из германского плена подпоручик Колаковский, который явился в Главный штаб и сделал там следующее заявление: будучи взят в плен в 1914 г. в бою под Сольдау, но желая возвратиться в Россию, он, Колаковский, предложил немцам свою службу в качестве разведчика в пользу Германии. Предложение его было

принято, и после продолжительного инструктирования, даже, насколько помню, окончания им специальной школы разведчиков, он был отправлен через Швецию в Россию, причем ему была дана, по его словам, общая задача служить Германии, а все указания относительно его образа действий и детали его работы ему должен был сообщить полковник Мясоедов, к которому он должен был явиться по приезде на русский фронт. В этом рассказе весьма странным являлось то обстоятельство, что, отправляя его в Россию с такими целями, немцы не дали ему ни явок, ни пароля, словом ничего такого, что могло бы для Мясоедова, если он был действительно шпион, служить удостоверением, что Колаковский - действительно лицо, посланное германским Генеральным штабом.

Вот в сущности все, в чем заключалось заявление Конаковского, и Главный штаб, по-видимому, не придавал ему никакого значения, так как никаких распоряжений по этому поводу в течение целого месяца не сделал. Между тем Колаковский стал трубить по всему Петрограду о важности своих разоблачений, и что со стороны военных властей никаких мер не принимается. Слухи об этом деле дошли до бывшего в то время товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, который приказал мне разыскать Колаковского и подробно его допросить. На допросе Колаковский ничего нового не показал, и сущность его рассказа была повтореньем того, о чем он заявлял первый раз в Главном штабе. Протокол допроса Колаковского был отправлен Охранным отделением в контрразведывательное отделение Главного штаба по принадлежности, и с этого, собственно говоря, момента и началось дело Мясоедова, о котором уже знал чуть ли ни весь Петроград, комментируя его на всевозможные лады.

Главным штабом дело было передано на фронт, Мясоедов был арестован и началось следствие, длившееся довольно долго. Единственным материалом, собранным следствием по этому делу, была переписка с лицами, участвовавшими с Мясоедовым в торговых делах довоенного времени, его отношения к ген. Сухомлинову и к дамам, бывшим с ним в переписке, как-то: Магеровская, Столбина и др. Все они также были арестованы, и им инкриминировалась связь с полковником Мясоедовым и получение от него некоторых предметов из военной добычи, взятой в Восточной Пруссии путем мародерства.

Таким образом, следствие не добыло материала, уличающего Мясоедова в военном шпионстве, и оставалось одно лишь голословное заявление Колаковского, но общественное мнение было до того возбуждено этим делом, что ничего не оставалось другого, как предать Мясоедова военному суду. На этом деле играли все левые элементы, обвиняя Мясоедова, военного министра, правительство и командный состав чуть ли не в пособничестве государственной измене.

Я, конечно, не в курсе того, что происходило в судебном заседании, но знаю из достоверного источника, что в отношении Мясоедова доказано было только мародерство, что, в сущности, можно было инкриминировать многим участникам военных операций в Восточной Пруссии, что же касается шпионства в пользу Германии, то такое доказано не было. Тем не менее дело Мясоедова настолько на шумело, что в удовлетворение общественного мнения верховному главнокомандующему приговор суда пришлось

утвердить, пожертвовав Мясоедовым, который и был казнен.

В самом начале в этом деле военными властями была допущена колоссальная ошибка. Тотчас после первого заявления Колаковского необходимо было, не предавая гласности его показаний, направить Колаковского к Мясоедову, чтобы узнать, - как же Мясоедов будет реагировать на появление посланца германского Генерального штаба, какие он даст Колаковскому задачи и инструкции, и вместе с ним установить за Мясоедовым самое тщательное наблюдение. Только таким путем, если Мясоедов действительно был шпион, его можно было в этом уличить. Ничего подобного не было сделано, а ведь это азбука дела. В рассказе Колаковского столько было неясного, темного, что Колаковский, отправленный после своих разоблачений военной властью в одну из резервных частей в г. Пензу, по распоряжению Департамента полиции был долгое еще время под негласным наблюдением. Вряд ли германский Генеральный штаб был так наивен, что поверил в искренность Колаковского, вот почему ему и не дал ни явок, ни определенных задач, а просто указал на Мясоедова, памятуя прежние довоенные его хорошие отношения к приграничным германским властям и, может быть, в том расчете, что авось Мясоедов, поговорив с Колаковским, действительно вступит в сношения с германским Генеральным штабом и таким образом будет приобретен ценный агент, занимающий на фронте русской армии должность начальника контрразведки. Выпуская из плена Колаковского, немцы не многим рисковали, но зато в случае успеха замысла риск вполне окупался. Вот то знаменитое дело Мясоедова, о котором

в свое время так много говорилось и которое Керенский широко использовал в революционных целях.

Глава V

Григорий Ефимович Распутин, он же Новых.

-Мое знакомство с ним. - Семейное положение Распутина и его окружение. - Отношение к женщинам и мужчинам. - Беспутство и пьянство. -Отношение к правящим сферам. - Назначения, подряды, поставки и т. п. - Симонович и его роль. Свидания в Царском Селе. - Отношение к царской семье и придворным сферам. - Политическое значение Распутина. - Охрана Распутина. - Убийство Распутина и следствие об его убийстве.

С Распутиным меня столкнуло мое служебное положение, а потому все внешние проявления его жизни за последние два года до его смерти прошли у меня на глазах.

Познакомился я с ним в 1915 г., когда он был в расцвете своего влияния. Он на меня произвел скорее приятное впечатление: вид суровый, серьезный, движения порывистые, голос мягкий, приятный, речь простая крестьянская, но умная; неприятно было одно, когда говорил, никогда собеседнику в глаза не смотрел; глубоко сидящие в орбитах серые глаза его бегали по сторонам. Он не производил на меня впечатления человека одухотворенного особым даром провидения, как об этом говорили. Несомненно, это был человек сильной воли, способный подчинять себе волю других, но мне он казался заурядным неглупым мужиком.

Образования Распутин с детства не получил никакого, а те первоначальные понятия в грамоте, догматике и церковном укладе, которыми любил щегольнуть, приобретались им во время его долгих скитаний по белу свету, пока он еще прочно не обосновался при Дворе.

Распутин жил со своей семьей, состоявшей из жены, двух дочерей и сына, в весьма скромной квартире во дворе дома № 64 по Гороховой улице. Обстановка квартиры среднemannского типа, даже скорее бедная. Ежедневно у дверей его квартиры по утрам толпился бедный люд, и каждому он давал пособия, кому рубль, кому два, а кому и три. Семья его вела образ жизни скромный, но, по-видимому, ни в чем не нуждалась. В течение целого почти дня его посещали лица, принадлежавшие к разным слоям общества и разного служебного и общественного положения. Одни здесь бывали из-за личных симпатий к Распутину, другие - ища его протекции, а третьи просто в надежде около него набить карман. Список лиц, посещавших Распутина по тем или другим причинам, был очень велик. Кроме того, были и завсегдашние, так сказать, друзья его, состав которых менялся в зависимости от личных симпатий Распутина в данный момент. Наиболее преданными его друзьями были женщины, - дамы-почитательницы, которые верили в него как в святого. Многие из них были с ним в близких, интимных отношениях, а другие еще только добивались этой чести. Вера в святость Распутина была так велика, что женщины целовали его руки, принимали пищу из его грязных рук и покорно сносили оскорбления и грубость с его стороны, считая это за особое счастье. Распутин всегда был очень любезен и ласков с новыми, которых называл еще не посвященными, и в высшей степени груб с теми, с

которыми он уже был близок интимно. Не думаю, чтобы он отдавал предпочтение той или другой из его почитательниц; искренней любви ни к одной из его многочисленных любовниц у него не было. Его просто влекло к женскому телу чувство похоти и разврата. Часто, не довольствуясь окружающим его добровольным гаремом, он пользовался обыкновенными уличными проститутками. Женщин, с которыми у него не было близкой связи, он старался привлечь на свою сторону лаской и исключительной способностью влиять на их душу, чтобы создать себе в их глазах ореол святости и слепой веры в себя. Мужчин, бывших в окружении Распутина, можно подразделить на две категории: к одной из них принадлежали те, которые нисколько не скрывали к нему своей близости, открыто его посещая, и проводили с ним время, участвуя, так сказать, в его интимной жизни. К другой принадлежали те, которые свои отношения к нему старались скрыть - показать, что они с Распутиным ничего общего не имеют, но вместе с тем использовали его влияние в личных, политических или спекулятивных целях.

К первой категории принадлежали такие, как личный его секретарь Симанович, епископ Исидор, жених его старшей дочери прапорщик Пакхадзе, содержатель ресторана Роде12 и проч. и проч. (всех не перечтешь). Эти лица были постоянными завсегдатями на Гороховой, 64, как бы членами его семьи.

Ко второй категории принадлежали лица высоких положений, ищущие назначений, помогающиеся поставок, концессий, приема ко двору, прекращения судебных дел и т. п. Свидания с ними у Распутина происходили главным образом на нейтральной почве, как-то: в квартире доктора Бадмаева, в квартире

Головиной, в квартире Решетникова, в квартире Червинской (устроенной министром внутренних дел А. Н. Хвостовым специально для его свиданий), наконец, в автомобиле и т. п. Так с ним виделись: А. Н. Хвостов, Штюрмер, Белецкий, Протопопов, Добровольский, банкир Рубинштейн, банкир Манус и другие.

Кроме влечения к женскому полу, у Распутина было пристрастие к спиртным напиткам и к разгулу, чем и пользовались его окружавшие, спаивая его почти ежедневно. Попойки устраивались как на Гороховой, 64, так и в ресторанах, главным образом загородных. Распутин особенно любил посещать ресторан «Вилла Роде», где шел широкий разгул, благодаря его близким отношениям с хозяином, заканчивавшийся нередко в 5-6 часов утра в Новой Деревне у цыган. Напивались обыкновенно, как говорится, до бесчувствия, и все это сопровождалось бешеной пляской и развратом с женщинами легкого поведения. Нужно было удивляться крепкой натуре Распутина. После попойки, заканчивающейся утром, он отправлялся в баню, а затем, проспав не более двух часов, был совершенно свеж и мог начинать сызнова.

С дамами общества Распутин не кутил и старался свое обычное поведение скрывать, в особенности от тех, с которыми в близких отношениях не состоял. Однажды я приехал на квартиру к Распутину по служебному делу (охрана его личной безопасности). Принял он меня в своем кабинете, который представлял маленькую грязную комнату, меблированную дешевеньким письменным столом с банкой чернил на нем, креслом и диваном, крытым дерматином, весьма потрепанным от времени. Распутин был совершенно пьян, что выражалось у него приплясыванием, вздором, который

он молот, и бесконечными объятиями и поцелуями. Он производил впечатление человека, не отвечающего за свои поступки, и я уже собирался уходить, чтобы повидаться с ним в другой раз, когда он будет в нормальном состоянии, как в это время послышался входной звонок и одна из дочерей пришла сказать, что пришла «Аннушка», то есть Анна Александровна

Вырубова. Распутин сразу преобразился, его нельзя было узнать, хмель пропал бесследно. Вскочил, принял нормальный вид и побежал встречать гостью. Приглашенный им в столовую пить чай, я там застал целое общество: Вырубову, епископа Исидора, несколько дам и его семью. Чаепитие продолжалось с полчаса, и все это время Распутин вел себя вполне нормально и весьма почтительно по отношению Вырубовой, а с епископом Исидором вел спор на богословскую тему. После отъезда Вырубовой Распутин вновь преобразился, продолжая быть пьяным или, по крайней мере, показывая это. Такое отношение к Вырубовой объясняется тем, что Вырубова глубоко верила в святость Распутина, что она являлась при дворе императрицы точной выразительницей его мыслей, так сказать, напетой им граммофонной пластинкой, и ее мнение о нем поэтому для него было особенно ценно. Совершенно другое у него было отношение к ее сестре Александре Александровне Пистолькорс, с которой он несколько не стеснялся в виду своего старого с ней знакомства. Попойки Распутина иногда сопровождались скандалами, то есть дело доходило до драки, так как Распутин становился тогда не в меру развязен и нахален. Раза два или три его били, когда он сталкивался при подобных обстоятельствах с лицами посторонними. Но Распутин скрывал такие случаи и никогда никому не

жаловался. Два раза мне приходилось платить штраф по приговору мирового судьи за неосторожную езду Распутина на автомобиле (автомобиль принадлежал Охранному отделению; Распутин пользовался им для своих поездок в городе и в Царское Село). Распутин, как говорится, был «блудлив как кошка и труслив как заяц». Однажды, будучи приглашен на обед к скульптору Аронсону на Петроградской стороне, он позволил себе грубую выходку по отношению к одной из присутствовавших там дам; бывший тут же ее муж заступился за жену, намереваясь избить Распутина, причем так его напугал, что тот бежал из квартиры без шапки и, вскочив в пролетку первого попавшегося извозчика, понукал его пинками как можно скорее ехать домой на Гороховую, боясь погони.

В людях Распутин разбираться не умел. Он делил всех на две категории: «наш и не наш» - это значит: друзья и враги. В первую категорию очень легко было попасть - нужно было только получить рекомендацию от одного из друзей Распутина. Благодаря этому в число «наших» попадало много людей, к нему совсем и не расположенных, даже провокаторов, которые, пользуясь его расположением, извлекали свои выгоды и в то же время всюду его оговаривали и готовы были всегда сделать ему какую-либо пакость. Этим грешили не только простые смертные, но и министры. В общем разряде «наших» у Распутина числилась значительная клика: тут были и сановники, и банкиры, и спекулянты, и офицеры, и духовенство, и великосветские дамы, и проститутки и проч. и проч. Весь этот люд толкался к Распутину, искал с ним близости, главным образом из-за личных выгод, зная его влияние на Императрицу и Государя. Сановники упрочивали снос положение, спекулянты и банкиры

набивали карманы, проводя через Распутина крупные правительственные подряды и сделки, военные домогались высших назначений в армии, дамы хлопотали за своих мужей, лица духовные добивались лучших приходов и епархий. Я не могу указать все те назначения и дела, которые провел Распутин, но некоторые из них сохранились у меня в памяти, Так, например, своими назначениями исключительно были обязаны Распутину: министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов, товарищ его Степан Петрович Белецкий, министр внутренних дел Штюмер, министр внутренних дел Протопопов, обер-прокурор Св. Синода Раев, министр юстиции Добровольский, митрополит Питирим, епископ Варнава, главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. Рузский и т. д. Мне нетрудно было вперед определить, кто намечается на какой-либо высокий пост, так как Распутин, бывший все время под охраной моих людей, в то же время был и под их наблюдением, и ни одно из его конспиративных свиданий с лицами, домогавшимися назначения, не ускользало из их поля зрения. Эти свидания и переговоры иногда длились месяцами и не всегда увенчивались успехом. Генерал Рузский после неудачного командования Западным фронтом был отставлен от командования и вновь назначен командующим Северным фронтом по протекции Распутина. Однако, несмотря на это, в революционных кругах считался своим человеком, поэтому после переворота его фонды в глазах Временного правительства стояли высоко до тех пор, пока об его назначения не стал известен новой власти, что и послужило истинным поводом увольнения его в отставку.

Крупные сделки и подряды проводили через Распутина банкиры Манус и Рубинштейн. Оба часто

устраивали для Распутина обеды и попойки. От всех сделок известный процент шел в пользу Распутина: иногда он довольствовался тем, что ему давали, иногда спорил и требовал большего. Деньги шли на содержание дома и на благотворительные дела. После его смерти все наличие, найденное в его доме судебным следователем, составляло сумму в 3000 рублей. Много помогал Распутин лицам, осужденным за разные преступления, ходатайствуя о смягчении их участи или о помиловании. Между прочим, бывший военный министр ген. Сухомлинов, содержащийся во время производства о нем следствия в Петропавловской крепости, был освобожден благодаря продолжительным просьбам и хлопотам его жены у Распутина. Были даже случаи полного освобождения от наказания лиц, осужденных судом, в порядке монаршей милости.

Немаловажную роль при Распутине играл его личный секретарь и друг еврей Симанович, сменивший бывшего до него секретаря - некоего Добровольского, которого Распутин заподозрил в утайке некоторой суммы денег, причитавшихся Распутину за одно проведенное им дело. Симанович был торговец бриллиантами, как говорится, «из-под полы» и в то же время азартный клубный игрок. Называли его клубным «арапом», но думаю, что вряд ли это было верно, так как игру он вел честную и большей частью проигрывал. Симанович был необразован, плохо говорил по-русски, но весьма неглуп, с большой практической сметкой. Несмотря на личные выгоды, которые ему давала его близость к Распутину, он все же был по-своему к нему привязан и оберегал его интересы. Помимо своих личных дел, он выполнял миссию евреев, добивавшихся закона об отмене черты оседлости и равноправия, и в этом отношении, вероятно,

достиг бы цели, так как министр внутренних дел Протопопов и министр юстиции Добровольский были склонны провести эту реформу в самом непродолжительном времени. Даже больше скажу: Добровольский мне лично говорил (после переворота), что проект закона о равноправии евреев был уже приготовлен и, по всей вероятности, закон был бы объявлен на Пасху 1917 года. По словам Симановича, после смерти Распутина благодарные ему за хлопоты евреи собрали в пользу оставшейся его семьи 50 000 рублей, благодаря чему дети Распутина могли существовать, так как его личных денег, как я уже сказал, осталось только 3000 рублей.

Из лиц придворных Распутина посещала на его квартире только фрейлина Анна Александровна Вырубова, которая служила постоянной связью его со двором. Между ними никаких интимных отношений, о чем так много говорилось после переворота, не было. Расследование, произведенное Временным правительством, вполне это подтвердило. Свидания Распутина с Государем и Государыней происходили в Царском Селе на даче Вырубовой.

Во дворец за последние два года Распутин ни разу не ездил.

В Царское Село Распутин сначала ездил по железной дороге, а; потом в его распоряжение был предоставлен один из автомобилей Охранного отделения: мера эта была вызвана заботой о его личной безопасности. На свидания с Распутиным Государыня всегда приезжала с наследником или с кем-либо из дочерей; иногда вместе с ними приезжал и Государь. Свидания происходили раз или два в неделю и

продолжались от получаса до часа. По возвращении из Царского, почта как правило, Распутин отправлялся в компании кутить куда-либо в загородный ресторан. Отношения его к особам царской семьи, даже в моменты самого широкого разгула, были весьма корректны, и никогда не позволял он себе, ни при посторонних, ни при своих, отзываться о ком-либо из членов царской семьи непочтительно. Поэтому все рассказы о том, что Распутин называл Государя по имени или бравировал своими отношениями, или хвастал своим влиянием и т. п., - сплошной вымысел, имевший своей целью скомпрометировать царскую семью в глазах широких масс.

Влияние Распутина на Императрицу объяснялось исключительно верой ее в Распутина как в молитвенника и охранителя драгоценного здоровья ее сына, наследника престола, в чем она была убеждена несколькими случаями, когда Распутин не только облегчал его страдания во время его болезни, но прямо соверши чудеса в ее глазах. Кроме того, приблизив Распутина к своей семье, Государыня полагала, что тем самым она сближается с народом, коего представитель был этот простой крестьянин Распутин. В этом был весь смысл той настойчивости со стороны Государыни и Государя, с которой они отстаивали близость к себе Распутина, несмотря на неоднократные попытки некоторых искренно преданных Государю лиц убедить его удалить Распутина, как крупного козыря в руках революционно настроенных элементов.

Распутин не представлял собой какой-либо крупной величины былых фаворитов, был простым умным мужиком, попавшим в случай и потому пользовавшимся своим положением, но в том окружении, которое

создалось около него, он представлял уже крупное зло, компрометируя престиж царского достоинства и ореол величия царя в глазах народа. Для революционеров жизнь Распутина была, может быть, драгоценнее, чем для царской семьи, и ни один из них не рискнул бы покуситься на эту жизнь, зная, что тем самым преждевременно наносит величайший вред делу революции. Распутин только и мог быть убит, как это и случилось. лицами правого лагеря и даже близко **СТОЯЩИМИ** К трону. Участие в убийстве Распутина Юсупова, родственника Императорского дома, и Пуришкевича, правого члена Государственной думы, оказало колоссальную услугу революции, дав обществу убеждение в оппозиции престолу не только крайних элементов, но даже лиц, стоящих близко к Императорской фамилии и преданных монархия.

С 1913 г., после неудачного покушения Гусевой на жизнь Распутина (в Тобольской губ.), по распоряжению министра внутренних дел была учреждена постоянная охрана личной безопасности Григория Распутина, и таковая не прекращалась до самой его смерти. Охрана была возложена на Петрограде кое охранное отделение и состояла из двух постоянных агентов-телохранителей, если можно так выразиться, и из двух-трех агентов переменного состава, наблюдавших снаружи за его квартирой. Кроме того, с 1915 г. в его распоряжение посылался автомобиль с шофером Охранного отделения для поездок в Царское Село и по городу. Благодаря этому каждый шаг Распутина был известен, а также велась регистрация всех лиц, посещавших его ИЛИ ИМ посещаемых. Чаше всего Распутин ездил в Царское Село, в Александро-Невскую лавру, к митрополиту Питириму, к доктору Бадмаеву на Литейный пр., № 14 или на его

летнюю дачу на Черной речке, в «Виллу Роде» и в Новую Деревню к цыганам. Распутин отлично понимал, что агенты, охраняя его, в то же время следят за каждым его шагом, что не всегда ему было желательно, особенно в тех случаях, когда он старался скрыть свои сношения с лицом, которое он проводил на какой-либо служебный пост. В таких случаях он обыкновенно жаловался Вырубовой, что за ним холят люди по пятам. И вот начальник Охранного отделения попадал в весьма затруднительное положение: министр требовал неотступности охраны и наблюдения, а из Царского Села просили не надоедать и не следить за ним. Тогда начальнику Охранного отделения приходилось лично вести переговоры с Распутиным по вопросу охраны и делать взаимные уступки.

Часто Распутин отпускал агентов раньше установленного времени, заявляя, что больше в течение данного дня уже ни выезжать, ни выходить не будет. Так было и в трагический для него вечер 16 декабря 1916 года. В 10 часов вечера он сказал агентам, что больше никуда не выйдет и ляжет спать, а потому агенты могут идти домой; между тем он отлично знал, что за ним приедет кн. Юсупов в 12 час. ночи, что видно из того, что когда позвонили с черного хода, то он спросил: «Это ты, маленький» (так он называл Юсупова), и сейчас же, надев шубу и галоши, вместе с ним вышел. Можно вперед было предугадать, что если на Распутина будет покушение, то во время одного из его кутежей, ибо он всегда мог по пасть в западню на такую приманку, как вино и женщины.

Обстоятельства убийства Распутина, как это видно было из произведенного дознания, были следующие. Как я уже сказал, за Распутиным приехал Юсупов в 12 часов

ночи 16 декабря 1916 г. и, выйдя из квартиры, оба сели в автомобиль, на котором заехал за Распутиным Юсупов. Шофером был один из знакомых его-, принимавший участие в заговоре¹³. В этот день Юсупов устраивал у себя вечеринку по случаю новоселья после ремонта его апартаментов во дворце на Мойке, № 104. Рядом с двором был дом, принадлежавший также Юсуповым (№ 102), но сданный в наем под частную контору. Фасад этого последнего дома не примыкал непосредственно к улице, а имел впереди себя еще дворик с железной решеткой и воротами, выходящими на Мойку. Из дворца Юсупова в этот дворик вела железная дверь, как раз у кабинета. Как произошло убийство, я этого касаться не буду, но вот что дало дознание, произведенное непосредственно после его совершения, то есть утром 17 декабря. В 5 часов утра к градоначальнику явился пристав местного участка с постовым городовым на Мойке у дома Юсупова, который доложил следующее: в 3 с половиной часа ночи, проходя по Мойке, в направлении к Поцелуеву мосту, он услышал револьверные выстрелы со стороны дома Юсупова; когда он, поравнявшись с решеткой дома № 102 к увидев во дворике этого дома молодого кн. Юсупова и его денщика, что-то рассматривавших на снегу, поинтересовался и спросил, не здесь ли стреляли, то получил отрицательный ответ и пошел дальше к Поцелуеву мосту. Через некоторый промежуток времени его нагнал тот же денщик и сказал, что князь просит его зайти к нему, что городовой и исполнил. Введенный через главный подъезд в кабинет князя, он увидел там его и другое лица которое ему не было известно. Оба были в сильно возбужденном виде, как ему показалось, от выпитого вина. Незнакомый спросил его: «Ты меня знаешь?» На отрицательный ответ

городового он сказал: «Я член Государственной думы Пуришкевич, сейчас убит Распутин, если ты любишь Государя и Россию, то будешь молчать». После этого городской ушел и сейчас же обо всем доложил своему приставу.

Начатое расследование установило что Юсупов приказав своим двум лакеям (в числе их был упомянутый денщик) приготовить чай вечером 16 декабря к 10 часам, после чего во внутренние комнаты не входить, оставаясь в вестибюле главного подъезда. Из всех приглашенных в тот вечер один только великий князь Димитрий Павлович подъехал к главному подъезду с Мойки, остальные же гости, между которыми были две дамы, приезжали через дворик соседнего дома. В этом дворике добивали раненного Распутина, на что указывали оставшиеся на снегу лужи крови. Труп убитого был завернут в кусок портъеры и связан как пакет, затем был покрыт собственной шубой и вывезен на автомобиле через упомянутый дворик.

На следующий день в 12 часов к градоначальнику приехал Юсупов и выразил ему удивление по поводу подозрений в убийстве в его доме Распутина, объяснив, что у него в доме была вечеринка по случаю новоселья, гости подкутили и великий князь Димитрий Павлович убил во дворе из револьвера собаку, труп которой, как доказательство его слов, может быть представлен. Затем Юсупов посетил министра юстиции и рассказал ему то же самое, последствием чего министром было сделано распоряжение прекратить начатое уже судебными властями следствие. Но ввиду исчезновения Распутина полицейское дознание продолжалось, и анализ крови, собранной во дворике, установил, что кровь человеческая, а не собачья, хотя в тот же день денщик

Юсупова действительно доставил в полицию труп дворовой собаки Юсупова, якобы убитой великим князем Димитрием Павловичем. Ввиду этих новых обстоятельств следственное производство было возобновлено, ибо ясно было, что собака была убита позже; никто больше не обращал внимания на эту инсценированную, мальчишескую выходку. Следствие установило, что убийцами Распутина были Юсупов и Пуришкевич.

Вскоре, 19 декабря, чинами речной полиции было найдено и тело Распутина, в проруби около моста через Малую Неву, между Крестовским и Елагиным островами. Было установлено, что труп был привезен на автомобиле на упомянутый мост и сброшен в прорубь, на что указывали следы крови на перилах моста и деревянном устое, а также найденная на перекладине устоя одна из галош Распутина. После удостоверения личности убитого и медицинского осмотра тело покойного в автомобиле Красного Креста было отвезено в часовню за Московской заставой, где епископ Исидор отслужил заупокойную обедню, после чего покойник был перевезен в Царское Село и погребен под строившимся там лазаретом имени А. А. Вырубовой. Совершив этот преступный акт, исполнители его, руководствовавшиеся, несомненно, идейными побуждениями - оказать услугу Родине, освободив престол от влияния так называемой «темной силы», достигли результата чрезвычайно неблагоприятного, на который, может быть, и не рассчитывали. Мало того, что Распутин в глазах его бывших почитателей приобрел ореол мученика, убийство его такими людьми, как Юсупов и Пуришкевич, да еще в соучастии с Великим князем Димитрием Павловичем, еще больше подорвало в обществе уважение к Верховной власти, поставив ее в весьма двусмысленное положение.

С одной стороны, закон требовал наказания убийц, а с другой, нельзя было ставить на суд дело с именем великого князя Дмитрия Павловича¹⁷ - члена императорского дома. Лично же для себя убийцы популярности не приобрели, а уважение многих потеряли.

Большое было зло - приближение к трону мужика Распутина, но еще худшее было зло - убийство его при таких обстоятельствах.

Глава VI

Министры внутренних дел последних двух лет монархии.

- Отношение к внутренней политике, - Отношение к Распутину. - Политическая обстановка, в которой протекала работа министров. - Н. А. Маклаков. - Союз земств и городов. - Доклады начальника Охранного отделения. - Товарищ министра В. Ф. Джунковский. - Кн. Щербатов. - Р. Г. Моллов.

За два года службы в Петрограде мне пришлось иметь непосредственные отношения с шестью министрами внутренних дел¹, и должен отметить у всех одну общую черту: все они очень мало разбирались в революционном движении в России и мало им интересовались. Положим, у министра внутренних дел был товарищ, заведующий политической частью, но все-таки, казалось бы, они могли проявлять к этому вопросу хоть сколько-нибудь интереса. Вся забота, вся энергия каждого вновь назначенного министра, казалось, сосредоточивались главным образом на укреплении и

сохранении своего личного положения, что действительно составляло нелегкую задачу, ввиду всевозможных влияний и интриг. Кроме того, громадное значение в смысле устойчивости положения министра имело то обстоятельство, какую позицию министр занял в отношении Распутина: дружескую, враждебную или безразличную. Министру нельзя было оставаться к этому вопросу совершенно равнодушным. Нужно было непременно принадлежать к одной из категорий: «наших или не наших», ибо если сам Распутин и не придавал этому большого значения, то зато вся клика, его окружающая, придавала этому первенствующее значение, так как это обстоятельство касалось ее личных интересов. Для нее было необходимо, чтобы министр был свой человек, тогда, естественно, можно было рассчитывать на успешное проведение тех или иных дел.

Действительно, министры кн. Щербатов и А. А. Хвостов пробыли на своих постах едва по три месяца, потому что к Распутину относились безразлично. Б. В. Штюрмер только потому, что крепко держался дружбы с Распутиным, пробыл на посту полтора года.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности министров в области внутренней политики, посмотрим, какова была политическая обстановка, в которой им приходилось работать.

Всем памятен тот патриотический подъем, который захватил Россию в момент объявления войны в июле 1914 г. и увеличивался под влиянием наших успехов в Восточной Галиции. Слабые проблески оппозиции и подпольного революционного движения, которые всегда захватывали некоторую часть нашей либеральной интеллигенции и рабочего класса, были совершенно

подавлены. Все помыслы и надежды населения были в скором и победоносном окончании войны. Но вот наступил перелом военного счастья. Наша армия к началу 1915 г., держась еще в Галиции, стала отступать на Западном и Северо-Западном фронтах. Никакой опасности в широких размерах наше отступление не представляло, но для тыла, который всегда чутко реагирует на всякое изменение на фронте, это создавало уже неуверенность в конечных результатах войны и благоприятную почву для брожения неуравновешенных умов и обвинений правительства в военных неудачах.

Оппозиционные и революционные элементы, совершенно замершие под влиянием широкой волны патриотизма, захватившей всю толщу населения России в первые дни войны, теперь вновь подняли голову и принялись за свою разрушительную работу. Подпольное революционное движение, опирающееся на рабочие круги, не представляло особой опасности; оно всегда существовало и даже в более крупных размерах, а правительственные органы имели в своем распоряжении достаточно средств если не для полного уничтожения, то, во всяком случае, для систематической его парализаций. Но что было гораздо серьезнее и с чем нельзя было бороться обычными средствами, так это прогрессивное нарастание оппозиционного общественного настроения. Здесь нужны были особые пути общей политики, исключительные меры и твердая власть руководящих органов правительства, чем, к сожалению, не отличались лица, стоявшие во главе ведомств и в особенности самого обширного и руководящего вопросами внутренней политики - Министерства внутренних дел. За два года из шести сменившихся друг друга министров ни один не проявил

достаточно воли и таланта, чтобы умелым руководством парализовать и разъединить те силы, которые сознательно вели осаду власти и повергли Россию во прах.

Первый министр, с которым мне пришлось столкнуться по службе в Петрограде, был Николай Алексеевич Маклаков. По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, и, казалось, если бы он был человеком хоть сколько-нибудь государственным, если бы у него была хоть доля качеств покойного Столыпина, то он мог если и не парализовать нарастающее антиправительственное движение, то хотя бы его задержать, не сдавая тех позиций, которые были укреплены Столыпиным. Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча. Например, вина на Маклакове лежит за утверждение положения о Союзе земств и городов.

Это положение было поднесено Маклакову как положение об организации помощи больным и раненым воинам со стороны земств и городов всей России. Цель, безусловно, прекрасная, но мыслимо ли было утверждать положение о Союзе в том виде, как это было представлено: без всякого правительственного руководства и контроля. Во-первых, идентичная правительственная организация существовала уже издавна, а именно - Красный Крест. Во-вторых, что общего между отдельными городами России и между земствами всех губерний, чтобы их сводить в союз. Ведь все городские самоуправления и земства по существу их деятельности уже, были объединены Министерством

внутренних дел. Зачем же было нужно создавать государство в государстве.

Утверждением этого Союза Маклаков создал крупнейшую общественно-политическую организацию, в которой объединились все оппозиционные к правительству элементы и, при минимальной пользе в смысле помощи больным и раненым воинам, максимум своей работы обратили на борьбу с правительством. Это была большая ошибка. Можно было утверждать такого характера организации по каждой губернии или городу отдельно, как подсобные Красному Кресту, но ни в коем случае не объединять их в такой мощный союз, а равно давать равные распорядительные права с Красным Крестом, как на фронте, так и в тылу. Союз стоил правительству колоссальных денег, умышленно сопротивлялся всякому правительственному контролю и, кроме того, сыграл, наравне с Центральным военно-промышленным комитетом, гнусную роль в развале России. Обе эти организации руководились кадетской партией и обе работали как на фронте, так и в тылу в пользу свержения монархии.

Обе организации, рука об руку, шли вместе к поставленной цели, с той лишь разницей, что ЦВПК, отыграв свою роль, сейчас же после переворота сошел со сцены, а Союз земств и городов долго еще старался удержать политическое значение, а главным образом, даровое кормление и приют для членов бывшей кадетской партии. После захвата власти большевиками Земгор пристроился к белому движению на Юге России, а затем в виде отдельных групп и ячеек продолжает существовать в различных странах Европы и донине.

Кроме постоянных письменных докладов министру внутренних дел, начальник Охранного отделения имел специально назначенные Маклаковым часы по субботам для устного доклада, но, по-видимому, это была чистая формальность. Маклаков такими докладами не интересовался, ибо большей частью их отменял по тому или иному поводу. За время с февраля по июнь 1915 г. я делал ему доклад только два раза. Маклаков ограничивался на докладах короткими репликами вроде: «прекрасно», «так и надо», «продолжайте в том же духе» и т. д. Между тем время было не такое, чтобы не обсудить совместно того или другого вопроса с лицом, стоящим так близко к делу борьбы с революционным движением, или хотя бы высказать взгляд или дать указания общего характера.

При Маклакове товарищем министра внутренних дел, заведующим политической частью, был генерал Владимир Федорович Джунковский. На этот пост он был назначен еще в 1913 г. с должности московского губернатора и сразу стал предвзято относиться к агентурной деятельности розыскных органов, считая всех секретных сотрудников сплошь провокаторами. Только пробыв на посту почти два года, он понял, что нельзя всех работников расценивать с этой точки зрения и что основа политической работы по борьбе с революционным движением и заключается в том осведомительном материале, который дает внутренняя агентура. Благодаря такому взгляду Джунковский на первых порах, то есть еще в 1913 г., добился высочайшего утверждения циркуляра, запрещающего всем политическим розыскным органам иметь внутреннюю агентуру в войсках и в среднеучебных заведениях, а значит, и наблюдение за политическим настроением армии и средней школы. Само

собой: понятно, что этот циркуляр развязывал руки революционерам в смысле пропаганды и агитации среди юношества и чинов армии. С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом, случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 г. настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но за отсутствием внутренней агентуры вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому и невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов.

После ухода с поста Джунковского новый товарищ министра внутренних дел, понимавший весь вред сказанного циркуляра, возбудил вопрос об его отмене. Но, видимо, уже было поздно; комиссия, назначенная для обсуждения этого вопроса, его провалила большинством голосов от армии. В комиссию вошли: председатель - генерал-лейтенант Леонтьев, занимавший в то время должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, и два его помощника, офицеры Генерального штаба: генерал-майор Н. М. Потапов и полковник Мачульский (оба сразу заняли видные посты у большевиков после Октябрьского переворота). От Министерства внутренних дел в комиссию вошли я и вице-директор Департамента полиции И. К. Смирнов. Наши два голоса ничего не могли сделать против трех голосов от армии, высказавшихся за оставление циркуляра в силе, и таким образом этот вопрос был окончательно провален.

Маклаков и Джунковский оба неприязненно относились к Распутину, и это отчасти послужило причиной их одновременной отставки.

На место Маклакова, как говорили, по совету великого князя Николая Николаевича, управляющим Министерством внутренних дел Государем был назначен князь Щербатов, бывший до того времени управляющим государственным коннозаводством. С ведомством Министерства внутренних дел он знаком не был и в политических вопросах не разбирался. Весь стаж его заключался в том, что он был членом 1 Государственной думы и возглавлял в ней партию правового порядка.

Щербатов с первых дней вступления в должность стал подыгрывать к общественности, но это ни к чему не привело. Всем памятли его выступления в Государственной думе с его ссылками на рассказы Короленко. Были курьезы и другого сорта. Летом 1915 г. Государь император присутствовал при спуске строившихся в Петрограде на Балтийском и Адмиралтейском заводах двух дредноутов: «Измаил» и «Бородино». Щербатов, отказывавшийся в угоду общественности от услуг полагавшихся ему по должности личных адъютантов, дважды попал в смешное положение. В одном случае его не хотели совсем пропускать к месту спуска, так как никто его в лицо не знал и не было с ним лица, которое могло бы его удостоверить, а во втором, после окончания церемонии» благодаря отсутствию личного адъютанта Щербатову пришлось уехать последним, уже после расхода публики, потратив с полчаса на бесплодные поиски своего автомобиля. После этих случаев Щербатов стал пользоваться услугами личных адъютантов.

Политической частью при Щербатове заведовал его личный друг Русчю Георгиевич Моллов, который был назначен директором Департамента полиции на правах товарища министра внутренних дел. Моллов, хотя и был

раньше прокурором Одесской судебной палаты, но в вопросах внутренней политики настолько же малокомпетентен был, как и Щербатов, поэтому, естественно, не мог давать ему полезных советов в управлении ведомством и в вопросах политики. А ведь Щербатов принимал доклады только одного Молдова. Насколько мне известно, он не принимал докладов даже градоначальника. К Распутину и его окружению обнаруживал большой интерес. Дневники наблюдения за Распутиным требовал через Моллова ежедневно, но в личные сношения с Распутиным не входил и в категории «наших» у Распутина не числился.

Щербатов на посту пробыл три месяца, не принеся ни пользы, ни вреда. Думаю, что ушел в отставку под давлением партии Распутина, так как последним в это время да пост министра внутренних дел проводился член Государственной думы Алексей Николаевич Хвостов.

Глава VII

А. Н. Хвостов.

*- Способ его назначения. -С. П. Белецкий. -
Отношение к Распутину. - Помощники Хвостова.
Комиссаров. Каменев. -Роль Комиссарова при Распутине.
- Б. Ржевский. -Замысел Хвостова. - Арест Ржевского.
-Его разоблачения. - Удаление Белецкого и Комиссарова.
- Отставка Хвостова.*

А. Н. Хвостов был выдвинут на пост министра внутренних дел правыми кругами через Распутина. Говорили, что больше всего этого добивался сам Хвостов. Впоследствии Распутин рассказывал, что Хвостов, прося его содействовать его назначению, клялся на образах

охранять его, Распутина, особу всеми силами и одаривал его подарками. Насколько это верно, не берусь судить, но во всяком случае Хвостов сам лично и через Белецкого много работал у Распутина над тем, чтобы попасть на этот пост.

Вместе с назначением Хвостова, товарищем министра, заведующим политической частью был назначен Степан Петрович Белецкий, вместо Моллова, получившего назначение полтавским губернатором.

Вначале Хвостов политической части совершенно не касался, предоставив ее всецело Белецкому. Отношение к Распутину на первых порах было самое благожелательное, вытекающее из того принципа, что Распутин - это частное дело их Величеств, в которое власти отнюдь вмешиваться не должны, но сведения и дневники о всем том, что у Распутина происходит, должны представляться по-прежнему, так сказать, для личного сведения министра. Но вскоре оказалось, что такое безразличное отношение к этому вопросу немыслимо. Распутин требовал уплаты по векселям, выданным за назначенье. Просьбы Распутина, направленные непосредственно к Хвостову или через других лиц, буквально его засыпали. Хвостов увидел, что не так-то легко справиться с этим вопросом, тем более что в душе он сознавал весь вред Распутина для России. Кроме того, самолюбие Хвостова как министра немало страдало от сознания, что он попал в лапы мужика Распутина. Часто он получал от него письма, адресованные: «Министру Хвосту» и чуть ли не с категорическими приказаниями. Поставленный в такое положение, Хвостов решил, по-видимому, избавиться от влияния Распутина тем или другим способом. Хвостов мне всегда казался натурой преступной, не

задумывавшейся над выбором средств в намеченных целях. Еще будучи в должности нижегородского губернатора в 1912 г., он выбирал себе в помощники большей частью людей сомнительной репутации, с авантюристической складкой. Став министром, он поступил таким же точно образом: для секретных услуг он взял двух лиц: одного, по рекомендации Белецкого, - жандармского генерала Михаила Степановича Комиссарова, а другого - бывшего своего клеветника по Нижегородской губернии, ротмистра Каменева, произведенного в подполковники и переведенного им вне всяких правил в Отдельный корпус жандармов.

Комиссарову было дано специальное поручение войти в связь с Распутиным, что тот немедленно и сделал. Комиссаров был очень неглупым, способным человеком, но неразборчивым в средствах, когда дело касалось личных интересов. Кроме того, это был большой интриган, готовый вступить с кем угодно в сношения ради своих личных выгод; каждое порученное ему дело мог испортить благодаря необычайно циничному на все воззрению и нравственной нечистоплотности.

Каменев - бывший офицер полицейской стражи Нижегородской губернии, довольно темная личность с подмоченной репутацией по своей прежней службе.

С появлением Комиссарова, несомненно, в отношении Распутина у Хвостова с Белецким был составлен определенный план, и думаю, что сущность его заключалась в том, чтобы заманить Распутина в какую-либо ловушку и убить, объяснив его гибель случайностью или взвалив вину в его смерти на кого-нибудь другого. Иначе нельзя было себе объяснить всего поведения Комиссарова, приставленного к

Распутину и, по-видимому, не имевшего никаких других поручений от министра. Официально его миссия заключалась в том, чтобы удерживать Распутина от пьянства и оберегать от дурных влияний. В действительности же, как мы увидим, Комиссаров еще более старался его спаивать и вводил в круг его знакомых всяких проходимцев. Комиссаров стал бывать у Распутина ежедневно и по несколько даже раз; он перезнакомился со всеми посещавшими Распутина, стал принимать участие

в его попойках, которые еще участились. По этому делу Комиссаров имел ежедневные доклады у Хвостова и Белецкого. Кроме имевшейся уже охраны Распутина, он установил свою, отдельную, из людей специально ему преданных. В его распоряжении был особый автомобиль и пролетка.

После нижеприведенного факта глаза у меня окончательно открылись на истинную роль Комиссарова.

Однажды он обратился ко мне от имени министра с просьбой предоставить в его распоряжение мою лошадь и сани без кучера на целую ночь. Причина заключалась якобы в том, что моя лошадь очень быстроходна. Проверив по телефону у Хвостова и удостоверившись, что приказание исходит действительно от него, я исполнил просимое. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро лошадь мне была возвращена вся в мыле, а сани с поломанными оглоблями. Для меня стало совершенно ясно, что если бы Распутина нашли убитым или сброшенным куда-либо в прорубь и тут же обнаружена была моя запряжка, то вся вина пала бы на меня. Поэтому при всех последующих просьбах

Комиссарова опять одолжить сани или лошадь я отговаривался тем, что лошадь больна, а сани в ремонте.

Вскоре отношения между Распутиным и Комиссаровым стали обостряться благодаря невоздержанности и грубости Комиссарова и тем слухам, которые он сам распространял умышленно про Распутина. Приходя на квартиру к Распутину, Комиссаров громко кричал в присутствии посторонних, что разделается с этим мужиком, ругался площадной бранью и т. п. Однажды, например, будучи в гостях на даче у Бадмаева, Комиссаров, снимая кожу с копченого сига, сказал: «Так я буду сдирать шкуру с Гришки». Это и его личные рассказы об опытах с отравлением кошек при пробах яда для Распутина, передано было последнему и совершенно отшатнуло его от Комиссарова. Он был терроризирован и не знал, как ему избавиться от Комиссарова.

Видя, что Комиссаров его надежд не оправдал и, в сущности, ничего не достиг, Хвостов решил лично, без участия Белецкого и Комиссарова, прибегнуть к новому средству. В бытность Хвостова нижегородским губернатором в Нижнем был журналист-репортер, некий Борис Ржевский, который сотрудничал в местной правой газетке и был преданным слугой Хвостова. Человек он был неуравновешенный, истеричный и совершенно беспринципный. Этот Ржевский во время войны занимал какое-то маленькое место в Красном Кресте. В конце 1915 г. он появился в Петрограде и, естественно, напомнил о себе Хвостову, который и решил воспользоваться Ржевским для выполнения крепко засевшего в его голове плана уничтожения Распутина. План был задуман и выполнен следующим образом: Ржевский, получив денежный аванс в шведской валюте

(что-то около 60 000 руб.), был командирован с особо секретным поручением в Норвегию, откуда, выполнив порученное ему дело, должен был возвратиться в Петроград для непосредственного доклада Хвостову. Командировка была обставлена большой тайной, и даже Белецкий не был в это посвящен. Последний, однако, считал, что раз ему вверена политическая часть, то ни один политический шаг министра не мог быть от него скрыт, а потому, когда узнал о самостоятельном предприятии Хвостова, то решил все это дело сорвать, чему много помог и сам Ржевский, не очень-то хранивший тайну, благодаря своей болтливости и заносчивости. При возвращении в Россию, на станции Белоостров, у него произошел инцидент с жандармским офицером на почве личной ссоры, причем Ржевский поспешил заявить, что он ездил за границу по личному поручению министра внутренних дел, как его секретарь. Тем не менее у него был произведен тщательный обыск, а затем он был отправлен под наблюдением в Петроград. Впоследствии выяснилось, что ссора на ст. Белоостров и обыск были инсценированы по приказанию Белецкого для того, чтобы проникнуть в тайну Хвостова. Обыск дал материал, указывавший на злоупотребления Ржевского по должности в Красном Кресте: у него было найдено много бланков нарядов на вагоны, которые он продавал спекулянтам по 500-600 руб. как бы для надобностей Красного Креста. Все это, конечно, не касалось того дела, которым интересовался Белецкий, но он был очень доволен и воспользовался этим, чтобы придать делу сенсационный характер. Специальному офицеру из штаба Отдельного корпуса жандармов предписано было произвести дознание по делу злоупотреблений Ржевского, но последний все время производства

дознания оставался на свободе. По окончании дознания Белецкий такое передал мне и просил по ознакомлении с ним ждать от него приказа ареста Ржевского. Хотя дознание вполне установило виновность Ржевского, но Белецкий почему-то медлил [с] арестом его, точно чего-то выжидал, и только по прошествии двух недель приказал его арестовать. При вторичном обыске на квартире Ржевского, в числе прочего письменного материала, был обнаружен пакет, заадресованный на имя Алексея Николаевича Хвостова, который офицером, производившим обыск, был вскрыт. В пакета оказалось прошение Ржевского на случай ареста, его Ржевского, принять меры к его освобождению. Ржевский предчувствовал, что будет арестован. Самый факт ареста Ржевского, казалось, не представлял чего-либо особенного, но он вызвал весьма серьезные последствия как для Белецкого, так и для Хвостова и стоил им обоим их служебных постов. Оба они, бывшие до сего времени в большой дружбе, окончательно рассорились и даже стали непримиримыми врагами.

В 4 часа ночи следующего за арестом Ржевского дня Хвостов прислал за мною своего адъютанта Каменева с требованием немедленно явиться к нему по делам службы. Первый его вопрос, обращенный ко мне, был: «Где пакет, обнаруженный у Ржевского, адресованный на мое имя». Когда я предъявил ему вскрытый пакет, Хвостов с раздражением спросил: «Кто смел вскрыть адресованный мне пакет?», и на мой ответ, что пакет был вскрыт офицером, производящим дознание, Хвостов страшно заволновался и заявил, что такого офицера нужно уволить со службы. Несмотря на мои объяснения, что офицер поступил правильно, что офицер, производящий дознание, пользуется предоставленным

ему законом правом вскрывать всю переписку, обнаруженную при обыске, даже если бы таковая была адресована на имя Государя. Хвостов никак не мог успокоиться. Когда он, наконец, прочел содержимое, то вздохнул с облегчением и кинул: «Да, но тут ничего нет». Для меня стало ясно, что Хвостов в письме ожидал чего-либо весьма неприятного, что могло стать известным и другим.

В действительности все это дело заключалось в следующем: Хвостов послал Ржевского в Христианию к Илиодору Труфанову, заклятому врагу Распутина, с целью подкупить его и при помощи его царицынских последователей-фанатиков постараться убить Распутина, объяснив все религиозной враждой. Удалось ли Ржевскому об этом сговориться с Илиодором или нет, я не берусь Судить, но дело сорвалось на том, что Хвостова предали, с одной стороны Белецкий, принявший сторону Распутина и полагавший, что, свалив Хвостова, сам займет его место, а с другой стороны, Ржевский, в последнюю минуту раскрывший весь план. Оказывается, что Ржевский, сообразив, что попал в интригу и может лично пострадать, заготовил на случай своего ареста два письма: одно, в виде прошения об освобождении - Хвостову, а другое - адресованное А. А. Вырубовой, где он раскрывает весь план заговора против Распутина, - передал одному своему приятелю, инженеру, с просьбой в случае его ареста передать по адресу, что последним и было исполнено; только не имея возможности лично доставить письмо Вырубовой, он просил об этом военного министра генерала Беляева.

Таким образом, все обнаружилось и стало известно Государыне Императрице, которая просила незадолго до этого назначенного председателя Совета министров

Штюрмера произвести расследование и доложить ей. В расследовании принимали участие по поручению Штюрмера: я, И. Я. Гурлянд и Манасевич-Мануйлов, причем я вел формальную часть, не касаясь обвинений министра внутренних дел Хвостова, моего прямого начальника. Хвостов все дело объяснил очень просто: Ржевский им был послан в Христианию, чтобы купить у Илиодора все издание выпущенной им книги «Святой черт», компрометировавшей царскую семью по сношению с Григорием Распутиным.

Пока Штюрмер производил расследование, Хвостов решил удалить от дел Белецкого, свалив на него всю вину и обвинив его в интригах перед Государем. После доклада Его Величеству Белецкий был назначен иркутским генерал-губернатором, а генерал Комиссаров, его друг, - ростовским градоначальником. Белецкий этим был страшно возмущен, говоря, что Хвостов его разыграл, но что он его также разыграет, нужно только время. В Иркутск Белецкий не поехал, устроив себе зачисление в Сенат, а Комиссаров сумел до последнего момента сохранить хорошие отношения и с Белецким и с Хвостовым. От последнего он получил даже, вне всяких правил, 25 тыс. руб. на подъем и лично от него на память золотой портсигар. Своим назначением в Ростов он отчасти обязан тому же Распутину, который просил Императрицу, чтобы Комиссарова убрали подальше из Петрограда, но повысили по службе, - настолько Распутин был им терроризован. Комиссаров настолько был циничен, что когда после Белецкого ушел с поста и Хвостов, он не стеснялся громко заявлять: «Наконец обоих дураков убрали».

Избавившись от Белецкого, Хвостов заявил мне, что политической частью будет руководить лично и чтобы я

ежедневно ему делал доклады. Первый мой доклад длился не менее двух часов, так как буквально пришлось читать лекцию о революционном движении в России, объясняя программу и тактику каждой политической партии. Нужно, кстати, сказать, что Хвостов очень быстро все усваивал. В отношении Распутина он изложил мне вновь программу оберегания его от дурных влияний, а потому потребовал обыска и ареста некоторых лиц из окружения Распутина. Было арестовано несколько человек, которые были в очень скором времени освобождены. Материал, взятый у них при обыске, указывал на личный их интерес близости к Распутину: спекуляции, подряды, поставки и т. п.

После отставки Белецкого Хвостов пробыл не больше одного месяца на своем посту и был уволен от должности, не получив никакого другого назначения. За полугодовой срок пребывания в должности министра внутренних дел Хвостов ровно ничего не сделал полезного для России, хотя был человеком весьма неглупым. Он увлекся исключительно интригами личного характера и сделал несколько весьма неудачных назначений по своему ведомству. Например, скандальной историей с Белецким и Распутиным он обязан был исключительно тому, что пользовался услугами таких людей, как Комиссаров и Ржевский. Последний, между прочим, в 1918 г. служил в Московской чрезвычайке, расстреливая лично контрреволюционеров, а затем передался на сторону белых и в Одессе в январе 1919 г. был убит своими же агентами, состоявшими на службе в уголовном розыске Одесского градоначальства, под фамилией Бориса Раевского.

Сподвижник Хвостова Степан Петрович Белецкий был человек весьма умный, работоспособный и

прекрасно понимал политическое состояние тогдашней России. Если б ему суждено было занять пост министра внутренних дел, он был бы безусловно на своем месте, но вся беда была в том, что он слишком широко раскидывал сети интриг и невольно сам запутывался в них. Много способствовало этому и то, что он, как и Хвостов, пользовался иногда людьми совершенно беспринципными, которые его предавали. По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, беззаветно преданный своему Государю.

Глава VIII

Штюрмер.

-День министра. - Ближайшие помощники Штюрмера, - Отношение Штюрмера к политическим и государственным вопросам. -Нерешительность Штюрмера в важных вопросах. -Мелочность Штюрмера. - Генерал Климович. -Отношение к Распутину. - Назначение министром иностранных дел. - А. А. Хвостов.

На место Хвостова был назначен Штюрмер, бывший уже тогда председателем Совета министров и совмещивший таким образом в своем лице обе должности. Еще до назначения председателем Совета министров, будучи членом Государственного совета, Штюрмер прилагал все усилия, чтобы получить этот пост. Он несколько месяцев работал в этом направлении через Распутина и его друга митрополита Питирима. Штюрмер, как и Хвостов, дал свои заверения, что будет оберегать Распутина, и, нужно ему отдать справедливость, свои обещания свято соблюдал.

Штюрмер не был государственным человеком, несмотря на большой административный стаж в прошлом; кроме того, был стар, неспособен, упрям, не мог разбираться в самых пустяжных вопросах, словом, не годился не только к занятию должности министра внутренних дел, но даже для пассивной роли, каковую играл, будучи только председателем Совета министров.

Вставал он очень рано - в 6 час. утра, и занимался тем, что лично вскрывал почту, получавшуюся на имя министра, что, в сущности, составляло обязанность его секретаря. Для этой цели в служебном кабинете был поставлен специально большой стол, за которым каждое утро Штюрмер был буквально завален пакетами. Вскоре это ему надоело и стол из кабинета был вынесен. К 7 часам вечера, благодаря целому дню утомительных разговоров и приемов, как служебных, так и частных, Штюрмер уже ни к чему не был способен и если назначал у себя после этого времени какое-нибудь совещание, то ровно ничего не понимал и все время дремал. Ближайшими неофициальными помощниками его были Илья Яковлевич Гурлянд и Иван Федорович Манасевич-Мануйлов. Первый был человек умный, и советы его были всегда полезны.

Второй - умный, но хитрый, беспринципный авантюрист и интриган. Мануйлов называл себя личным секретарем Штюрмера, хотя таковой должности официально не занимал. Что их связывало, Бог их знает, говорили, какие-то общие дела в прошлом. Мануйлов вечно терся на квартире и в приемной Штюрмера, а последний всех уверял, что у него ничего общего с Мануйловым нет и что он даже его почти что и не знает. Должность личного секретаря и заведующего домашними делами у Штюрмера занимал его старый приятель граф

Борх, который и жил рядом с Министром на Фонтанке, № 18.

Политическим состоянием России и общественными настроениями Штюрмер вовсе не интересовался, но зато необыкновенный интерес проявлял к Распутину и к придворным кругам. Как Штюрмер относился к вопросам большой государственной важности, видно из ниже приводимого примера.

В начале лета 1916 г. весьма серьезным являлся вопрос о разгрузке Петрограда от чрезмерно увеличившегося населения благодаря обстоятельствам военного времени. Этот вопрос был весьма серьезен: во-первых, в экономическом отношении, а во-вторых - в политическом. Значительное увеличение населения произошло благодаря скоплению беженцев из занятых неприятелем местностей, накоплению запасных воинских частей, госпиталей, лазаретов и даже пленным. Все это вызывало крупные осложнения в продовольственном отношении, в смысле вздорожания жизни, в квартирном отношении и в политическом, так как тогда уже поступали сведения о пропаганде в запасных частях, лазаретах и слабосильных командах. Словом, вопрос настолько стоял остро, что его нужно было так или иначе разрешить. По сему случаю Штюрмер устроил в своем служебном кабинете совещание, на которое был приглашен и я. Высказывались разные пожелания и способы разгрузки Петрограда; предложено было высказаться и мне. Я, обрисовав политическое положение текущего момента, подошел к этому вопросу с точки зрения охраны государственной безопасности и настаивал на необходимости вывести из Петрограда все запасные воинские части и ненужные санитарные учреждения, указав и подтвердив конкретными данными

полную их неблагонадежность. При наличии в каждом запасном батальоне от 9 до 12 тыс. людей, общий состав, подлежавший эвакуации из Петрограда в провинцию, составил бы весьма солидную цифру, которая безусловно оказала бы влияние на облегчение продовольственного и квартирного вопросов и, с другой стороны, на спокойствие и безопасность столицы в политическом отношении. Присутствовавший здесь главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал князь Туманов заявил, что это невозможно, ибо, по приблизительному подсчету, такая эвакуация потребовала бы расхода от государства в 9 млн рублей. На это я мог только заметить, что для спокойствия страны эта мера необходима, даже если бы обошлась государству не в 9 миллионов, а в сотни миллионов.

Совещание ни к каким решениям не пришло, Штюрмер никакого заключения не сделал и вопрос остался открытым. И так до самого переворота вопрос о разгрузке Петрограда больше и не подымался. Штюрмер был мелочной и злой старик. Желая, например, с кем-нибудь так или иначе разделаться, он ответственности на себя за то или другое распоряжение не брал, а делал так, как будто бы он здесь ни при чем. Иллюстрацией этого может служить такой, в сущности, малозначащий факт. Штюрмер, не знаю по какой причине, считал своим личным врагом журналиста Клячко. Однажды Штюрмер пригласил меня к себе и говорит; «У меня имеются сведения, что Клячко занимается военным шпионством в пользу Германии, прошу Вас его арестовать и выслать из Петрограда». На мой вопрос, чем именно заключаются эти сведения, так как таковых в моем распоряжении нет, Штюрмер ответил, что это уже

мое дело, но это должно быть исполнено. После двухнедельного наблюдения у Клячко был произведен обыск, и так как ни наблюденье, ни обыск ничего не подтвердили, то он был оставлен на свободе. Штюрмер остался очень недоволен и настаивал все-таки на его высылке. Тогда я ему доложил, что передал все дело в военную контрразведку, так как это касается ее компетенции, с чем Штюрмер и согласился. Военная контрразведка арестовала Клячко, но затем не знала, что с ним делать, так как и у нее не было против него определенных обвинений. Не знаю, что такое случилось, но вскоре Штюрмер мне отдал следующее приказание: «Напишите военным властям, чтобы Клячко не высылали и дело прекратили». На это я доложил, что написал уже, что Клячко подозревается в шпионстве, я не могу теперь писать, что я ошибался, поэтому будет удобнее, если Штюрмер сам напишет. Он с этим согласился и сказал, что лично переговорит с князем Тумановым. Действительно, вскоре Клячко был освобожден и дело его было прекращено. Впоследствии как-то, будучи чем-то раздражен, Штюрмер мне сказал: «А Клячко не могли мне выслать».

Штюрмер как бы боялся своих помощников, не доверял им и вместе с тем не решался воспользоваться своей властью, чтобы удалить того или другого из подчиненных ему лиц. Так, оригинально сложились его отношения с директором Департамента полиции генералом Климовичем, приглашенным на этот пост предшественником Штюрмера Хвостовым. Климович с места стал ругать Штюрмера, как говорится, на всех перекрестках. Нетактичность Климовича доходила до того, что он на приемах у себя в департаменте, будь то губернатор или только жандармский ротмистр, обвинял

перед ними Штюмера в глупости, в тупости, критиковал всякое его распоряжение, словом, дискредитировал его, как только мог и где только мог. Поехав в отпуск на Кавказ, Климович и там повел такую агитацию против него, что, наконец, все это дошло до Штюмера. Другой министр на его месте немедленно уволил бы такого директора Департамента полиции в отставку. Штюмер же, истощив терпение, наконец, увольняет Климовича, хлопоча о назначении его сенатором.

К Распутину у Штюмера было особо благожелательное отношение. Никто из министров так ревниво не оберегал Распутина, как Штюмер, который видел твердость своего положения исключительно в покровительстве Распутина. Штюмер до мелочей интересовался времяпрепровождением Распутина, требовал ежедневного представления дневников наблюдения за ним и по самым пустякам обнаруживал необычайное беспокойство. Однажды Штюмер ужасно заволновался, узнав из дневника, что когда Распутин был в Казанском соборе, то какая-то из нищенок-богомолок, узнав в толпе Распутина, громко сказала: «Такого душегуба следовало бы задушить». В этом Штюмер увидел непосредственную опасность, грозившую жизни Распутина, вызвал экстренно меня, и мне нужно было много труда, чтобы его успокоить и уверить, что никакой особой опасности Распутину от этой нищенки не грозит. Другой раз случай был такой: как-то в воскресный день, между 4 и 6 часами я делал необходимые служебные визиты. В мое отсутствие министр трижды звонил по телефону в Охранное отделение с требованием, чтобы я немедленно явился к нему по весьма спешному делу. Когда, узнав об этом, я прибыл к нему, то первые слова его были: «Вы знаете, что случилось вчера в Царском

Селе?» Я ответил, что не знаю. Тогда Штюрмер с раздражением сказал: «Странно, я знаю, а вы - начальник Охранного отделения и не знаете». На это я ответил, что тут ничего удивительного нет, потому что он министр и, естественно, к нему поступают сведения со всей России, а я начальник Охранного отделения только в Петрограде и Царское Село находится вне моего района, а в ведении начальника охранной агентуры царских резиденций генерала Спиридовича. Штюрмер извинился, сказав, что этого не знал. Затем он мне объяснил, что два пьяных морских офицера вчера в Царском Селе явились на дачу Вырубовой и требовали сказать им адрес Распутина и что он в этом усматривает возможность покушения на жизнь Распутина. В этом и состояла та спешность и важность дела, что министр трижды меня вызывал по телефону. Я успокоил Штюрмера, что ничего угрожающего Распутину в этой пьяной⁴ выходке не усматриваю и что в случае действительной необходимости адрес Распутина узнавали бы не таким путем, тем более, что в Петрограде все почти знали, что он живет на Гороховой, № 64.

Свои свидания с Распутиным Штюрмер обставлял большой конспирацией. Виделся он с ним большей частью или в Александро-Невской лавре у митрополита Питирима, или на квартире графа Борха - Фонтанка, № 18.

Штюрмер зорко следил за тем, нет ли у Распутина тайных свиданий с кем-либо помогающим каких-либо назначений, зная по личному опыту, как подготовляются кандидаты на министерские портфели. Почему-то больше всего Штюрмер боялся, что Распутин тайно видится и

подготавливает кандидата на пост министра внутренних дел Сергея Ефимовича Крыжановского.

Штюрмер пробыл на своем посту более года, после чего был назначен министром иностранных дел, вместо зачисленного в Государственный совет Сазонова. За все это время он не проявил ни инициативы, ни воли, ни желания даже облегчить те тяжелые условия, в которых очутилась страна в годину серьезных испытаний, а главное, не обнаружил даже попытки оградить верховную власть от осады не в меру зарвавшейся пресловутой общественности. Одним словом, как министр внутренних дел Штюрмер был буквально пустым местом.

Назначение Александра Алексеевича Хвостова, бывшего до того времени министром юстиции, на место Штюрмера произвело благоприятное впечатление на все круги. Но в то же время все считали, что Хвостов на своем посту долго не пробудет и что просто в данный момент еще не было определившегося настоящего кандидата на этот пост. И действительно, Хвостов не мог долго удержаться на этом посту, во-первых, потому, что у него ничего общего не было ни с Распутиным, ни с его окружением, а во-вторых, Хвостов к этой должности совершенно не подходил: всю карьеру он сделал по Министерству юстиции и административным стажем не обладал. Он был очень мягок, справедлив, большой джентльмен, но на все смотрел с точки зрения законности и права, не считаясь ни с какими влияниями.

Хвостов пробыл в должности министра внутренних дел три месяца и в октябре 1916 г. был замещен А. Д. Протопоповым.

Глава IX

Причины назначения Протопопова.

- Отношения к этому Государственной думы. - Помощники Протопопова. - Оппозиция. - Отношение Протопопова к царской семье. - Отношение к Распутину. - Служебные отношения и доклады. - Колебания и отношение к общественности. - Ликвидация рабочей группы ЦВПК. - Канун переворота. - Настроение войск. - Меры Протопопова и Хабалова. - Военные совещания. - Тщеславие Протопопова. - Суеверие и конец карьеры Протопопова.

Назначение Александра Дмитриевича Протопопова подготавливалось довольно долго Распутиным и его кругами. Протопопов имел постоянные личные свидания с Распутиным у бурятского врача Бадмаева, с которым был давно знаком и у которого он лечился. Здесь же бывали постоянно: Павел Григорьевич Курлов -будущий ближайший советник Протопопова и Алексей Тихонович Васильев - будущий директор Департамента полиции. Кандидатура Протопопова была приемлема для государя вполне. Протопопов был представителем общественности, как товарищ председателя Государственной думы, и о нем были даны самые лучшие отзывы английским королем за время его пребывания членом русской делегации, командированной перед тем в Англию. Таким образом, казалось бы, назначение Протопопова должно было всех удовлетворить. Между тем получилось совершенно обратное. Государственная дума и прогрессивный блок усмотрели в принятии

Протопоповым министерского портфеля ренегатство и простить ему этого не могли. С первого же дня вступления в должность Протопопова Государственная дума повела с ним жестокую борьбу. К тому же Протопопов стал делать очень много крупных ошибок, благодаря своей неопытности и незнакомству с управлением таким крупным ведомством.

Протопопов в управлении Министерством внутренних дел не имел ни служебного опыта, ни административного стажа, ни способностей и не хотел даже чему-нибудь научиться. В ближайшие советники он взял П. Г. Курлова и хотел его официально провести на должность товарища министра внутренних дел, но этого сделать ему не удалось - помешала репутация Курлова, уволенного уже раньше с таковой же должности в 1911 г. после убийства П. А. Столыпина. Таким образом, Курлов был что-то вроде неофициального советчика, и роль его была весьма неопределенная. Директор Департамента полиции²² хотя и был старый опытный служака Департамента полиции, но не имел ни достаточного авторитета у Протопопова, ни влияния на него, чтобы давать ему хорошие советы в широком политическом масштабе. Протопопов был предоставлен самому себе, не имея хороших ответственных помощников и советчиков. Неудивительно поэтому, что при том сумбуре, который был в голове Протопопова, он делал промах за промахом в отношении Государственной думы и ее председателя Родзянко.

С первых дней вступления Протопопова в управление министерством началась травля его со стороны Государственной думы, а вместе с ним и всего правительства, и сразу стало ясно, что пребывание в составе правительства Протопопова и одновременное

существование Государственной думы немыслимо и поведет в будущем к большим осложнениям. А может быть, и к катастрофе. Это мною было высказано директору Департамента полиции Васильеву еще в ноябре 1916 г., на что я получил ответ, что будет взят твердый курс и опасаться поэтому нечего. Такой ответ меня даже обрадовал, так как для органов исполнительной власти нет ничего хуже неуверенности и колебания. Я даже высказал свое мнение, что ввиду резко непримиримой позиции, занятой Государственной думой по отношению правительства, своевременно бы было IV Государственную думу распустить совсем, впредь до созыва V Государственной думы, что могло быть сделано уже по окончании войны. Однако этот твердый курс был только на словах. Отношения с Государственной думой, с Государственным советом и даже Советом министров у Протопопова все больше и больше обострялись, положение становилось невыносимым, а между тем Протопопов, не желая сам выходить в отставку, в то же время не принимал абсолютно никаких мер ни против оппозиции, ни против нарастания революционного настроения в Государственной думе и в общественных организациях, несмотря на неоднократные и повторные мои доклады. Протопопов, должно быть, не понимал или не хотел понять своего положения; он все еще считал себя представителем общественности, с одной стороны, а с другой - человеком, необходимым Государю и России, предназначенным вывести их из больших затруднений. В январе 1917 г., ввиду грозно надвигающихся событий, во время одного из моих докладов он меня спросил: «что делать». Я сказал, что есть только два решения: «Или вы должны уйти в отставку, или должны распустить совершенно

Государственную думу, после чего ликвидировать ее революционный центр». На это Протопопов ответил: «В такой тяжелый момент я не могу покинуть моего Государя, что же касается роспуска Государственной думы, то это зависит не от меня, а от председателя Совета министров князя Голицына, который носит в кармане готовый указ, но не решается его обнародовать». Этот указ действительно у Голицына был, и он его обнародовал 27 февраля, когда уже было поздно.

Я думаю, что Протопопов искренно верил, что призван спасти Россию, и полагал, что это произойдет как-то само собой, только благодаря его преданности и близости к царской семье. Нужно ему отдать справедливость, он обожал царскую семью, а в особенности Императрицу Александру Федоровну, о которой всегда восторженно отзывался. Все свое благополучие и твердость на своем посту он строил на этой близости к царской семье и своей бесконечной ей преданности. Ему, очевидно, удалось уловить тот психологический нерв, если можно так выразиться, который привязывал Императора к Распутину. После смерти последнего, мне думается, что Протопопов постепенно стал заменять его и пользовался таким же беспредельным доверием Государыни, как раньше Распутин. Этим только возможно объяснить то обстоятельство, что несмотря на ожесточенную борьбу Государственной думы с правительством из-за Протопопова, он не сменялся до самого конца.

К Распутину Протопопов относился с полным уважением, часто с ним виделся у Бадмаева, а иногда даже заходил с черного хода к нему на квартиру. Жизнь Распутина он интересовался, но не в такой степени, как

Хвостов или Штюрмер, и не брал на себя задачи его исправлять или усиливать за ним слежку. Убийство Распутина не произвело особенного впечатления на него; единственно чем он был озабочен, - это поскорее разыскать тело Распутина, так как этого хотела Государыня.

В деловом отношении Протопопов был полнейшим невеждой; он плохо понимал, не хотел понять и все перепутывал. Определенных часов для моих докладов у него не было, но он часто вызывал меня сам или я приезжал к нему в экстренных случаях и без вызова. Иногда в самых не терпящих отлагательства случаях приходилось ждать приема у министра по два часа из-за того, что он вел разговоры частного характера со знакомыми или случайными людьми, и это в служебные приемные часы. В разговоре это был очень милый, обходительный человек, но очень любил кривляться, что, казалось бы, министру не подобало. Встречал с видом утомленной женщины, жалуясь каждый раз на то бремя, которое ему приходится нести из любви к Государю и Родине. Из того, что ему докладывалось, он, видимо, ничего не понимал и все перепутывал. Он никак не мог понять, что такое большевики, меньшевики, социалисты-революционеры и т. п. Не раз он просил меня всех их называть просто социалистами, так ему понятнее. В начале 1917 г. он просил меня деловую часть излагать его товарищу Куколь-Яснопольскому, который, нужно ему отдать справедливость, довольно быстро все усваивал, несмотря на то, что до того времени его служба протекала совершенно в другой области.

После ликвидации 9 января 1917 г. я докладывал Протопопову о результатах этой ликвидации и о том, как

прошел день 9 января - годовщина событий 1905 года. Мною было доложено, что в этот день в Петрограде забастовало до 200 тыс. рабочих и что Охранным отделением были ликвидированы три подпольные организации, взяты три нелегальные типографии и много печатного нелегального материала. Протопопов тут же при мне позвонил по телефону к председателю Совета министров кн. Голицыну и доложил: «День 9 января прошел благополучно, забастовок не было - так, какие-то пустяки; мы арестовали три боевые дружины с большим материалом».

Письменных докладов Охранного отделения и Департамента полиции, которые поступали к министру ежедневно, Протопопов не читал, в чем я имел случай убедиться, когда однажды в моем присутствии он позвал секретаря и приказал подать все доклады мои и директора Департамента полиции за последнюю неделю, сделал на одном из них надпись на английском языке на имя императрицы и запечатал лично всю эту кучу докладов в пакет, заадресовал на имя Государыни и приказал срочно с курьером от. править в Царское Село, Если принять во внимание, что Протопопов не мог повторить правильно мой доклад Голицыну, как это привел выше, то пожалуй и лучше, что он не делал лишних докладов Императрице о политическом положении, а просто предоставлял ей самой разбираться во всем этом письменном материале. Находила ли время и интерес Государыня читать все то, что посылал ей Протопопов, я не знаю. Впоследствии, в 1919 г., имел возможность убедиться из рассказов одной приближенной к Государыне фрейлины, что Протопопов ничего не докладывал Государыне о серьезном политическом положении в России, а в частности в

Петрограде, и она считала до самого переворота, что все обстоит благополучно.

Дать решительные указания по тому или иному вопросу Протопопов не мог, и когда таковое настойчиво от него требовалось, то он прибегал к коллегиальному решению безответственных своих советчиков. Так, когда стала очевидной настоятельная необходимость арестовать рабочую группу ЦВПК, Протопопов никак не мог решиться дать свою санкцию, ссылаясь на то недовольство, которое будет вызвано у общественности (он не хотел понять того, что общественность давно с ним не считается), и на то, что рабочая группа, как выборная, по его мнению, пользуется правом неприкосновенности. Когда я ему доказал, что он неправ, то он все-таки взять на себя этого не решился и экстренно созвал частное совещание, где председательствовал Курлов (лицо безответственное). Совещание решило немедленно ликвидировать рабочую группу, и Протопопов с тяжестью в душе должен был санкционировать это решение.

Когда рабочая группа ЦВПК была арестована, когда материал, обнаруженный следствием, ясно указывал на серьезную подготовку к перевороту и руководство им лицами, пользующимися правом иммунитета, то есть членами Государственной думы, тогда назрел вопрос о немедленной ликвидации революционного центра, но на это Протопопов, несмотря на все представленные ему доводы, не пошел. Агентурой Охранного отделения в то же время был выяснен полный список членов уже заранее намеченного будущего Временного правительства. Этот список был представлен мною министру с ходатайством о немедленной ликвидации этой группы также, но Протопопов ограничился только тем,

что сказал: «Это очень важно». Последнее время, когда уже надвигающаяся катастрофа была близка, Протопопов почти все вопросы передавал на решение главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, а этот последний также никаких решительных мер не принимал, боясь опять-таки пресловутой общественности.

В бытность Протопопова министром внутренних дел по моей инициативе вновь был возбужден вопрос о ненадежности войск Петроградского гарнизона. Я представил все данные о составе и настроениях гарнизона, повторив все то, что уже раньше докладывал Штюмеру. В последствие этого был составлен доклад на Высочайшее имя и Государь согласился заменить некоторые запасные воинские части Петроградского гарнизона Гвардейским кавалерийским корпусом, взятым с фронта, но это решение так и не было приведено в исполнение вследствие просьбы командира этого корпуса - оставить корпус на фронте. Таким образом, Хабалов в момент наступивших рабочих беспорядков должен был опираться на неблагонадежный, готовый в каждую минуту взбунтоваться гарнизон.

Правда, перед 9 января 1917 г. Хабалов созвал совещание в штабе Петроградского военного округа для выяснения степени благонадежности гарнизона. Были собраны начальники всех отдельных частей, все полицмейстеры и градоначальник. Я делал доклад о политическом положении текущего момента в связи с назревающими событиями и закончил его тем, что если военная власть может поручиться в надежности и преданности войск, то все выльется лишь в обычные рабочие беспорядки, которые будут быстро подавлены, и когда я обратился к начальнику всех запасных частей

генерал-лейтенанту Чебыкину с вопросом: «Ручаетесь ли вы за войска?», он ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более, что на подавление беспорядков будут назначены все самые отборные, лучшие части - учебные команды». Результат этого совещания был доложен Протопопову и Хабалову. Оба совершенно успокоились, я же далеко не был спокоен.

Протопопов, как я уже говорил, в управлении министерством ничего не понимал, но очень был горд тем, что выбор для замещения такого ответственного поста в России пал на него; это льстило его самолюбию. Не менее его радовало и то, что, будучи министром внутренних дел, он в то же время был главноначальствующим над Отдельным корпусом жандармов; он даже поспешил сшить себе жандармскую форму. Смешно было видеть действительного статского советника Протопопова в шпорах, генеральских чакчирях, в офицерском пальто с красной подшивкой, гражданскими погонями. Появление его в этой форме в Государственной думе вызвало общие насмешки, после чего он форму только дома.

Протопопов во всем полагался исключительно на подведомственные ему органы. Пробыв уже около пяти месяцев в должности он как-то во время доклада просил меня объяснить ему какие функции лежат на Департаменте полиции и какие отношения у этого учреждения с местными органами Отдельного корпуса жандармов, что мною и было исполнено схематически на клочке бумаги. Почему он с этим вопросом не обратился к директору Департамента полиции Васильеву, с которым он виделся почти ежедневно, для меня было непонятно.

Протопопов был суеверен. Он находился в переписке с знаменитым оккультистом в Лондоне, с которым познакомился в последнюю поездку, когда еще был членом делегации Государственной думы. От него Протопопов получил предсказание по числам на январь и февраль 1917 г., с указанием дурных и хороших для него дней. Эта числа Протопопов просил меня записать для сведения. Помню, что роковыми были отмечены 14 и 27 февраля, на чем предсказание заканчивалось. Действительно, как это ни странно, а эти дни для Протопопова были роковыми. 14 февраля была неудачная попытка Милюкова с призывом к восстанию петроградских рабочих, а 27 февраля был последний день монархии и конец карьеры Протопопова.

Глава X

Планы революционного центра и настроение общественных кругов.

- Экономическая забастовка - Политические лозунги о голоде. - Продовольственные меры правительства. - Переход столицы в руки военной власти. - Организация войсковой охраны Петрограда. - Военный бунт в Павловском полку. - Оптимизм Хабалова. - 27 февраля. - Совет рабочих и солдатских депутатов. - Поведение Протопопова и его оптимизм. - Бунт в Волынском полку. - Кирпичников. - Восстание в других воинских частях. - Разгром государственных учреждений. - Охранное отделение и последний разговор с Протопоповым. Переход охранных войск на сторону бунтовщиков. - Эсцессы и грабежи. - Перестрелка на улицах.

Положение к концу дня. - 28 февраля. - На улицах столицы. - В Царском Селе. - 1 марта. - В Павловске. - Возвращение в Петроград. - Стрельба из пулеметов. - Зверства и бесчинства толпы. - Мой арест в Государственной думе.

Последнее пребывание Государя Императора в Петрограде было довольно продолжительное. Он уехал на театр войны только 22 февраля, после того как отговел в Царском Селе. В общем он пробыл в Царском около месяца. Руководящий центр прогрессивного блока решил воспользоваться этим временем, чтобы заставить Государя дать ответственный состав кабинета перед Государственной думой и таким образом, ограничив самодержавие, разобрать портфели министров по заранее намеченному списку. Несмотря на неоднократные попытки председателя Государственной думы Родзянко понудить к этому Государя, последний решительно отказывался согласиться на эту реформу и уехал 22 февраля в Ставку. Уже после переворота, когда я встретили с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху. Временному правительству, очевидно, это стало известным, но оно по весьма понятным причинам об этом умолчало.

Тогда революционный центр решил взять силой то, что при иных обстоятельствах получил бы в порядке Монаршей милости, на что он не рассчитывал. Руководители великолепно учитывали обстановку. Русская армия твердо стояла на занятых позициях уже почти год, а на юге, в Буковине, даже переходила в

наступление. Все это время страна напрягала все усилия для снабжения армии и в этом отношении, действительно, превзошла сама себя, сделав такие заготовки, которых бы хватило еще на долгие годы самой ожесточенной войны. Армия была укомплектована и увеличена в своем составе. Все было приготовлено к переходу в общее наступление весной 1917 г. по плану, выработанному союзным командованием. Центральные державы должны были быть разгромлены в этом году. Таким образом, для революционного переворота в России имелся 1 месяц срока, то есть до 1 апреля. Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с сим ускользнула бы благоприятная почва. Вот почему после отъезда Государя в Ставку решено было воспользоваться первым же подходящим поводом для того, чтобы вызвать восстание. Я не скажу, чтобы был разработан план переворота во всех подробностях, но главные этапы и персонажи были намечены. Игра велась очень тонко. Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока. Но совсем другое думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется. Были, правда, пророки и в то время, которые знали, что такие потрясения приведут к общему

развалу и анархии, но их никто не хотел и слушать, считая их врагами народа. Таковыми были единственные живые органы, как Департамент полиции, Охранное отделение, жандармские управления и некоторые из дальновидных истинно русских людей, знавшие, с чем придется считаться впоследствии и чего будет стоить России разрушение тысячелетней монархии.

23 февраля началась частичная экономическая забастовка на некоторых фабриках и заводах Выборгской стороны Петрограда, а 24-го забастовка разрослась присоединением Путиловского завода и промышленных предприятий Нарвской части. В общем забастовало до 200 тысяч рабочих. Такие забастовки бывали и раньше и не могли предвещать чего-либо опасного и на этот раз. Но через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице. Нужно сказать, что в Петрограде с некоторого времени при булочных и хлебопекарнях появились очереди за покупкой хлеба. Это явление произошло не потому, что хлеба в действительности не было или его было недостаточно, а потому, что, благодаря чрезмерно увеличившемуся населению Петрограда, с одной стороны, и призыву очередного возраста хлебопеков - с другой, не хватало очагов для выпечки достаточного количества хлеба. К тому же как раз в это время, для урегулирования раздачи хлеба, продовольственная комиссия решила перейти на карточную систему. Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный, и кроме того ежедневно в Петроград доставлялось достаточное количество вагонов с мукой. Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными - с целью вызвать крупные волнения и

беспорядки, что в действительности и удалось. Забастовавшие рабочие стали двигаться шумными толпами к центру города, требуя хлеба.

Какие же мероприятия были приняты властями для подавления этих беспорядков?

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Хабалов, прекрасный преподаватель и педагог, прошедший всю свою службу в военно-учебном ведомстве, совсем не был ни строевым начальником, ни опытным администратором. Он не мог, несмотря на неоднократные совещания и полные информации текущего момента, оценить обстановку и принять правильные решения, имея в виду тот ненадежный материал, который у него был в виде запасных частей, которые к тому же 1 марта должны были выступить на фронт, чего совершенно не желали. Наконец, он не мог личным примером увлечь даже более стойкие войсковые части к исполнению долга и подавлению беспорядков.

24 февраля генерал Хабалов берет столицу исключительно в свои руки. По предварительно разработанному плану, Петроград был разделен на несколько секторов, управляемых особыми войсковыми начальниками, а полиция была почему-то снята с занимаемых постов и собрана при начальниках секторов. Таким образом, с 24 февраля город в полицейском смысле не обслуживался. На главных улицах и площадях установлены были войсковые заставы, а для связи между собой и своими штабами - конные разъезды. Сам Хабалов находился в штабе округа на Дворцовой площади и управлял всей этой обороной по телефону.

Итак, убрав полицию, Хабалов решил опереться на ненадежные войска, так сказать, на тех же фабрично-заводских рабочих, призванных в войска, только две недели тому назад, достаточно уже распропагандированных и не желающих отправляться в скором времени на фронт. Отчасти, конечно, вина за такое решение лежит и на градоначальнике генерале Балке, который, по-видимому, чтобы снять с себя всякую ответственность, уже 24 февраля отдал город в распоряжение войскового начальства, между тем как еще в то время он мог не допустить беспорядков и восстания, ограничиваясь мерами исполнявшей до конца свой долг пешей и конной полиции и Петроградского жандармского дивизиона. В крайнем случае, на точном основании устава гарнизонной службы, он мог вызвать для содействия к подавлению беспорядков некоторые наиболее стойкие кавалерийские части. Судьба Петрограда, а вместе с тем и всей России, была отдана во власть неблагонадежного Петроградского гарнизона, который под влиянием революционных элементов, вкрапленных в него, взбунтовался и предоставил свершиться позорному и гибельному для страны делу, впоследствии названному Керенским «великой русской революцией».

Первые признаки бунтарства произошли 25 февраля. Солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание своего командира батальона и нанесли ему смертельные поранения на Конюшенной площади. Зачинщики были арестованы и преданы военно-полевому суду. 26 февраля с утра толпы рабочих, двинувшиеся с окраин города к центру, запрудили Невский проспект, Знаменскую площадь и двигались к Таврическому дворцу -месту заседания

Государственной думы. На Знаменской площади произошла демонстрация с красными флагами, которая была прекращена учебной командой лейб-гвардии Волынского полка, разогнавшей демонстрантов залпами (было убито 11 человек).

Настроение войск в эти дни уже было колеблющееся. Пехотные заставы, расположенные на главных улицах, позволяли толпе рабочих подходить к себе вплотную, вступали с ними в разговоры и пропускали их сквозь свой строй. Кавалерийские разъезды разрешали рабочим оглаживать и кормить лошадей и товарищески с ними беседовали. Словом, между солдатами, призванными к рассеянию толп рабочих, и последними происходило братание. Некоторые войсковые части уже и в эти дни переходили на сторону демонстрантов. Например, казачья сотня, находившаяся на Знаменской площади, не позволила отряду конной полиции рассеять толпу, а один из казаков этой сотни зарубил шашкой местного полицейского пристава, пытавшегося отобрать красный флаг у демонстрантов.

Все это было симптоматично и должно было дать понять генералу Хабалову, что с этими средствами удержать порядок невозможно.

26 февраля около 6 часов вечера я обо всем этом доложил генералу Хабалову, упирая на то, что войска ненадежны, на что он мне с раздражением ответил, что он с этим не согласен, а что просто эти части, как молодые солдаты, плохо инструктированы; что же касается убийства пристава, то он выразился так: «Вот уж этому никогда не поверю».

Тут же я ему доложил, что, по имеющимся у меня сведениям, на утро 27 февраля на заводах и фабриках, куда должны собраться рабочие, назначены выборы в Совет рабочих депутатов. Хабалов хотел закрыть все фабрики и заводы, чтобы не допустить этих выборов, но я отсоветовал ему это делать, так как создастся впечатление, что сама власть не допускает рабочих приступить к работам, а Совет рабочих депутатов все равно будет избран. Действительно, с утра 27 февраля среди рабочих разнесся слух, что фабрики закрыты и никто из рабочих даже и не пытался туда явиться. Вместе с тем были пущены слухи о приглашении в Государственную думу для формирования Совета рабочих депутатов, и таковой действительно был сформирован - явочным порядком. Более энергичные из числа революционеров, сплошь и рядом не рабочие и не солдаты даже, являлись в Государственную думу и заявляли себя депутатами от того или иного промышленного предприятия или воинской части. 6 февраля вечером меня вызвал к себе на квартиру директор Департамента полиции Васильев, предупредив, что меня хочет видеть министр внутренних дел, который находится у него. Я частая Протопопова и Васильева за кофе, только что окончившими обед. Беседа шла за столом, естественно, на животрепещущую тему о последних событиях. Я доложил о происшествиях дня бывших эксцессах и о настроениях войсковых частей, придавая этому огромное значение. Но по Протопопову не было видно, чтобы его очень это озабочивало, чувствовалось только повышенное настроение после хорошего обеда. Из слов Протопопова можно было понять, что он всецело полагается на Хабалова и уверен, что всякие беспорядки будут подавлены. Весь вечер

пришел в рассказах Протопопова о его отношениях к Государыне, о которой он отзывался с большой восторженностью, как о необыкновенно умной и чуткой женщине. Уезжая от Васильева, я так и не мог понять, зачем меня, собственно, вызывали в такой серьезный момент. Ведь не для того, чтобы провести время за чашкой кофе.

С утра 27 февраля забастовка охватила все рабочие районы столицы и стала общей. Толпы рабочих стали двигаться к Государственной думе; уже ясно стало каждому, что там главный штаб революции. К 12 часам дня взбунтовались и перешли на сторону рабочих четыре полка: лейб-гвардии Волынский, лейб-гвардии Преображенский, лейб-гвардии Литовский и Саперный. Казармы всех четырех этих частей были расположены в районе Таврического дворца, и эти части стали первым оплотом революционной цитадели.

Бунт начался по следующему поводу. Учебная команда лейб-гвардии Волынского полка, подавлявшая накануне беспорядки на Знаменской площади, рано утром строилась на дворе своих казарм, чтобы быть готовой в случае нового вызова для подавления беспорядков. В это время унтер офицер Кирпичников выстрелом из винтовки убивает начальника учебной команды штабс-капитана Машкевича²⁴. Никто из офицеров, присутствовавших здесь, не принял на себя командования и не наказал убийцу, а наоборот, офицеры, которые почти все были прапорщики, разбежались и команда всецело подчинилась Кирпичникову, провозгласившему революционные лозунги. Взбунтовавшиеся волынцы направились к казармам преображенцев и заставили их почти силою присоединиться к себе (первый почин сделала 4-я рота

Преображенского полка), а потом то же было повторено в Литовском полку и Саперном. Как только эти части взбунтовались и перешли на сторону рабочих, все оружие, имевшееся в распоряжении этих полков в казармах, перешло в руки рабочих, которые первым же делом разгромили места заключений, пополнив свои ряды выпущенным уголовным и политическим элементом, и разграбили арсенал. Таким образом получилась целая вооруженная армия самых энергичных бунтарей, и дальше все уже пошло с прогрессивной быстротой. Под руководством освобожденных преступников прежде всего были уничтожены те из правительственных учреждений, где могли храниться личные дела и сведения о преступных элементах. Так, был сожжен Окружный суд, разгромлены полицейские участки и сыскная полиция. Охранное отделение до поры до времени оставалось в покое. Это лучшее доказательство того, что первыми руководителями бунтарских действий, или так называемой великой русской революции, был освобожденный из тюрем уголовный элемент. Войсковые части, назначенные для охраны этих учреждений, быстро переходили на сторону погромщиков и увеличивали собою число громил.

Для охраны Охранного отделения штабом округа была прислана полурота лейб-гвардии 3-го стрелкового полка под командой прапорщика. В 3 часа дня я позвал к себе командира полуроты и спросил его, отвечает ли он за своих людей, и когда он мне ответил, что поручиться не может, то я ему приказал увести полуроту в казармы; я понял, что кроме вреда эта полурота ничего мне не принесет.

Работа Охранного отделения продолжалась обычным порядком, но свелась исключительно к

информации и докладам по телефону о течении восстания. Связь с исполнительными органами полиции и штабом главнокомандующего прекратилась. Хотя телефонная станция была еще в руках правительства, но добиться соединения было весьма трудно, а с некоторыми учреждениями почти невозможно. Связь не прерывалась с теми учреждениями, с которыми Охранное отделение было соединено прямым проводом, как-то: Зимний дворец, градоначальство, министр внутренних дел, Царское Село, отделы Охранного отделения, чем я и пользовался, ставя эти учреждения в курс текущих событий. Протопопов был в Мариинском дворце на заседании Совета министров, и до трех часов дня я еще говорил с ним по телефону, доложил последний раз, что положение безнадежно, так как рассчитывать на поддержку гарнизона, постепенно переходящего на сторону восставших, совершенно невозможно. Действительно, главнокомандующий, который перебрался из штаба округа сначала в Адмиралтейство, а потом в Зимний дворец, будучи осведомлен о всем, что происходило в Петрограде, понял наконец, что рассчитывать на те штыки, в которых видел

опору, - нельзя, так как все высылаемые им части из резерва для подавления восставших войск, переходили на их сторону, и к вечеру 27 февраля он остался только с одним своим штабом.

Между тем восстание всё разрасталось; к 5 часам дня беспорядки распространились на Петербургскую сторону; начались грабежи магазинов и частных квартир, обезоружение офицеров на улицах, избиения и убийства городских, аресты и убийства жандармских офицеров и унтер-офицеров. Словом, уже в пять часов дня ясно

стало, что власть не существует, а столица находится в распоряжении черни.

К этому времени в отношении Охранного отделения я распорядился следующим образом: дом Охранного отделения (угол Мытнинской набережной и Александровского проспекта) был окружен линией наблюдательных постов, которые по мере движения толпы должны были постепенно отступать к центру и своевременно уведомлять о их намерениях, обычная же работа в отделении все время продолжалась. В 5 часов было получено донесение с постов, что вооруженная трехтысячная толпа, разгромившая спиртоочистительный завод на Александровском проспекте, двинулась к Охранному отделению, вследствие чего, чтобы не подвергать людей напрасным эксцессам и не жертвовать бесполезно их жизнью, я приказал всем собранным в тот момент служащим оставить немедленно помещение и разойтись по своим домам. Когда это было исполнено, заперев предварительно все входы в помещение, покинул отделение и я сам с своими ближайшими помощниками.

На Биржевом мосту и на Дворцовом еще стояли заставы, сохранившие верность долгу, но уже сильно колеблющиеся, что видно было по сильно взволнованным лицам солдат и офицеров. На Дворцовой площади было спокойно, но на Морской и на Гороховой трещала перестрелка: какие-то жидкие части войск, рассыпавшись лежа, стреляли друг в друга. Изредка мчался бронированный автомобиль, стреляя по неизвестным целям.

В 6 часов вечера я уже был в помещении охранной команды (Морская, № 26, угол Гороховой) и связался

телефоном с Царским Селом (управлением дворцового коменданта) и штабом главнокомандующего (Зимний дворец). Моей дальнейшей задачей' было поставить в курс совершающихся в Петрограде событий - помощника дворцового коменданта генерала Гротена, через подведомственного ему офицера подполковника Терехова.

К 8 часам вечера в помещение охранной команды стали постепенно собираться люди этой команды, принужденные покинуть свои посты по охране некоторых высокопоставленных лиц и учреждений. Были раненые; один тут же умер от раны в голову. Эти люди доложили, что многие министры уже арестованы на квартирах и куда-то увезены. Люди из Мариинского дворца доложили, что на дневном заседании там были Родзянко и великий князь Михаил Александрович, который, уезжая, очень сердечно пожимал руку Родзянко, о чем-то беседуя, и был в прекрасном настроении духа. Оттуда он поехал в Зимний дворец и просил Хабалова не стрелять в народ, ибо «не подобает убивать народ из царского дворца».

Последствием последнего заседания Совета министров, как стало потом известно, было опубликование князем Голицыным Высочайшего указа о роспуске Государственной думы и о замене на посту министра внутренних дел Протопопова - Макаренко (бывшего до того времени главным военным прокурором). Из доклада чинов охранной команды для меня стало ясным, что правительства больше не существует.

К 10 часам вечера перестрелка замолкла и возобновилась лишь в 6 часов утра на следующий день.

Я всю ночь просидел у телефона, сносясь с Царским Селом...

С 6 часов утра 28 февраля стрельба началась с новой силой. На Морской рядом с помещением охранной команды брали штурмом телефонную станцию (Морская, № 24), защищаемую ротой лейб-гвардии Петроградского полка, находившейся в охране этой станции. Это продолжалось не более получаса, после чего пришлось спешно очистить помещение охранной команды, так как вооруженная толпа рабочих и солдат запрудила двор и бросилась по черному ходу в помещение команды; времени хватило только выбежать по парадной лестнице на Морскую.

С этого времени моя служебная деятельность прекращается; все мои отделы уже были разгромлены и заняты восставшей чернью; в Петрограде мне делать больше было нечего, и я с одним из своих помощников решил пробраться в Царское Село, совершенно справедливо рассуждая, что там, в резиденции Государя и Императрицы, будет дан отпор восстанию и, может быть, из Ставки Верховного главнокомандующего уже даже высланы верные войска на подавление Петроградского бунта. Согласно такому решению, мы взяли направление по Гороховой к Царскосельскому вокзалу. Идти почти не было возможно; стрельба шла и вдоль улицы и из поперечных улиц; кто в кого стрелял - трудно было разобрать. В это время я не видел уже каких-либо застав, защищающих что-либо; видны были только куц. ки вооруженных рабочих, солдат и матросов, перемешанных всяким сбродом; все это стреляло, куда-то мчалось, но куда и зачем, я думаю, они сами не отдавали себе отчета. С шумом прокатили броневики, слышна была дробь пулеметов; убитых или раненых я не

видал. По Гороховой с трудом, перебегая от одной подворотни к другой, можно было добраться только до Екатерининского канала, но дальше через Сенную площадь пробраться не было возможности, так как она вся была запружена броневиками, разбивающими магазины с продовольствием. Пришлось значительно уклониться вправо и выйти на Измайловский проспект. Здесь мы наблюдали следующую картину: почти весь Измайловский полк вышел безоружный из казарм и глазел на тучи жженой бумаги, летающей в воздухе, - то горел Окружной суд, а в это время рабочие и всякий сброд выходили из казарм, вооруженные кто чем: тут были и винтовки и револьверы, шашки и тесаки, попадались даже с охотничьими ружьями. Пройти прямо по Измайловскому проспекту было трудно, так он был запружен толпой; пришлось выбираться окольными путями, уклонившись сильно вправо, на Обводный канал, а оттуда уже на Варшавский вокзал, Насколько затруднительно было идти в это время по городу, видно из того, что на путь от Морской до Варшавского вокзала нам пришлось употребить около 4 часов времени. В районе вокзала было относительно спокойнее. Поезд на Гатчину отошел в час дня, после проверки пассажиров какой-то наспех организованной рабочей комиссией. Мы доехали до станции Александровской, а оттуда добрались на извозчике до Царского Села.

Царское, после всего того, что пришлось увидеть и пережить и Петрограде, поразило меня сохранившимся порядком и той тишиной, которая там царствовала. Посты конвоя Его Величества стояли на своих местах, дворцовая полиция продолжала исполнять свои обязанности, и, казалось, жизнь города протекала совершенно нормально, но во всем этом все-таки

чувствовалась какая-то нервная напряженность и ожидание чего-то надвигающегося, неизбежного. Это было видно по серьезным, угрюмым лицам всего служебного персонала. За отсутствием замещающего дворцового коменданта генерала Гротена я обратился к начальнику дворцовой полиции полковнику Герарди, поставил его в курс петроградских событий и спросил, рассчитывают ли отстоять Царское Село, так как, по моему мнению, восставшая петроградская чернь к вечеру появится в Царском. Герарди мне сказал, что Царское Село безусловно в безопасности, что здесь имеется верный гарнизон до пяти тысяч, который даст отпор, что Александровский дворец окружен пулеметами и что в Царском сегодня был великий князь Михаил Александрович, который уверил Императрицу в полном спокойствии и что ни ей, ни детям не угрожает никакой опасности, даже настолько, что он сам думает перевезти сюда свою семью. Вместе с тем он уговорил Императрицу отложить свою поездку с детьми в Могилев, вследствие чего назначенный на этот день царский поезд для Ее Величества был отменен. Вообще из разговора с Герарди и с другими лицами я вынес впечатление, что они не уясняют себе сущности совершающихся событий. По их мнению, все сводится к простому дворцовому перевороту в пользу великого князя Михаила Александровича. Когда я пробовал опровергнуть такой взгляд на дело, мне даже показалось, что на меня посмотрели с некоторой усмешкой, как на человека, не знающего о том, что им всем давно было известно.

Это происходило между 2 и 3 часами дня. В 12 часов ночи ожидали прибытия царского поезда из Могилева. В 6 часов я вторично был у Герарди, но застал его уже в весьма подавленном настроении; самоуверенность его

уже пропала. Не было уже речи об отстаивании Царского Села, а все сводилось, по-видимому, лишь к тому, как спасти лично себя и свою семью, из чего я понял, что здесь, в Царском, рассчитывать на какую-либо опору и защиту царского престола так же нельзя, как и в Петрограде. И действительно, к вечеру, когда стемнело, из Петрограда подошли революционные толпы и начали стрельбу. Никакого сопротивления им не было оказано. Гарнизон Царского стал последовательно и быстро переходить на сторону восставших, не исключая конвоя Его Величества и дворцовой полиции. Государыня Императрица, видя и зная уже все то, что произошло в Петрограде, вышла на балкон Александровского дворца и просила чтобы никакого сопротивления у дворца не оказывали во избежание напрасного кровопролития. В городе началось то же, что и в Петрограде: разгром полицейских участков, освобождение арестованных из мест заключений, ограбление магазинов и т. п. Ожидавшийся из Могилева царский поезд не прибыл ни в 12 час. ночи, ни в 2 часа, ни в 5 утра. Распространился слух, что Государь арестован и в Царское не прибудет. Ввиду того, что в Царском оставаться дольше было незачем, да и опасно, я вместе с своим помощником подполковником Прутенским в 6 час. утра отправился пешком в Павловск, где с утра 1 марта было такое же спокойствие, как накануне в Царском. Однако часов с 12 дня уже начались аналогичные беспорядки, главным образом заключающиеся в грабежах магазинов. Пущен был кем-то слух, что в окрестностях Петрограда скрываются бежавшие из столицы спекулянты и что есть распоряжение всех их задерживать, что вызвало ряд задержаний, ограблений и даже убийств ни в чем не повинных людей.

Я с своим помощником нашел пристанище на одной из пустых в это время года дач, где мы пробыли до 5 часов дня, после чего решили возвратиться в Петроград. Ехать куда-либо дальше из Павловска было бесполезно, так как революционная волна катилась все дальше и дальше, захватывая постепенно все новые и новые районы провинции.

По возвращении в Петроград мы узнали, что все старое правительство и главнокомандующий арестованы. Всем распоряжается революционный комитет, находящийся в Государственной думе; все войска перешли на сторону революционеров; образовался совет рабочих и солдатских депутатов под председательством члена Государственной думы Чхеидзе при товарище председателя Керенском, входящем также и в состав революционного комитета. Оказывали сопротивление этим новым властям только юнкера Павловского и Петроградского военных училищ, но и оно было в скором времени ликвидировано.

Путь от Царскосельского вокзала до квартиры знакомого офицера, проживавшего на Петроградской стороне, у которого я рассчитывал найти временный приют, пришлось совершить пешком, так как ни извозчиков, ни трамваев не было; на автомобилях ездили только новые власти и какие-то подозрительные лица. Перестрелка шла по всем улицам, и где-то трещали пулеметы, но по ком стреляли и кто стрелял, я не видел, равно как не видел ни убитых, ни раненых, хотя свист пуль иногда слышался отчетливо. На Петроградской стороне стрельба была гораздо сильнее - то сопротивлялись юнкера.

Уже в то время меня сильно заинтересовал вопрос, по ком в Петрограде стреляли, если почти никто не сопротивлялся, и особенно, кто стрелял из пулеметов. Например, проходя мимо Исакиевского собора, я ясно слышал стрельбу из пулемета, как будто бы с купола этой церкви. Через несколько дней я все восстановил в своей памяти и причина пулеметной стрельбы стала для меня совершенно ясной. За месяц до переворота, по имевшимся в Охранном отделении сведениям, на Путиловском заводе исчезло 300 пулеметов, совершенно готовых и упакованных в ящики для отправки на фронт. Несмотря на самые тщательные розыски, предпринятые Охранным отделением, найти их не представилось возможным. Весьма понятно, что, когда город остался без полицейского обслуживания уже с 24 февраля, можно было расставить пулеметы где угодно совершенно безнаказанно, что и было сделано на тот случай, если бы войска упорно не переходили на сторону восставших рабочих и их нужно было бы понуждать к этому силой. Всем был еще памятен 1905 год, когда войска отстаивали порядок и революция не имела успеха исключительно только потому, что войска остались верными. Кроме того, как я уже сказал, при постепенном переходе взбунтовавшихся войск на сторону восставших рабочих чернь свободно овладевала воинским вооружением, забирая его из казарм и арсенала, в том числе и пулеметами. Самая расстановка пулеметов на крышах, чердаках и колокольнях указывала, что они попали в руки людей, не умевших с ними обращаться. Когда стало очевидным, что воздействовать на войска силой оружия не нужно, что они без всякого понуждения сами присоединились к восставшим, то, естественно, расставленные заблаговременно пулеметы были

брошены на произвол судьбы и ими воспользовались всякие преступные элементы и хулиганы для того, чтобы произвести как можно больше беспорядка. Кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было, так как стрельба с тех мест, где они были поставлены, не могла быть действенной.

Впоследствии, в первые дни после переворота, Керенский и его ближайшие сотрудники старались объяснить стрельбу из пулеметов тем, что пулеметы якобы были заранее расставлены по распоряжению Хабалова, Протопопова, Балка и моему и что из пулеметов якобы стреляла полиция, но такое обвинение никакой критики не выдержало и ему пришлось от этой глупости отказаться, так как никаких доказательств он не собрал, а, кажется, наоборот были собраны все данные, что на первых порах стреляли из пулеметов рабочие. Керенскому нужно было пустить такое обвинение, чтобы как можно больше разжечь ненависть темных масс против старого порядка вообще и против полиции в частности.

Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию. Они нисколько не уступают тому, что впоследствии проделывали со своими жертвами большевики в своих чрезвычайках. Я говорю только о Петрограде, не упоминая уже о том, что, как всем теперь известно, творилось в Кронштадте. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шишками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и кто из

чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, так беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живым сожгли. Пристава Новодеревенского участка, только что перенесшего тяжелую операцию удаления аппендицита, вытащили с постели и выбросили ил улицу, где он сейчас же и умер. Толпа, ворвавшаяся в губернское жандармское управление, жестоко избивала начальника управления генерал-лейтенанта Волкова, сломала ему ногу, после чего потащила к Керенскому в Государственную думу. Увидав израненного и обезображенного Волкова, Керенский заверил его, что он будет находиться в полной безопасности, но в Думе его не оставил и не отправил в госпиталь, что мог сделать, а приказал отнести его в одно из временных мест заключений, где в ту же ночь пьяный начальник караула его застрелил. Строевых офицеров особенно в старших чинах, арестовывали на улицах и избивали. Я лично видел генерал-адъютанта Баранова, жестоко избитого во время ареста на улице и приведенного в Государственную думу с забинтованной головой.

В эти дни по городу бродили не известные никому группы лиц, производившие чуть ли не повальные обыски, сопровождаемые насилием, грабежом и убийством, под видом якобы розыска контрреволюционеров. Некоторые квартиры разграблялись дочиста, причем награбленное имущество, до мебели включительно, откровенно нагружалось на подводы и на глазах у всех увозилось. Подвергались полному разгрому не только правительственные учреждения, но сплошь рядом и частные дома и квартиры. Например, собственный дом графа Фредерикса был разграблен и целиком сожжен.

Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Все это Керенский называл в то время «гневом народным».

К вечеру 1 марта 1917 г. совершенно уже стало ясно, что прежней власти не существует, что со старым строем покончено и оставалась лишь слабая надежда на то, как будут реагировать на свершившиеся события Ставка Верховного главнокомандующего и армия, но и эта надежда была малоутешительна, так как уже стали циркулировать слухи об отречении Государя и о том, что командующие фронтами армии подчинились новому порядку вещей. Появились бюллетени с распоряжениями временного революционного комитета за подписью Родзянко. Между прочим появился приказ Родзянко о регистрации всех военных чинов в Государственной думе.

При таком положении вещей, ввиду отсутствия пристанища в Петрограде и во избежание грубых эксцессов лично в отношении себя со стороны разбушевавшейся черни, я решил лично явиться в Государственную думу, а потому просил знакомого офицера отвести меня туда, как арестованного им. В Думу пробраться было очень трудно. Несмотря на сравнительно уже позднее время, она была окружена толпами пьяных солдат и рабочих. С большими затруднениями я попал во внутреннее помещение только благодаря тому, что назвал свой чин и звание одному из студентов, бывших на контроле, которым и был передан в распоряжение члена Государственной думы Пападжанова, занимавшегося приемкой и распределением арестованных. Этот последний, продержав меня в ожидании по крайней мере два часа, отправил, наконец, под конвоем в Министерский

павильон, где я был водворен как арестованный в порядке революции.

За пережитые последние три дня, побывав на улицах Петрограда, Царского Села, Павловска, в связи с поведением старого правительства в смысле несопротивления разрушительным силам, подтачивавшим наш государственный строй, что наблюдалось мною в течение последних двух лет, я убедился, что старый строй просто сдался на капитуляцию, не оказав ни малейшего сопротивления восставшим. Не было никаких элементов, которые могли бы встать на защиту старого строя. Не было ни одного достаточно авторитетного лица, которое могло бы личным примером, или силою убеждения, или проявлением достаточной энергии предотвратить катастрофу. Простой бунт Петроградского гарнизона свалил тысячелетнюю монархию. Участвовал ли в этом русский народ в широком смысле? Нет, он не участвовал. Зато весь руководящий класс интеллигенции, не исключая правительственных органов, вольно или невольно участвовал в заговоре. Народ был совершенно пассивен, и только самые худшие и преступные его элементы, пользуясь моментом, дали волю своим жестоким и зверским инстинктам.

Далее за пределами столицы, революция пошла совершенно безболезненно. Провинция просто примкнула к новому порядку вещей, считаясь лишь с свершившимся фактом.

Итак нигде и никем не было оказано какого-либо сопротивления революционерам, кроме незначительных стычек между войсками, взбунтовавшимися и оставшимися верными, и то в первые два дня 27 и 28

февраля. Поэтому говорить о том, что были какие-то жертвы революции, которых Керенский с почетом хоронил на Марсовом поле, не приходится. По моему глубокому убеждению, если этих жертв и набрали до 200 человек; то это были все случайно убитые неосторожные прохожие или [убитые] свои своими же. Мне доподлинно известно, что в числе набранных жертв были умершие в больницах бродячие» китайцы и даже два убитых филера Охранного отделения, которых можно, конечно, назвать жертвами революции, но с другой стороны. Керенскому нужны были жертвы, во что бы то ни стало, как и все то, что он дальше делал для углубления «Великой бескровной российской революции», и они были.

Глава XI

Участие иностранных держав в русской революции.

-Система германской разведывательной работы до войны. Разведывательная работа во время войны. - Отношение союзных держав к русскому революционному движению. - Оценка революции и ответственность за нее.

Теперь, когда прошло много уже времени после Февральской революции 1917 г., многие задают вопрос: правда ли, что Германия принимала участие в ее подготовке. Я положительно утверждаю, что Германия никакого участия ни в перевороте, ни в подготовке его не принимала. Для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом. Для того чтобы понять это, необходимо обратить внимание на то, как велась немецкая разведка в России в мирное время и на

чем она базировалась. Все сведения военного характера, политического и экономического о России получались немцами от германских же подданных, находившихся в России, как-то: от немецких торговых фирм, финансовых и промышленных предприятий, коммивояжеров и т. д.; из тех мест, где были поселены немецкие колонисты, -от них. Все такие сведения сосредотачивались в Берлине - в центральном бюро, где делалась сводка их, и только время от времени в Россию высылались офицеры германского Генерального штаба для поверки и исправления их. Таким образом, Германия свою разведку о России базировала на агентах, которые в то же время были германские подданные и, как патриоты, работали идейно для своей родины. Только малое исключение составляли русские подданные, работавшие для Германии за материальное вознаграждение, да и то на западных наших окраинах.

До войны Германии не было никакого расчета содействовать в подготовке переворота в России, ибо Германия всегда готова была поддерживать монархический принцип не только у себя, но и у соседей. С объявлением войны революция в России, конечно, для Германии была выгодна, как всякая катастрофа в тылу противника, но подготовить таковую центральные державы не могли, не уничтожив, прежде всего русской армии, так как весь тот аппарат, который составлял фундамент немецкой разведки в России, с началом войны был разрушен. Действительно, с объявлением войны границы России с воюющими странами были закрыты совершенно, границы с нейтральными странами охранялись весьма бдительно, с установкой самого строгого контроля; все немецкие фирмы, торговые и банковские предприятия, акционерные общества и т. п.

были закрыты; хозяева - немецкие подданные, не успевшие уехать, арестованы; русские подданные немецкого происхождения высланы в северные и сибирские губернии; немецкие колонии подвергнуты строжайшему надзору и изоляции. Таким образом, центральные державы, потеряв всю основу своей разведки в России, не могли даже и мечтать о воздействии в агитационном порядке на общественные настроения в смысле подготовки революции.

Единственно в чем выражалась работа правительств центральных держав в этом направлении - это в содействии нашим революционерам-эмигрантам в пропаганде русских пленных в концентрационных лагерях у себя в Германии и Австрии и в покровительстве русскому зарубежному пораженческому движению, начатому в 1915 г. главарями социалистических партий. Но эта работа принесла свои плоды лишь уже после февральского переворота, когда с соизволения Временного правительства вся эта стая воронов - наших эмигрантов хлынула в Россию через широко открытые границы нейтральных держав. Вполне естественно, что вместе с ними Россию вновь заволокла целая сеть германского шпионажа.

Что касается участия в подготовке русской революции союзными державами, то я это тоже положительно отрицаю. Говорят, будто бы Англия помогала нашему революционному центру в государственном перевороте при посредстве своего посла сэра Дж. Бьюкенена. Я утверждаю, что за все время войны ни Бьюкенен и никто из английских подданных никакого активного участия ни в нашем революционном движении, ни в самом перевороте не принимали. Возможно, что Бьюкенен и другие англичане

лично сочувствовали революционному настроению в России, полагая, что народная армия, созданная революцией, будет более патриотична и поможет скорее сокрушить центральные державы, - но не более того. Такой взгляд в русском обществе создавался исключительно благодаря личным близким отношениям английского посла с Сазоновым, большим англофилом и сторонником прогрессивного блока, а также некоторыми другими главарями революционного настроения, как Милюков, Гучков и пр.

Что касается Франции, то об этом не приходится даже и говорить. Ни посол и никто из французов никакого вмешательства во внутренние русские дела себе не позволяли.

Русская Февральская революция была созданием русских рук. А кто были эти руки и кому нужна была революция - мы уже знаем. Она нужна была кучке людей кадетской партии и примыкающим к ней прогрессистам, кричавшим последние два года о необходимости в России правительства, пользующегося доверием страны, и состав этого правительства намечался ими самими. Она нужна была и социалистам - как конечное завершение цели их партийных программ, то есть ниспровержение существовавшего государственного строя. Народу ни революция, ни те люди, которые якобы пользовались его доверием, были не нужны. Временное правительство состояло из тех лиц, которые сами добивались министерских портфелей, как князь Львов, Милюков, Гучков, Шингарев и пр. В состав его входил только один социалист - Керенский. Страна их не выбирала - они сами себя выбрали. Пользовались ли они доверием страны? Это большой вопрос; народ их мог знать только как

крайнюю оппозицию старому правительству; заслуг перед народом у них не было никаких.

Почему же в первое правительство попал только один социалист Керенский? А потому, что первое правительство было создано кадетской партией и, кроме того, ни одного хоть сколько-нибудь достойного даже в глазах самих социалистов к этому времени не было. Главари социалистических партий съехались в Петроград уже спустя несколько дней и даже недель из-за границы и из Сибири и опоздали на первых порах к общественному «пирогу». Зато сравнительно в скором времени они свое взяли, как более энергичные и талантливые демагоги. Через три месяца уже Временное правительство изменило свою физиономию на чисто социалистическую. Старые артисты были выкинуты, как отыгравшие свою роль, и заменены, как говорил Керенский, «настоящими народными представителями», то есть людьми, которые не только не могли пользоваться доверием страны, но которых народ даже никогда, и не знал. В самом деле, кто знал всехэтих Черновых, Некрасовых, Авксеньтьевых, Перевел и т. п. Знал ли что-нибудь о них русский народ? Они были известны по своей преступной политической деятельности Департаменту полиции и чинам Отдельного корпуса жандармов. Вот, в сущности, из-за того, чтобы захватить в свои В власть и дать России такое правительство, которое якобы пользуется ее доверием, и был совершен Февральский переворот который привел Россию ко всем последующим потрясениям. Несчастьям нашей родины мы не видим конца, и, может быть нынешний режим приведет ее к окончательной гибели.

Тех людей, которые совершили это темное, преступное история должна отметить не как инициаторов

эфемерных завоеваний революции, чем они так гордились на первых порах, величайших преступников против своей Родины.

Не менее того история должна осудить в полной бездарности бездеятельности то правительство, которое прекрасно было осведомлено в политической обстановке того момента и упорно не тело принять решительных мер к предупреждению катастрофы

Январь 1922 года

ЧАСТЬ II

Мой арест.

- Доставка в Государственную думу генерала Сухомлинова. - Министерский павильон. - Арестованные и режим в Министерском павильоне. - Состав караула. - Комендант мест заключения в Таврическом дворце. - Лица, посещавшие арестованных. - Настроения караула и арестованных. - Посещения Керенского. - Переверзев. - Бурцев. - Инцидент с адмиралам Карцевым. - Перевод в Выборгскую тюрьму.

Государственная дума, поднявшая знамя восстания в Феврале 1917 г., стала в эти кошмарные дни штабом революционеров и центральным местом заключения для арестованных членов царского правительства, должностных лиц и вообще всех лиц, которых революционный комитет считал опасными для революции. Тут же заседал и самый революционный комитет, и тут же собирался Совет рабочих и солдатских депутатов, образовавшийся явочным порядком 27 февраля.

Для более серьезных арестованных был отведен Министерский павильон, а для менее серьезных - помещение во втором этаже Таврического дворца.

Я был доставлен в Государственную думу 1 марта около 7 часов вечера и, прежде чем окончательно был водворен в место заключения, должен был около двух часов прождать в одной из комнат, где член Государственной думы Пападжанов распределял арестованных. Здесь собралось до 30 человек,

ожидающих своей очереди, и тут же решался вообще вопрос о задержании приведенных лиц. Некоторые - задержанные, по мнению Пападжанова, случайно - не представляли опасности и отпускались домой, а другие водворялись в то или другое место заключения; случалось и так, что некоторые отсылались из Государственной думы в другие места заключения, вне ее стен. По-видимому, на судьбу того или другого задержанного лица имел большое влияние Керенский, который тут на первых порах проявлял большую энергию. В течение того времени, что мне пришлось ожидать своей очереди, я наблюдал следующую небезынтересную и возмутительную сцену. Привели арестованного генерала Сухомлинова. Невозможно описать того шума и крика, которые начались, как со стороны пьяных озверевших солдат, так и со стороны распорядившихся нашей судьбой членов Государственной думы и каких-то темных личностей, наводнивших помещение; все кричали, ругали, проклинали несчастного генерала; больше всех неистовствовал и кричал Керенский, приказавший сорвать погоны с Сухомлинова, после чего перед всеми разыграл сцену необыкновенного благородства, заявив, что Сухомлинов должен быть целым и невредимым доставлен в место заключения для того, чтобы понести кару, которую ему определит справедливый революционный суд как изменнику России, и что скорее толпа пройдет по его, Керенского, трупу, чем он позволит какое-либо насилие над Сухомлиновым, забывая, что только что сам совершил это насилие, приказав сорвать погоны с генерала. Солдаты подчинились властному слову Керенского, и Сухомлинов с сорванными погонами, предшествуемый Керенским, при

общих криках ненависти и улюлюкании проведен был между шпалерами солдат.

Наконец после краткого опроса и каких-то записей я был сдан с запиской какому-то молодому человеку, который отвел меня в Министерский павильон и передал начальнику караула.

Министерский павильон состоял из залы заседания, двух просторных кабинетов, людской и уборной. Он соединялся одним выходом с кулуарами Государственной думы, а другой ход вел в сад, окружавший павильон. Арестованные помещались в зале и кабинетах, а людскую занимал караул. Посреди длинного не особенно большого зала находился во всю длину комнаты стол, покрытый сукном, вокруг которого сидели арестованные, от двадцати до двадцати пяти человек, а кругом них стояло 10 вооруженных винтовками солдат. В каждом из кабинетов размещалось меньшее число арестованных, также с приставленными часовыми. Весь Министерский павильон был снаружи, в саду, окружен постами часовых, которые при малейшей попытке не только бегства, а даже появления арестованного у окна должны были стрелять. Постоянный бессменный караул несла 4-я рота лейб-гвардии Преображенского полка; эта честь выпала ей, потому что она первая из полка присоединилась к взбунтовавшейся учебной команде лейб-гвардии Волынского полка. Начальником караула был прапорщик Знаменский, а помощником его унтер-офицер Круглов.

После предварительного личного обыска, произведенного унтер-офицером Кругловым, я был помещен в зал и занял место за столом наравне с прочими арестованными. Здесь я увидел все знакомых: председателей Совета министров князя Голицына,

Трепова, статс-секретаря по делам Финляндии генерала Маркова, генерала Ренненкампа, градоначальника генерала Балка, помощника его генерала Вендорфа, полицмейстера генерала Григорьева, обер-прокурора Св. Синода князя Жевахова, сенатора Чаплинского, министра финансов Барка, жандармских генералов Фурса, Казакова, полковника Плетнева, директора Морского корпуса адмирала Карцева, генерал-адъютанта Безобразова, генерала Макаренко и других. Кроме того, в других комнатах находились и затем позже прибывали и убывали: А. Н. Хвостов, С. П. Белецкий, генерал Климович, генерал-адъютант Н. И. Иванов, генерал-адъютант Баранов, финляндский генерал-губернатор генерал Зейн с управляющим его канцелярией, генерал Никольский, директор Департамента полиции А. Т. Васильев, бывшие министры Макаров, Маклаков и Щегловитов, генерал герцог Меклеибургский, генерал Спиридович, генерал Герасимов, генерал Риман, С. Е. Виссарионов и проч. В общем, население этой цитадели русской революции, как ее назвал комендант Таврического дворца, достигало человек 60. Женщин было только две: бывшая фрейлина А. А. Вырубова и бывшая издательница газеты «Земщина» Полубояринова, затем еще доставлены были уже позже жена генерала Римана и жена владимирского губернатора Кретон, но были скоро и освобождены; женщины помещались в маленькой комнате около помещения караула.

В отношении арестованных первоначально были приняты весьма суровые меры: например, в течение первых трех дней было совершено запрещено разговаривать между собой; можно было только отвечать на вопросы чинов караула или должностных лиц. Все

должны были часами сидеть молча; только с особого разрешения все одновременно вставали и начиналась прогулка вокруг стола, в затылок друг за дружкой. Спать разрешалось на тех же креслах, на которых сидели, то есть сидя; некоторые более счастливые пользовались для сна коротенькими диванчиками, которых было не более шести по стенам зала. В уборную разрешалось отправляться только с выводными. Свидания с родственниками и знакомыми происходили в коридоре, соединяющем павильон с кулуарами, в присутствии караульного унтер-офицера или разводящего. Кормили довольно сносно - два раза в день, и кроме того выдавался кипяток для чая. Самое тяжелое было - это запрещение разговаривать и невозможность раздеться на ночь.

Караульный начальник прапорщик Знаменский был вполне приличен, держал себя весьма корректно, справедлив и не позволял себе издеваться над арестованными, хотя по партийной принадлежности был социалист-революционер и в прошлом в свое время потерпел за свою революционную деятельность. Нельзя того же сказать про караульного унтер-офицера Круглова - это был буквально зверь. Старообрядец Нижегородской губернии, призванный из запаса, малоразвитой, озлобленный человек. Лет 40, выше среднего роста, с русой бородкой и глубоко сидящими маленькими злыми глазами, он производил отталкивающее впечатление - до того, что все арестованные звали его «Малютой Скуратовым». Круглов наводил страх и пользовался, видимо, исключительным уважением как всего караула, так равно и представителей новой власти; даже Керенский, назначенный министром юстиции, и прокурор Петроградской судебной палаты Переверзев, и

комендант Перетц пожимали ему почтительно руку и явно заискивали перед ним. Он же особого почтения перед ними не выказывал и считал себя самым важным лицом в отношении всего персонала, обслуживавшего Министерский павильон. Ко всем арестованным он относился с большим презрением, считая их своими личными врагами, а потому позволял себе всяческие издевательства и грубость.

Комендантом места заключения в Таврическом дворце, а потом и всего дворца был полковник Перетц - довольно подленькая личность, заискивающий постоянно перед солдатами, а особенно перед Кругловым. В угоду солдатам он старался выказать как можно больше грубости и недоброжелательства к арестованным. При первом его появлении в помещении арестованных я его сразу узнал. В 1912 г. он служил в Варшавском военном округе, занимая должность военного следователя при Варшавском военно-окружном суде. Когда назначена была по Высочайшему повелению сенаторская ревизия для обревизования Варшавского генерал-губернаторства, то ревизирующий сенатор Д. Б. Нейдгарт привлек к участию в расследовании по некоторым делам военного следователя подполковника Перетца. Между прочим ему было поручено следствие по делу Плоцкого уездного воинского начальника полковника Ефремова. Желая на этом деле выделиться и сделать карьеру, Перетц явно подтасовал показания свидетелей, записывая не то, что они говорили, и измышляя показания с целью обвинить Ефремова. Подлоги Перетца были установлены на суде, и его, чтобы замять дело, перевели в Казанский военно-окружной суд, откуда за какие-то мошенничества вскоре и совсем выгнали со службы. В момент переворота он оказался в Петрограде и сейчас же

примазался к новой власти. В должности коменданта он пробыл, кажется, не более месяца, после чего выпустил небольшую брошюру стоимостью в 50 копеек, озаглавленную: «В цитадели русской революции», излагая в ней впечатления, вынесенные им об арестованных, с характеристикой отдельных лиц. Книжка написана была явно тенденциозно, с целью высмеять людей, попавших в тяжкое положение, и возбудить к ним как можно больше ненависти со стороны темного люда.

Кроме этих, так сказать, непосредственных начальников арестованных, было немало начальства в лице разного сброда, имевшего свободный доступ в помещения арестованных, якобы следящих за гигиеническим их содержанием и облегчающих морально их положение. В действительности же это были: любопытные, журналисты, освобожденные из тюрем политические и уголовные преступники, какие-то сестры милосердия, никому из арестованных не нужные, студенты, курсистки и т. п. Вся эта публика посещала почти ежедневно Министерский павильон, вступая с арестованными в разговоры, стараясь что-либо интересное узнать, чтобы потом в извращенном виде рассказать в разных заново появившихся газетках. Эта компания нагло хвасталась перед арестованными завоеваниями революции и имела нахальство тут же заниматься агитацией в пользу нового режима. Некоторые из посетителей вступали в политические споры с арестованными и вели настоящие дискуссии. Среди этого сброда было много моих бывших клиентов, жаловавшихся, что Охранное отделение не давало им возможности заниматься революционной работой. Из разговоров с ними уже тогда ясно было, что, несмотря на революцию, партийная грызня будет еще долго

продолжаться и вряд ли социалистам удастся составить общий демократический фронт. Эти молодые люди, большей частью студен-ты и курсистки, вели себя в отношении арестованных очень корректно. Но были и такие, которые ничего общего с политикой не имели - просто уголовные преступники и авантюристы, выпущенные из разгромленных тюрем, выдававшие себя пострадавшими в прошлом за политические убеждения. Эти, в общей неразберихе, занимались воровством, сведением личных счетов с арестованными и обделыванием своих личных грязных делишек.

Например, первые дни при арестованных состоял в качестве врача именовавший себя граф Д'Оверк, молодой человек лет 30, который, по его словам, оказал громадные услуги революции тем, что лично руководил уличными стычками с защитниками старого режима, обысками и арестами царских министров. Он рассказывал, что принимал участие в покушении на жизнь Распутина, и много всякой чепухи. Между тем мне отлично известно было, что он в свое время значился в розыскном циркуляре Департамента полиции как совершивший в Петрограде ряд грабежей и бежавший на Кавказ, где также занимался грабежами и разбойными нападениями. Незадолго до революции он был задержан во Владивостоке под чужим именем и доставлен в Петроград. Происхождением он был сыном дворника Оверко и в японскую войну был санитаром. Скоро его новая власть также разоблачила, и он был арестован за старые и новые преступления. За время его участия в революционном перевороте при обысках у разных лиц им было награблено до 35 000 рублей только наличными деньгами.

Другой был еврей Барон, рассказывавший о себе всевозможные небылицы. Он ежедневно посещал арестованных, съедал почти все выдававшиеся в пищу арестованным консервы и выкуривал у них папиросы. Вскоре он совершенно исчез, заявив предварительно всем, что уезжает на Кубань, где выбран войсковым атаманом. Кроме этих было еще несколько воров и грабителей, которых также разоблачили и водворили обратно в тюрьмы.

Солдаты, настраиваемые начальством, как я уже говорил, относились к нам весьма грубо и дерзко - как к личным врагам, но по прошествии некоторого времени отношения их улучшились; солдаты стали вступать с нами в разговоры, а некоторые даже высказывали свою точку зрения на текущие события. Во всех их речах сквозило самооправдание за содеянное. Были такие, которые втихомолку спрашивали у нас: «А что, за эту леворуцию нам ничего не будет?» В числе людей караула я узнал одного из своих воспитанников учебной команды - унтер-офицера Шевелева - когда еще служил в лейб-гвардии Кексгольмском полку. Он меня также узнал, отнесся ко мне с большим уважением и по секрету сообщил, что избег большой неприятности только случайно: еще недавно он подал докладную записку о зачислении его унтер-офицером Отдельного корпуса жандармов, на днях должен был быть приказ о его зачислении, но этому помешала революция.

Первые дни после переворота все, начиная с коменданта и до солдат включительно, были в весьма подавленном, даже тревожном настроении, боялись, что новый порядок не утвердится, что восстание будет подавлено войсками фронта. Этого даже не скрывали и открыто высказывали свои опасения. После ликвидации

движения к столице георгиевских кавалеров и ареста генерал-адъютанта Иванова все подбодрились и успокоились.

Что касается арестованных, то они все были в подавленном состоянии, да это и вполне естественно: каждый понимал все значение того крушения, которое переживается Россией, и ту бездну, в которую ее увлекли авантюристы, ставшие теперь у власти. Переносили несчастье по-разному: одни страшно нервничали и окончательно пали духом, другие были более спокойны. Были, например, люди, занимавшие высокие посты, всегда деятельные, смелые, энергичные, а теперь жалко было на них смотреть, до того они растерялись. Одно, например, лицо, бывшее когда-то прокурором, уверяло меня, что его или расстреляют, или привлекут к судебной ответственности по 102 ст. Уголовного уложения, то есть за принадлежность к тайному сообществу, поставившему своей целью и т. д.... Когда же я ему доказывал, что этого случиться не может, так как он служил не тайному сообществу, а государству, и что законы Российской империи не аннулированы, он все же твердил свое. Правда, его расстреляли в конце концов, но уже при большевиках, в 1918 году. При Временном же правительстве он был освобожден без всяких последствий.

Спустя три дня после того, как я был заключен под стражу, к нам впервые зашел Керенский, который собрал всех арестованных и заявил, что Государь отрекся от престола, что великий князь Михаил Александрович сделал то же самое, что состав Временного правительства избран и что он, Керенский, назначен министром юстиции. Кроме того, он нам заявил, что отныне в России наступает пора права, законности и

справедливости, причем из его слов можно было понять, что Россия всем этим будет обязана ему - Керенскому, который как генерал-прокурор за всем этим будет иметь неослабное наблюдение. Тут же Керенский великодушно заявил, что тех людей, которые геройски вели себя на войне, он держать под арестом не может, а потому приказал немедленно освободить, как георгиевских кавалеров, генерал-адъютанта Безобразова и бывшего у генерала Хабалова начальником штаба генерал-майора Тяжельникова, что не помешало ему того же Тяжельникова на следующий день вновь арестовать и заключить в Петропавловскую крепость. Не коснулось почему-то освобождение и генерала Ренненкампа, хотя он был также георгиевский кавалер. Отсюда ясно, что по признаку Георгиевского креста нельзя было и говорить об освобождении. Но самым приятным результатом появления у нас Керенского было то, что он разрешил нам с этого дня разговаривать друг с другом.

Через два дня Керенский вновь появился у нас, причем его приход сопровождался следующим характерным эпизодом: в зале мы о чем-то горячо спорили и не заметили, как он вошел; тогда, чтобы предупредить нас о появлении его высокой особы, он стал стучать по полу палкой и провозгласил: «Министр юстиции идет». Все, конечно, прекратили разговор и ожидали, что он нам скажет. Он уселся за стол и, попросив нас также сесть, говорил довольно долго о падении монархии, о новом светлом будущем и опять о праве, законности и справедливости, раз он поставлен генерал-прокурором республики. После этого вступления Керенский сказал следующее: «Между вами есть один предатель - палач, исполнявший казни над невинными жертвами царского режима, я надеюсь, что вы не

захотите его иметь в своей среде», Мы не знали, куда он клонит, и молчали, но все-таки несколько голосов раздалось - «конечно, нет». Тогда Керенский крикнул сорвавшимся голосом: «Полковник Собощанский, встаньте». Собощанский встал и хотел потребовать объяснений; но Керенский истеричным, срывающимся голосом завопил: «Солдаты, сорвать с него погоны, снять с него Владимирский крест и выделить в особое помещение впредь до распоряжения». После произведенной экзекуции Керенский ушел. На следующий день утром Собощанский был отвезен в Петропавловскую крепость и заключен в подвальный сырой карцер. Там его продержали четыре месяца и без единого допроса освободили.

После всего того, что Керенский говорил о праве и законности, нас эта грубая сцена поразила и многим сразу показала, с кем мы имеем дело. Ясно стало, что закон и право, только красивые слова, а в данном случае со стороны министра играла роль только недостойная месть политического противника.

В чем же заключалась вина Собощанского? Только в том, что он занимал должность начальника Шлиссельбургской жандармской команды и обязан был по долгу службы присутствовать, наравне с товарищем прокурора, при приведении приговоров суда в исполнение. Сам по себе он был заурядный жандармский офицер, предназначенный уже к увольнению в отставку. В течение первых дней многих из Министерского павильона перевозили в Петропавловскую крепость, причем список таких лиц составлял сам Керенский. Места убитых замещались новыми арестованными, привозимыми даже из провинции. Так, были доставлены: граф Фридрих²⁷, принц

Мекленбургский, губернатор Крейтон, ген. Риман, губернатор Шидловский, генерал-адъютант Иванов и др. Некоторых, продержав день-два, освобождали.

Керенский заходил еще несколько раз и всегда старался блеснуть перед нами своим красноречием, но, в общем, содержание его речей ничем не отличалось от его первых разглагольствований и интереса не представляло. В один из приходов он вызвал меня в отдельное помещение и начал такого рода разговор: «Мне доподлинно известно, что вы принимали участие в расстановке пулеметов и, стало быть, виновны в пролитии крови народа». Я ему ответил, что такое обвинение, безусловно отрицаю, но что пулеметы действительно стреляли, чему был сам свидетелем, когда проходил по улицам города 28 февраля и 1 марта. Тогда Керенский мне заявил: «У нас есть свидетели, которые дают показания против вас». - «Кто же эти свидетели?» - «Кто они, я вам не скажу, но дело будет расследовано». - «Вот об этом я вас и прошу, и когда вы расследуете, то вы и узнаете, что пулеметы ставили рабочие» - «Ну уж этого вы мне не говорите, это басни», - сказал Керенский и спросил меня: «Правда ли, что существовал ход под Невою из Охранного отделения в Зимний дворец? Я приказал минной роте проверить это на месте». Я ему на это ответил, что до сих пор о существовании такого подземного хода не знал, но что при содействии минной роты, возможно, его и сделать. Керенский обозлился и сказал: «Если вы будете так отвечать, то нам не о чем больше говорить», на что я ответил: «Как вам угодно», - и прибавил: «Обратите внимание на заметку в газете, что в Охранном отделении на крыше нашли радиотелеграф, а в гараже бронированный автомобиль,

так это такая же правда, как и история с подземным ходом». Керенский почему-то сказал: «Ну, это чепуха».

Затем он задал мне еще вопрос: почему я, окончив Академию Генерального штаба, пошел на службу в Отдельный корпус жандармов, и когда я ему ответил: «По убеждению», то он, окончательно озлившись, стремительно выбежал из комнаты. Больше мне с ним никогда говорить не приходилось. Тотчас же после его ухода мне было объявлено, чтобы я при. готовился к отправлению в Петропавловскую крепость, но почему-то ни в тот день, ни на следующий меня не отправляли. Вскоре выяснилось, что в крепости все помещения уже заняты и ремонтируются новые, в ожидании чего мне пока нужно оставаться в павильоне.

Посещали нас и другие высокие особы, как, например, назначенный прокурором Петроградской судебной палаты социалист-революционер Переверзев, из бывших плохеньких адвокатов, и назначенный главным тюремным инспектором, забыл его фамилию, старый эсеровский партийный работник по партийной кличке «Товарищ Золотые очки». Оба они распинались перед нами о прелестях нового режима и о том рае, который ожидает русский народ, сбросивший позорные оковы монархии. Оба они главным образом старались щегольнуть красотой своих речей и произвести на нас потрясающее впечатление. Комендант Перетц заходил каждый день, говорил целую кучу всяких глупостей, много врал и придирался ко всяким мелочам, лишь бы досадить чем-нибудь арестованным.

Кроме того, арестованных посещали разные солдатские и рабочие делегации с целью удостовериться - налицо ли все арестованные, и посмотреть на тех

людей, которых новая власть объявила врагами народа. Эти посещения были нам весьма неприятны, так как начальство устраивало в таких случаях настоящие представления, вроде посещения публикой паноптикума. Никогда не забуду посещения депутации от гвардейского флотского экипажа. Депутация возглавлялась громадного роста матросом свирепого вида; унтер-офицер Круглов давал разъяснения этому матросу, причем, останавливаясь почти перед каждым арестованным, представлял его, прибавляя в виде характеристики этого лица, какой-либо эпитет. Например, представляя Добровольского, добавил: «Министр юстиции, издававший несправедливые законы»; когда Добровольский заметил, что министры юстиции вообще не издают законов, то Круглов моментально приложил ему к голове браунинг. Представляя генерала Климовича, он добавил: «Градоначальник, мучивший народ». На замечание, сделанное Климовичем, Круглов проделал ту же историю с браунингом и т. д. По окончании матрос сплюнул и сказал: «И это бывшие правители, изверги, мучители? Хороши».

Присылались к нам и фотографы, желавшие делать групповые снимки, очевидно, с целью помещения в русские и иностранные журналы с соответствующими подписями, но мы все от этой чести уклонялись.

Посещал нас и старый революционер В. Л. Бурцев, который главным образом был озабочен тем, чтобы путем разговоров со мной и другими жандармскими офицерами постараться выяснить тех секретных наших сотрудников, о которых по материалам, уцелевшим от разгрома учреждений, собрать сведений еще не удалось. В разговоре лично со мной он задавал вопросы, называя клички сотрудников, с просьбой указать, кто именно

скрывается под тем или иным псевдонимом. Я его любопытства не удовлетворил, отговариваясь тем, что не помню, а многих из них даже не знаю настоящих фамилий. В то же время Бурцев просил меня написать ему мое личное мнение о русской революции и прислать ему на квартиру. В этом я также ему отказал, прекрасно понимая, что это ему нужно для помещения в русской и иностранной печати и, пожалуй, еще с его личными выводами и нежелательными комментариями.

Бурцев тогда уже произвел на меня впечатление ограниченного человека, идеей фикс которого были разоблачения так называемых им политических провокаторов. Нужно сказать, что ни к одной из политических партий он сам не принадлежал, но, как старый революционер, много потерпевший, в глазах социалистов, от царского режима, и как ненавидевший всеми силами души монархический строй вообще, пользовался в первые дни революции большой популярностью и уважением новой власти. Ему была поручена на первых порах разборка уцелевших материалов Охранного отделения и, кроме того, он стал издавать журнал «Былое», субсидируемый Временным правительством. Большую часть своей жизни Бурцев провел за границей в качестве политического эмигранта и только за два года до революции с разрешения министра внутренних дел вернулся в Россию. Сначала он жил в Твери, а потом вследствие поданного им прошения о необходимости пользоваться для своих литературных работ публичной библиотекой, ему было разрешено жить в Петрограде, куда он переехал и поселился в Балабинской гостинице на Знаменской площади. Сначала по распоряжению Департамента полиции за ним установлено было наружное наблюдение, но как только

все его связи были выяснены, таковое было снято, ибо Бурцев никакой опасности не представлял. Давно было известно, что это старый маньяк-разоблачитель, да и то не всегда удачный. Однако установленное в первые дни пребывания Бурцева в Петрограде наблюдение сделало то, что он положительно заболел манией преследования. Заметив за собой наблюдение, он бросался на совершенно посторонних людей, звал их в полицейский участок записывал номера заподозренных им извозчиков и вообще производил впечатление ненормального.

В своих разоблачениях Бурцев часто делал ошибки, обвинял ни в чем не повинных людей и оправдывая действительных провокаторов. По душе это был доброжелательный человек, легковверный, но недалекий. Посещая павильон, он старался всех арестованных утешить и, как человек, не отдающий себе отчета в том, что с падением монархии Россия покатится в бездну, старался уверить, что теперь всем будет хорошо и наступают положительно райские дни. Некоторым арестованным Бурцев стал явно покровительствовать и добился их освобождения под свое поручительство. Часть освобожденных в очень скором времени вновь была заключена под стражу, а Бурцев был отставлен от разбирательства дел Охранного отделения, каковая обязанность была возложена на некоего Колонтаева.

Жизнь наша шла монотонно: читали газеты, обменивались мнениями. Некоторое разнообразие вносили вновь прибывающие арестованные и появления высоких гостей, о которых я уже упоминал. Были кое-какие эксцессы. Например, был такой случай: в числе арестованных находился директор Морского кадетского корпуса вице-адмирал Карцев, который с первого дня своего ареста стал обнаруживать признаки сильного

расстройства нервов. Однажды в 4 часа утра он вскочил со своего кресла, в котором спал, и бросился на часового с намерением выхватить у него винтовку. Тогда другой часовой выстрелил и пробил ему пулей плечо на вылет. Третий часовой выстрелом легко ранил в шею полковника Пиранга, а четвертый в то же время стал стрелять в другой комнате, но никого не задел. На выстрелы вбежал унтер-офицер Круглов с браунингом в одной руке и свистком во рту, и только потому, что все арестованные, разбуженные шумом борьбы и стрельбой, оставались в полном спокойствии, они избегли смертельной опасности. Унтер-офицер Круглов нам потом сознался, что если бы только мы вскочили или кто-либо из нас вмешался в это дело, то он бы свистнул и, согласно ранее отданному приказанию, по этому сигналу нас всех солдаты должны были перестрелять. Карцева солдаты оттащили от часового и передали двум явившимся на крики санитарам. Оказалось, что на него нашел припадок острого умопомешательства, и он имел намерение, вырвав винтовку из рук часового, покончить самоубийством. Когда ему перевязывали рану, он обманул бдительность санитаров и вторично сделал попытку броситься на часового, но успел только, наклонив штык ружья к себе, легко ранить себя в грудь до самого утра он безумно кричал, но, наконец, его одели и куда-то увели.

Были случаи стрельбы в окна наружными часовыми, но мы на это почти не обращали внимания - привыкли.

Прошло почти три недели, и ни одному из арестованных пока никаких обвинений не предъявлялось, и никто не был допрошен, так что мы недоумевали:

зачем нас, собственно, держать в заключении и какова будет наша дальнейшая судьба.

Наконец, 23 марта мне и еще пяти лицам приказано было собраться для отправки нас в Выборгскую тюрьму, или иначе «Кресты». Самая перевозка была обставлена весьма помпезно. В маленький автобус было посажено вместе с вещами шесть арестованных и два вооруженных солдата, двое солдат стали на подножку заднего входа, двое поместились на крыльях автобуса и двое на крыше. Для того же, чтобы продлить путь и показать публике, как перевозят важных преступников, нас не повезли просто по Шпалерной к Литейному мосту, а сделали значительный крюк по Кирочной.

Глава II

Устройство Выборгской тюрьмы.

-Хирургическое отделение тюремного лазарета. -Состав арестованных и условия содержания. -День арестованного. - Медицинская помощь. -Свидания. - Начальник тюрьмы. - Следователи. -Чрезвычайная комиссия Муравьева. - Частичные освобождения. - Налет на тюрьму. - Перевод в одиночные камеры. - Внутренний распорядок и выборное начальство. -Разговор с Переверзевым. -Перевод на гауптвахту.

Тюрьма «Кресты» находится за Литейным мостом на Выборгской стороне, на самом берегу Невы. Свое название она получила потому, что каждый ее каменный трехэтажный корпус, которых три, построен в виде креста. В каждом корпусе свыше 100 одиночных камер; внутренняя система устройства и расположения камер - новейшая, американская. Каждая камера имеет окно

наружу и дверь во внутренний коридор, который идет во всю длину здания, снизу до самой крыши; двери камер верхних этажей выходят на балконные галереи, тянущиеся вдоль всего коридора; галереи этажей соединяются между собой внутренними лестницами. По углам здания в каждом этаже - уборные. Если стать в центре здания при пересечении коридоров, то сразу видны все галереи всех этажей, а потому такое устройство не требует большого количества внутренней стражи. Кроме главных корпусов, на территории тюрьмы находились отдельные флигели лазарета и хозяйственных построек. Вся усадьба тюрьмы обнесена высокой каменной стеной.

Во время Февральского переворота тюрьма была разгромлена при освобождении арестантов. Одиночные камеры спешно ремонтировались, так как они были без отопления, без света, без воды. Кажется, один только корпус уцелел, но он уже был до отказа заполнен клиентами Временного правительства, а потому нашу партию, по соблюдении всех формальностей в канцелярии тюрьмы, отправили в отдельный флигель, именно - хирургическое отделение тюремного лазарета.

Этот отдельный флигель состоял из двух этажей и имел один наружный вход. Вдоль наружной стены каждого этажа проходил довольно широкий, светлый коридор, из которого вели двери в палаты, обращенные в камеры для арестованных. Всего было в каждом этаже пять камер, караульное помещение, кухня и уборная. Нашу партию поместили в нижнем этаже, в самой большой комнате, выходящей окнами на тюремный двор. Эта комната была рассчитана на 10 человек больных, теперь же здесь помещалось 56 человек, причем кроватей оставалось 10 с тремя тюфяками всего. 10

счастливец помещались на кроватях, а остальные-где кто выбрал место на полу. Публика здесь была самая разношерстная: генералы, чины полиции, жандармы, городовые, строевые офицеры, журналисты, частные лица и т. д. Рядом с нами занимали камеру каторжане, Бог весть почему вновь посаженные после февральского общего освобождения. Далее камеры занимали: мальчишки - мелкие воришки, карманщики, а далее вперемешку - уголовные и политические. В верхнем этаже приблизительно такой же состав. Весь флигель был переполнен сверх всякого комплекта. В нашей комнате было чрезвычайно душно и так тесно, что ночью площадь пола не вмещала всех лежа; некоторым приходилось спать в сидячем положении.

Внутренний режим здесь был легче, чем в Государственной думе, но зато гигиенические условия чрезвычайно тяжелы: вследствие переполнения - нехватка воздуха и ужасная грязь. Караул ежедневно выставлял лейб-гвардии Московский полк, настроенный весьма революционно, но [он] не стеснял арестованных. В камерах часовых не было, караульные посты находились только снаружи в коридоре и допускалась даже известная свобода - двери камер, выходящие в коридор, не закрывались, так что можно было выходить из камер в коридор, заходить в соседние камеры и в верхний этаж. Но, с другой стороны, это было и неприятно в смысле постоянного общения с уголовными» День проходил таким образом: вставали в 6 часов утра, умывались в уборной или кухне, получали кипяток для утреннего завтрака. Затем каждая камера делала у себя уборку, что лежало на обязанности дежурного по камере. Коридор, кухню и уборную приводили в порядок каждая камера по очереди (эту работу за нас делали уголовные,

за условленную плату). Затем проистекла общая прогулка на дворе, где под наблюдением часовых все должны были полчаса гулять, не разговаривая друг с друга.

12 часов приносился обед: первое блюдо - ведро с горячей водой, в которой плавала нечищенная протухшая селедка или капуста, в второе - недоваренная чечевица. Весьма понятно, что этой пищи почти никто есть не мог. Питались или только одним черным хлебом с чаем, или теми припасами, которые присылались родственниками или знакомыми. В 6 часов приносился ужин, состоящий из жидкой кашицы, но и он почти целиком оставался нетронутым, так как был такого же качества, как и обед. В 9 часов ложились спать, камеры закрывались на ключ.

На случай заболеваний два раза в неделю заходил какой-то фельдшер, который от всех болезней прописывал одни те же порошки. Врач посетил нас только один раз - психиатр по специальности и социалист-революционер по партийности. Говорил он исключительно о завоеваниях революции, а не о врачебной помощи недомогающим.

Арестованные проводили время в разговорах, в чтении газет, которые разрешалось покупать через надзирателей, и в прогулках по коридору. Некоторые вступали в разговоры с солдатами караула, а были и такие, как Владимир Григорьевич Орлов, старший член Союза русского народа, который среди солдат начал вести монархическую пропаганду и частично даже имея успех.

Арестованным разрешалось иметь свидания с родственниками и знакомыми, для чего арестованные

под конвоем приводились в канцелярию тюрьмы, где имелось особое помещение, приспособленное для свиданий. Оно было устроено так, как устраиваются зверинцы. Публика, пришедшая на свидание, впускалась в середину зала, а арестованные занимали кабинки вдоль всех стен, отгороженные от публики двойной железной сеткой. Можно бш разговаривать, но через двойную проволочную сетку ничего нельзя было передать. Продукты и вещи сдавались в канцеляриях где после детального осмотра и даже мелкого изрезывания провизии посылки передавались арестованным. Несмотря на эту тяжелую обстановку, свидания были отрадными минутами каждого заключенного и вносили разнообразие в монотонную жизнь.

Арестованных посещали, кроме того, разные лица и депутации. Часто заходил начальник тюрьмы прапорщик Попов. Он относился к нам весьма корректно и даже проявлял некоторую заботливость. Про себя он говорил, что принадлежит к Союзу офицеров-республиканцев. Впоследствии этот самый Попов играл довольно видную роль у большевиков, будучи назначен комиссаром Московской конторы Государственного банка. Посещал нас здесь и Бурцев и опять заводил все ту же шарманку о прелестях революции и будущем для всех рае. Под его поручительство были освобождены из Крестов генерал Герасимов и С. Е. Виссарионов, но, как потом стало известно, они вновь были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. От разбора дел Охранного отделения Бурцев после этого был устранен и эта работа была поручена некоему Колонтаеву, молодому человеку, отличившемуся, по его словам, в первые дни революции. Этот господин довольно часто нас посещал, вызывая для допросов то меня, то кого-либо из моих бывших

помощников. Первое время он очень был занят выяснением вопроса о расстановке пулеметов. обвиняя, так же, как и Керенский, в этом меня. Но вскоре этот вопрос был оставлен, так как господа следователи поняли, что к расстановке пулеметов ни я, ни кто другой не причастны, а пулеметы, как я и раньше утверждал, были расставлены самими рабочими. После этого Колонтаев стал добиваться разоблачения секретных сотрудников, но и здесь его постигла неудача, он ничего не добился. Немало трудов и изобретательности он потратил, чтобы раскрыть какие-либо злоупотребления Охранного отделения, но, проработав над этим почти полгода, ничего не открыл. В сентябре миссия его закончилась бесплодно, и дом Охранного отделения был предоставлен для суда над малолетними преступниками.

Кроме Колонтаева, навещали нас и другие лица, снабженные удостоверениями прокурора судебной палаты в качестве следователей. Эти последние главным образом собирали разные статистические сведения и справки по разным делам. Большая их часть из бывших присяжных поверенных, но были также среди них ничего общего с этим сословием не имеющие и женщины.

Настойчивым желанием всех нас, заключенных, было узнать, в чем, собственно, мы обвиняемся, а потому мы требовали, чтобы нас допросили и предъявили нам определенное обвинение. И вот. наконец, всех политических вызвали в канцелярию тюрьмы, куда явились два товарища прокурора из старых, роздали всем бумагу и перья и предложили письменно изложить, что мы делали в революционные дни 27 и 28 февраля - до нашего ареста. Это мало было похоже на допрос, а скорее просто уступка нашему требованию. И действительно, никаких результатов от этих писаний мы

не видели. Перед Пасхой, которая была в начале апреля, некоторых из числа арестованных стали понемногу освобождать в том числе были я чины полиции. Стало дышать легче; в нашей камере осталось не более 25 человек. В это же время по распоряжению Керенского уголовным сократили срок содержания в тюрьме на половину, а тех, кои изъявили желание идти на фронт, и совсем освобождали. Почти все каторжане выразили такое желание. В частных разговорах впоследствии они нам говорили: «Что же мы, Дураки? Пойдем сражаться; обмундируемся, подкормимся, - а там с первой же станции разбежимся». Политическим такого права не предоставлялось.

К тому же приблизительно времени была создана знаменитая «Чрезвычайная комиссия» 30 по расследованию злоупотребления сановников царского режима под председательством присяжного поверенного Муравьева. Эта ЧК функционировала в течение всего периода Временного правительства, состояла из многочисленного служебного персонала, занимала огромное помещение в Зимнем дворце, но ни одного дела за время своего существования не закончила.

После Пасхи меня стали довольно часто тягать в ЧК для дачи показаний по разным делам. Доставляли меня туда обыкновенно под конвоем двух солдат, так что приходилось идти пешком от тюрьмы до Зимнего дворца. Допросы заключались в исследовании моей работы по ликвидации той или другой группы, расспрашивали по делам министров, о Распутине и т. п. При допросах, кроме следователя, присутствовали какие-то милостивые государи, которые вели свои заметки. Полагаю, что это были журналисты или социалисты той или другой партии, интересовавшиеся главным образом моими

секретными сотрудниками. Следователями комиссии были большей частью старые участковые следователи или лица прокурорского надзора из левых, ставшие верными слугами новой власти. Из всех этих допросов видно было одно: комиссия желала напасть на какие-либо злоупотребления, не находила их, бродила в потемках, а потому хваталась буквально за все. Например, странно было, что бывший прокурор Орловского окружного суда Завадский, допрашивая меня по делу бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, задавал мне вопросы о том, не знаю ли я, где те полтора миллиона рублей, которые были через кредитную канцелярию выданы Хвостову по личному повелению Государя Императора. Я выразил полное недоумение по поводу такого вопроса, так как даже и самый факт получения этих денег Хвостовым мне не был известен, а равно на какую цель эти деньги были предназначены. Мало того, Завадский задает следующий вопрос: не передал ли Хвостов ЭТИ деньги на хранение мне и нет ли у меня сейфа в одном из банков. На это я мог ему только ответить, что я не родственник Хвостова, что в служебном отношении между нами была большая дистанция и что сейфа у меня нет, а впрочем, если ему угодно, то он может это проверить. Вот до какой ерунды мог договориться бывший прокурор.

Хождение на допросы было только в том отношении приятным, что можно было подышать не тюремным воздухом, а это вносило большое разнообразие в скучный тюремный режим.

После Пасхи, согласно, распоряжению тюремного начальства, нас должны были перевести в одиночные камеры, или, как их называли, одиночки, которые уже были отремонтированы, но тут произошел инцидент,

который заслуживает, чтобы о нем упомянуть. Это было 11 апреля. Около 7 часов вечера послышался сильный шум во дворе, затем крики и бряцание оружия в коридоре, после чего дверь нашей камеры открылась настежь и в камеру ворвалась ватага пьяных, диких людей. Впереди был, как потом оказалось, комиссар милиции местного района, молодой человек кавказского типа, с кинжалом в зубах, с браунингом и маузером в руках, перепоясанный патронными лентами. За ним человек 20 самой разношерстной компании: здесь были и солдаты, и рабочие, и бродяги; все это галдело и угрожало, так что сначала нельзя было понять, чего они хотят. Наконец из слов комиссара выяснилось, что они требовали сдачи оружия. Естественно, что мы никакого оружия сдать не могли, так как у нас, как у арестованных, его и не было. Однако одному из нас пришла мысль, что, может быть, небольшой перочинный нож, имевшийся у него, тоже считается оружием, и он предъявил его комиссару, чем фривольно свел всю эту историю в шутку. Тем не менее комиссар поставил вопрос на голосование: считать ли перочинный ножик оружием. Товарищи милостиво решили оставить его для резки хлеба. Затем приступлено было к обыску; все было перевернуто, перепорчено; обнаруженные в камере три тюфяка на 25 человек были признаны излишней роскошью, и пьяная ватага, изругавши всех площадной бранью, наконец, удалась проделывать то же самое в других камерах. Вскоре шум затих, но не пропью и 10 минут, как к нам ввалилась новая ватага пьяных людей. На этот раз уже комиссара с ними не было, и состояла она преимущественно из солдат. Они уже не требовали сдачи оружия, а с места начали производить обыск. Найдя у кого-то чайное печенье, заявили, что нам ничего

не полагается в пищу, кроме черного хлеба и кипятка. По окончании обыска все были сбиты в кучу в одном из углов камеры, и солдаты, направив на нас штыки ружей, потребовали, чтобы вышел вперед генерал Риман; Риман вышел. Тогда началось голосование - что с ним сделать: повесить или расстрелять. И вот готовы уже были привести в исполнение свое постановление, как из их же среды раздался голос одного солдата: «Товарищи, он в Семеновском полку, я помню, был хороший». Это сразу изменило общее настроение, раздались голоса: «Ну, черт с ним, товарищи, пойдём». И действительно, вся компания ушла для новых безобразий в другие камеры. Наконец, около 9 часов, когда мы уже несколько успокоились от пережитого и улеглись на ночлег, явилась третья компания, где уже преобладали матросы и рабочие, но, к нашему счастью, с ними пришел и начальник тюрьмы Попов, который насколько возможно их успокоил, так что они удовлетворялись только производством обыска и удалились.

Мы никак не могли понять причины этих налетов в течение двух часов, но, наконец, все объяснилось. Кто-то по телефону провокационно сообщил в лейб-гвардии Московский полк о том, что в Крестах происходит бунт; будто бы политические арестованные обезоружили караул и разбегаются. Этого было достаточно, чтобы через несколько минут перед тюрьмой собралось 6000 рабочих и солдат, захвативших с собой даже пулеметы и орудия. Сперва все это войско решило взять приступом тюрьму, но когда начальник тюрьмы к ним вышел и объяснил, что все эти сообщения провокационны, то решено было ограничиться выбором трех делегаций, которые должны были обойти все тюремные здания и дать отчет собравшимся около тюрьмы. Это и было

выполнено в той дикой форме налетов, которые я только что описал.

В тюрьме мы следили по газетам (разрешено было покупать) за политикой Временного правительства и за общественными настроениями. Из сопоставления этих сведений, характера только что описанных эксцессов и тех сведений, которые сообщали нам мои бывшие сотрудники, попавшие также в Кресты, как так называемые «провокаторы», имевшие связь с внешним миром, становилось очевидным, что власть Временного правительства долго не продержится и близко то время, когда она будет вырвана большевиками. Особенно это стало ясно, когда Керенским был провозглашен лозунг «углубления революции» и Временное правительство начало быстрым темпом разрушать старый административный аппарат, не создавая ничего нового взамен.

В середине апреля нам приказано было перейти в одиночные камеры первого тюремного корпуса. Нас, политических, поместили в верхней галерее одного из крыльев здания. Так как все-таки одиночных камер не хватало на всех, то в некоторых поместилось по двое. Мне лично пришлось разделять дальнейшее заключение с одним из моих бывших помощников ротмистром М. Т. Будницким, что меня крайне обрадовало, ибо можно было обмениваться мыслями, избавляясь от тоскливого одиночного сидения. Правда, это продолжалось только две недели, а потом я остался один, так как моей компаньон был освобожден из-под стражи.

Одиночная камера представляет из себя комнатку в 4 шага длины и 3 ширины. Потолок сводчатый, и если поднять руку, то до него [можно] достать; в лицевой

стене, в глубокой амбразуре у самого потолка находится маленькое, заделанное решеткой окно. Меблировка состоит из нар с тюфяком, столика и табурета; в углу умывальник и параша. Если поставить две узкие нары, то остается весьма незначительный между ними проход. В двери имеются форточка для подачи пищи и глазок, через который снаружи видна вся внутренность камеры. Заключение все время проводит сидя или лежа, ибо ходить - места не имеется. Режим в одиночках следующий: в 6 утра все встают, камеры открываются, арестованные выпускаются на галерею и в уборную, а камеры убираются и проветриваются. Это продолжается 10 минут. Затем арестованные вновь закрываются в свои камеры и через форточку получают кипяток и хлеб на целый день. В 9 часов выводят на прогулку на тюремный двор. Прогулка продолжается четверть часа, максимум 20 минут, под усиленным конвоем. В 12 часов обед того же качества, как уже было описано, а в 6 часов ужин. После ужина опять выпуск на 10 минут для вечерней уборки, и в 9 часов огни тушатся.

В каждой галерее арестованные выбирают своего старосту и его помощника из своей среды. Только политические не имели права выбирать, а на эти должности были назначены тюремным начальством арестанты из числа уголовных. Например, у нас старостой был старый каторжник, а его помощником молодой подследственный грабитель - «кассолом». Оба они являлись посредниками для разговоров с начальством по выдаче книг из тюремной библиотеки, покупке газет, съестных припасов и т. п. При этих операциях они, конечно, на все накидывали порядочный процент в свою пользу и таким образом наживались за счет арестованных.

Несмотря на неоднократные наши требования о предъявлении каких-либо обвинений и о допросе, никаких по этому поводу распоряжений не было, и нужно было прийти к заключению, что нас держат просто в порядке революции и совершенно незаконно, тем более что каждому из нас был предъявлен закон Временного правительства, гласящий, что арестованному в течение 24 часов должно быть предъявлено обвинение, иначе арестованный должен быть освобожден. Изредка присылали каких-то следователей, которые наскоро опрашивали - по порядку всех, и политических и уголовных, но эти опросы имели скорее характер анкеты.

Так я пробыл в одиночном заключении месяц. Наконец в июне меня вызвали на разговор с вновь назначенным министром юстиции П. Н. Переверзевым в одну из нижних свободных комнат. Как оказалось, Переверзев имел в виду если не прибегнуть к моей помощи, то просить совета, как новой власти бороться с все развивающимся анархизмом в столице. Действительно, судя по газете, там, анархическое движение росло, а власть с ним справиться не могла. Анархисты [завладели] дачей Дурново и домом за Московской заставой, где устроили свои штабы, и постоянными налетами и грабежами держали в терроре население Петрограда. На вопрос Переверзева, как бы я боролся с этим явлением, я ответил: «Так как до переворота все анархические группы своевременно ликвидировались и участники их были рассажены по тюрьмам, то несомненно, что, когда они были освобождены в порядке революции, они и составили первые анархические ячейки; поэтому необходимо, если не все дела Охранного отделения уничтожены, выбрать их имена и фамилии из дел, установить их адреса и всех

ликвидировать; потом, дополнительно, приобретя внутреннюю агентуру и поручив-дело хорошему судебному следователю, вести дальнейшее наблюдение и разработку, для окончательной ликвидации. Практика указала, что анархисты очень близки по своей психологии к обыкновенным уголовным преступникам и охотно дают откровенные показания». На это Переверзев заявил, что новая власть не может прибегать к недостойным приемам царского времени, то есть к внутренней агентуре. Услышав это, я пришел к заключению, что мы не можем говорить с ним на одном языке, и что Переверзев обнаруживает полную тупость и непонимание в данном вопросе. Однако я его все-таки спросил: какими же способами вы можете узнать, что замышляют ваши политические противники и в чем заключается их деятельность. Переверзев ответил: «Благодаря молве, слухам и анонимным доносам». - «В таком случае я вас поздравляю, - ответил я ему, - вы наполните тюрьмы невиновными, а главари с вами быстро справятся; хорошо, если 0,1% анонимных доносов оправдывается». Тем не менее, уходя, Переверзев заявил мне, что меня свезут в Охранное отделение, где я должен буду сделать выборку анархистов, и за эту помощь мне будет облегчен режим тем, что меня переведут в другое место заключения.

Глава III

Гауптвахта.

- Внутренний режим. - Комендант и караульная служба. - Состав арестованных. - Кронштадтские моряки. - Июльские выступления большевиков. - Следствие по делу выступления большевиков. - Изменение Закона о

содержании политических арестованных. - Предъявление обвинения в превышении власти. - Освобождение.

Действительно, дня через два или три меня перевели на гауптвахту, устроенную в бывшем помещении штаба Отдельного корпуса жандармов на Фурштадтской улице, № 40. Арестованные занимали третий этаж дома, где раньше была квартира начальника штаба. Всего здесь было 10 комнат, из которых самая большая была обращена в приемную для свиданий и она же служила столовой; в двух комнатах помещались отдельно А. А. Вырубова и бывший военный министр генерал Беляев, как больные. Остальные семь комнат представляли из себя камеры для арестованных, каждая на 5-6 человек. Режим здесь был весьма легок и условия содержания человеческие. Пища готовилась на арестованных и на караул одинаковая, а потому была вполне доброкачественной.

Средний этаж здания был занят Советом металлистов, а нижний - комендантом и караулом.

В должности коменданта состоял молодой прапорщик Наджаров, очень глупый грузин, хваставшийся прочностью своего положения потому, что, по его словам, он был личным адъютантом министра юстиции. Арестованные ему дали за его остроумие и грузинское происхождение кличку «барашка». Его занятия заключались главным образом в спекуляциях лошадьми и продовольствием, и видно, что по этой части он был не промах. Подозрения о его денежной нечистоплотности впоследствии блестяще оправдались - за злоупотребления по службе и кражу 35 тыс. рублей из денежного ящика бывшего Отдельного корпуса жандармов, порученного его охране, он был арестован и

заклучен в тюрму, а на его место был назначен другой комендант.

Караульная служба неслась из рук вон плохо и небрежно. Один часовой (наружный) стоял у подъезда, а другой (внутренний) в столовой. Во время прогулки по двору часовых не выставляли. Двор одной стороной выходил на Воскресенский проспект и отделялся от него не особенно высоким деревянным забором, у которого были сложены заготовленные на зиму дрова. Внутренний часовой часто оставлял свою винтовку в углу комнаты, а сам уходил; ночью же винтовка всегда стояла в углу, а часовой спал на клеенчатой кушетке. При такой постановке караульной службы, да если еще прибавить к тому, что проверка наличности арестованных почти не производилась, бежать можно было совершенно свободно, и нужно только удивляться, что этого ни разу не случилось.

Состав арестованных здесь был, если можно так выразиться, привилегированный: главным образом офицеры и чиновники. Много было переведенных из других мест заключения, которым, как и мне, нашли возможным облегчить режим. Так, здесь я встретил генерала Хабалова, генерала Беляева, А. А. Вырубову, генерала Комиссарова, бывшего министра юстиции Добровольского, доктора Дубровина, градоначальника генерала Балка, генерала Вендорфа и др. Кроме того почти ежедневно сюда доставляли новых арестованных как из других мест заключения, так и с воли.

В начале июня почти всех чинов полиции и Отдельного корпуса жандармов освободили, и потому в камерах оказалось много свободных мест. Но вскоре начались народные суды над кронштадтскими моряками,

и гауптвахта стала опять заполняться новыми клиентами, большей частью морскими офицерами из Кронштадта. В общем было доставлено оттуда до ста человек, которых разместили по 12-15 человек в каждой комнате. Обвинения им были предъявлены самые нелепые: одни обвинялись в том, что были слишком строги к матросам, другие в том, что слишком много времени посвящали обучению матросов. Был, например, один мичман, который отсидел в тюрьме четыре месяца только за то, что когда узнал о назначении Гучкова морским министром, то позволил себе сказать: «Ну какой же он моряк, море видел он, вероятно, только во сне». В течение июня всех морских офицеров постепенно поосвобождали.

В начале июля арестованным пришлось пережить довольно жуткие дни, а именно, 3-5 июля - во время выступления большевиков. С раннего утра 3 июля по Фурштадтской улице к Таврическому дворцу началось движение настроенных большевистски войсковых частей и толп вооруженных рабочих. Все это проходило мимо окон нашего дома, и мы имели возможность наблюдать движение. По общему виду движущихся в полной тишине заметно было их сильное волнение, неуверенность и даже трусость, подбадривающая себя кричащими плакатами и чрезмерным вооружением; казалось, достаточно одного-двух выстрелов, чтобы все это воинство побежало. Но этого не случилось, движение продолжалось, медленное, опасливое, с оглядкой на окна и двери проходимых домов, с винтовками наперевес. К вечеру началось большее оживление, сопровождавшееся движением броневиков, ружейной перестрелкой и отдаленной трескотней пулеметов.

Наш комендант совершенно растерялся и на вопросы арестованных, в чем дело, ответил, что готовится переворот и он не рассчитывает на подчиненный ему караул, настроенный большевистски. Мы поняли, что он бросит нас на произвол судьбы и сам сбежит или перейдет вместе с караулом на сторону большевиков. Весь день 4 июля продолжалось весьма тревожное состояние и комендант не показывался. 5 июля, по-видимому, все кончилось, комендант вновь появился у нас и заявил, что большевики ликвидированы. Действительно, в тот же день на гауптвахту доставлено было несколько новых арестованных большевиков и посажено в отдельную комнату. Они держали себя обособленно, но на расспросы охотно отвечали и старались агитировать других арестованных. По прошествии нескольких дней все они были освобождены.

После большевистского выступления Временным правительством была создана особая чрезвычайная комиссия для обследования этого выступления. В начале августа ко мне явился судебный следователь из этой комиссии с целью допроса в качестве свидетеля по этому делу. Вполне понятно, что я выразил ему мое полное недоумение по этому поводу, как я могу быть свидетелем заговора большевиков, когда содержусь уже пять месяцев под стражей. Оказывается, что Керенский и вся его клика решили придать выступлению большевиков характер контрреволюции, связав его с бывшим царским правительством и монархическими кругами, которых, кстати сказать, в то время и не было. Между прочим мне был задан вопрос, правда ли, что Ленин был секретным сотрудником Охранного отделения, на что я ответил, что, к сожалению, он таковым не был. Последовал второй

вопрос; «Но ведь Ленин во время войны приезжал в Петербург и виделся с вами». На это я ответил, что если бы Ленин приехал, то, конечно, был бы арестован, тем более что во время войны только большевики проявляли кое-какую жизненность, чего нельзя сказать о других революционных партиях. Тогда последовал вопрос: «Если Ленин не был сотрудником Охранного отделения, то, может быть, он был сотрудником Департамента полиции?» На это я ответил, что может быть - сотрудники Департамента полиции мне неизвестны; но я лично не думаю, чтобы Ленин был таковым³².

Этот следователь впоследствии неоднократно возвращался к тем же вопросам и вызывал меня в комиссию даже после моего освобождения из-под стражи, проявляя особый интерес к пораженческому движению среди рабочих и наших политических эмигрантских групп во время войны. Комиссия никаких решений по делу выступления большевиков 3-5 июля так и не вынесла, так как действия ее сами собой прекратились вместе с октябрьским переворотом.

Ввиду настойчивых требований со стороны арестованных о предъявлении им обвинений и объяснении причин содержания под стражей министр юстиции Переверзев придумал новый закон о «внесудебных арестах», который был скопирован главным образом с старого положения 1881 г. о Государственной охране, но с весьма неудачными добавлениями и поправками. Трудно вообще было сообразить, к кому этот закон может быть применим и в каких случаях. Выходило так, что этот закон издан исключительно чтобы оправдать Временное правительство в незаконном содержании под стражей тех лиц, коим невозможно было предъявить каких-либо

обвинении, но коих правительство считало своими врагами. Это и подтвердилось немедленно по обнародовании этого закона. Многим арестованным сейчас же была назначена высшая мера наказания - три месяца содержания в тюрьме, без зачета того времени, которое было проведено под стражей до издания закона.

Я под этот закон не попал; очевидно, мое преступление считалось более тяжким, а потому прокурором Петроградской судебной палаты Каринским было предписано судебному следователю по особо важным делам Ставровскому привлечь меня к судебной ответственности по 2 ч. 342 ст. Уложения о наказаниях, то есть по обвинению в превышении или бездействии власти. Сущность обвинения заключалась в том, что я якобы незаконно пользовался услугами секретных сотрудников, или, как их теперь называли «провокаторов». В виде материала было приложено дело «Вестника Временного правительства», в которых было опубликовано 152 разоблаченные сотрудника. Судебный следователь Ставровский, получивший вышеупомянутый материал, состава, преступления не нашел, о чем мне объявил и попросил меня по этому вопросу свидетельское показание, что и было мной исполнено. Я показал, что вея борьбу с революционным движением по долгу службы и в этой борьбе как средством пользовался секретной агентурой, что нисколько не противоречит закону и. кроме того этот метод работы правительством был введен в систему повсеместно уже десятки лет тому назад. Затем, если б я не пользовался секретной агентурой, то есть не имел секретных сотрудников то действительно мог бы обвиняться в преступлении, предусмотренном 2 ч. 342 ст. Уложения о наказаниях, то есть в бездействии власти. На этом Ставровский

закончил следствие, составив постановление о прекращении дела и освобождении меня из-под стражи.

Через день, на основании предложения судебного следователя Ставровского коменданту гауптвахты, я был освобожден. Но мое освобождение, как я потом узнал, вызвало сильное неудовольствие Карийского и Переверзева, и Ставровский, отказавшийся меня обвинять, вынужден был выйти в отставку.

Итак, пробывши почти полгода в заключении, я вновь очутился на свободе.

Глава IV

Устройство личных дел.

- Зачисление резерв чинов штаба Петроградского военного округа. - Углубление революции - Анархия. - Наружный вид Петрограда. - Большевики. - Настроения обывателя. - Саботаж. - Штаб округа. - Ликвидация резерва. - Действия центральной власти. - Учреждение Чека. - Первоначальная система работы. - Офицерство. - Контрреволюционные восстания. - Убийство Урицкого. - Повальные обыски и аресты. - Тяга на Юг России и Украину. - Мое бегство в Киев.

Первым делом было устроить свои личные дела, на что пришлось потратить недели две. От бывшей моей квартиры ничего не осталось. Все вещи, до самых мелочей, были разграблены и разворованы, а чего нельзя было унести из-за громоздкое и, то было разбито, испорчено, изгажено и обращено было в пользу караула, занимавшего мою бывшую квартиру. Пришлось устраиваться кое-как заново.

Ввиду того, что я никакими приказами Временного правительства увольняем со службы не был, я зачислился в резерв штаба Петроградского военного округа, где мне пришлось пробыть до декабря 1917 г., когда весь резерв большевиками был упразднен и все чины его за переходом предельного возраста (по точному выражению приказа) были уволены от военной службы.

Жалкое зрелище представлял из себя некогда блестящий и строгий штаб Петроградского военного округа. Личный состав служащих, особенно писарей и мелких чиновников, обнаглел до последней степени. Порядка и дисциплины никакой; каждый, кто хотел, особенно из солдат или лиц гражданских, входил куда угодно без доклада, лазил в шкафы, рассматривал даже самую секретную переписку - без малейшего сопротивления чинов штаба. Генералы и штаб-офицеры третировались писарями без стеснения. Особенно одиозное отношение было к чинам резерва из бывших жандармских и, полицейских офицеров. Начальство штаба и сам начальник штаба генерал Баградуни были всецело в руках различных депутатов от разных совдепов и не могли проявить не только инициативы, но даже отдать приказание в пределах предоставленной им законом власти. Ежедневно в штаб толкались сотни народа, из которых значительная часть не имела никакого отношения к военному сословию; это были большей частью какие-то авантюристы, ораторы и агитаторы. Штаб сплошь [и] рядом представлял из себя митинговый клуб. У каждого из высших начальников в кабинете сидел ассистент - солдат-депутат из совдепа.

Численность чинов резерва при штабе была до 5000 человек, абсолютно ничего не делающих, но получающих содержание. Такая значительная цифра резерва

объяснялась разложением фронта и бегством командного состава в тыл. Временное правительство что-то хотело сделать, чтобы избавиться от этого нароста не только в Петрограде, но и в других тыловых военных округах, но так ничего в этом отношении и не придумало.

В это время я ничем не занимался и только со стороны наблюдал за настроением населения и той работой, которую вели большевики, чтобы окончательно свалить неспособное к управлению страной правительство Керенского.

Лозунг, провозглашенный Керенским, - «углублять революцию» - как нельзя больше способствовал этому, и результаты углубления революции сказались очень скоро налицо. Правительство окончательно разложило весь административный аппарат и армию, не создав ровно ничего взамен, а в то же время большевики работали с необыкновенной энергией, открывая подонкам населения новые перспективы свобод, то есть полную безответственность в проявлении грабительских инстинктов и заманчивых обещаний принять участие в управлении страной. Работа эта облегчалась большевикам тем, что они были вкраплены во все правительственные учреждения, а главным образом имели большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов - учреждении, висевшем тяжелым камнем на шее Временного правительства. Идейные главари большевизма, которые после июльского выступления были освобождены Керенским из тюрем., ибо ему не позволяла его социалистическая совесть содержать под стражей братьев по духу, скрылись в подполье и руководили оттуда всей подготовкой Октябрьского переворота. Весь сентябрь и октябрь, в сущности, в Петрограде царила анархия. Уголовщина увеличилась до

невозможных размеров. Ежедневно наблюдались грабежи и убийства, не только ночью, но и среди бела дня. Обыватель не мог быть спокоен за безопасность своей жизни. Население, видя, что помощи от существующей номинально власти ожидать нельзя, стало организовываться само. Образовались домовые охраны или обороны на случай нападения на дома грабителей. В каждом доме на ночь выставлялись вооруженные посты. Но и это не помогало, так как грабежи не уменьшались. Внешний вид города был ужасный: Невский проспект представлял из себя грязное огромное торжище; торговал кто чем хотел. Главным образом улицы были заполнены торгующими и жующими семечки солдатами. Все красивые здания - памятники, дворцы - были залеплены плакатами и афишами. Улицы не чистились месяцами. Если ко всему этому прибавить постоянные ружейные выстрелы, раздающиеся то здесь, то там, и пугливо шарахающиеся толпы митингующего на улицах народа, то это будет правдивая картина Петрограда того времени.

Был один момент у обывателя: надежда избавиться от грядущего наступления большевизма - это выступление Корнилова. Все думали, что Керенский поймет опасность, грозящую стране, и пойдет рука об руку с Корниловым против большевиков, но надежда эта не осуществилась. Керенский предал Корнилова и тем самым ускорил как гибель России, так и собственное падение.

24 октября по старому стилю свершился переворот. Правительство Керенского пало; власть взяла в руки партия большевиков под наименованием рабоче-крестьянского правительства.

Я не буду описывать подробностей свершившегося переворота, так как мог его наблюдать только со стороны, но скажу только, что он произошел легче и безболезненнее, чем Февральский. Один день, и дело было, в сущности, кончено. Для меня лично в то время, по существу, решительно все равно было, правит ли Россией Керенский или Ленин. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения обывательской, то я должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение, которое заключалось в том, что новая власть своими решительными действиями против грабителей поставила в более сносные условия жизнь и имущество обывателя. Но, должен оговориться, это было только на первых порах, пока еще не разгорелась сильная борьба нового правительства с саботажем буржуазии, вызванным Партией социалистов-революционеров и кадетов. Русский народ (и даже интеллигентная его часть) до революции совершенно не разбиралась в целях и задачах социалистических партий; можно сказать, что русский народ в общей своей массе был совершенно политически не образован. Как он не знал Керенских, Черновых, Авксентьевых и др., так он не знал и Лениных, Троцких, Нахамкесов и пр., и казалось, что ему совершенно безразлично, кто будет править Россией после монарха - Керенский или Ленин. Поэтому он должен бы был отнестись к Октябрьскому перевороту так же, как и к Февральскому, то есть подчиниться свершившемуся факту, тем более что в первые дни захвата власти большевики сделали меньше ломки в области управления и общественном укладе жизни, чем то было сделано Временным правительством. Почему же несмотря на то, что после Октябрьского переворота

обыватель как бы вздохнул после кошмарного последнего периода правления Керенского, со стороны того же самого обывателя выявилось такое оппозиционное отношение к новой власти Ленина, особенно со стороны интеллигенции и чиновничества? Да потому, что народ, и особенно интеллигентная его часть, были втянуты в сферу партийной борьбы социалистов-революционеров и кадетов с большевиками. Временное правительство было с самых первых дней своего существования под постоянной угрозой большевистского удара и, не имея ни воли, ни желания ликвидировать эту опасность самыми решительными мерами, только раздувало ее в общественном мнении, запугивая общество на словах и в печати, как это делают няньки с маленькими детьми, пугая их всевозможными страхами и чертовщиной. После неудачного июльского выступления большевиков и предательства Керенским Корнилова несознательный обыватель уже считал большевиков чем-то неотразимо ужасным. Вот почему после Октябрьского переворота чиновник, интеллигент и даже известная категория рабочих охотно пошли на саботаж новой власти, подстрекаемые агитацией и посулами партий социалистов-революционеров и кадетов.

Новая власть на первых порах благодаря этому была поставлена в весьма тяжелые условия. Поставив на все ответственные места во всех учреждениях своих комиссаров, она сразу лишилась массы чиновников и служащих, благодаря чему правительственные учреждения, особенно центральные, перестали правильно функционировать. Большевикам пришлось брать на службу кого попало, без всяких специальных знаний и опыта, лишь бы административный аппарат

кое-как действовал. Центральный орган новой власти издавал декрет за декретом, но проводить их в жизнь было чрезвычайно трудно из-за расстройств исполнительного аппарата и саботажа личного состава.

Партия социалистов-революционеров, руководившая главным образом этой забастовкой и саботажем служащего элемента, нанесла сильный удар по советской власти. Ею были организованы особые комитеты, руководившие действиями забастовщиков и поддерживавшие их материально. Социалисты-революционеры полагали покончить таким образом с новой властью в два-три месяца. Но оказалось, что это не так легко. Удар, нанесенный большевикам, вызвал с их стороны сильный отпор в виде ряда репрессивных мер. с чего и началась ожесточенная партийная борьба, в орбиту которой были втянуты и непартийные элементы, главным образом офицерство. Народ относился к этому безучастно и если принимал участие в дальнейших перипетиях гражданской войны на той или другой стороне, то только по принуждению.

У саботажных и забастовочных комитетов для поддержки бастующих-чиновников хватило денег лишь только на полтора месяца, после чего они были брошены на произвол судьбы, и многие из них принуждены были вновь проситься на службу к той власти, которую они бойкотировали.

В штабе Петроградского военного округа на первых порах не произошло каких-либо крупных изменений; правда, начальник-штаба и высшие чины исчезли и были заменены большевиками, но низшие служащие остались все на своих местах. Отношение этих последних к чинам резерва и публике как-то резко изменилось: все стали

необыкновенно вежливы, ровны в отношении всех и даже, скажу, справедливы. Видно было, что перемена в верхах их сильно пришибла и запугала. Со стороны нового высшего начальства заметно было полное недоверие ко всем кадровым офицерам, причем никакого различия между полицией, жандармами, гвардией, армией, не делалось, и даже скажу, что строевое офицерство пользовалось менее всего доверием в глазах большевиков. В ноябре уже началась Гражданская война на Юге России, и офицерство, оставшееся вследствие полного разложения фронта не у дел, потерявшее благодаря большевистским декретам все свои права, естественно тянуло на Юг к Корнилову, где офицерское достоинство и звание уважалось.

С чинами резерва большевики покончили очень скоро. Сначала все чины резерва были лишены содержания и оставлены только на солдатском пайке, а в декабре резерв был расформирован, причем все чины его были уволены совершенно от службы и обращены в обыкновенных граждан Советской республики.

С этого времени и почти до сентября 1918 г., когда мне пришлось бежать из Петрограда на Украину, я уже никакого отношения ни к одному правительственному учреждению не имел и

был простым зрителем того, что происходило. Я не буду описывать того, что каждому известно, из процесса разрушительной работы большевиков во всех отраслях управления и укладе общественной жизни, но я поделюсь с читателем моими взглядами на Некоторые события в процессе этой разрушительной работы.

Советская власть, как я говорил уже, приняла бразды правления от социалистов при весьма тяжелых

условиях. Бандитизм, налеты, грабеж среди дня, обычные явления того времени, даже при власти большевиков, были недопустимы, если это не делалось во имя правящей партии. Между тем многое творилось под флагом разных тайных политических организаций, еще более крайнего направления, нежели стоящая у власти партия большевиков. Особенно развили в это время свою боевую работу группы анархистов-коммунистов. И вот Ленин прибегает к весьма разумному шагу с точки зрения партийной эволюции, он объявляет партию социал-демократов большевиков партией коммунистов, а советскую власть коммунистической. Акт, казалось бы, мало значащий с точки зрения обывательской, но приведший к весьма благим результатам. Этим актом Ленин поглотил все анарха-коммунистические группы и парализовал пропаганду более крайних политических течений, ибо левее некуда было идти. И действительно, О этого времени анархические группы как политические организации исчезают. А между тем, если б за год перед тем кто-либо из Партии большевиков заикнулся бы о коммуне, Ленин его объявил бы чуть ли не изменником и ренегатом. Оградив себя таким образом слева, нужно было поставить барьеры и справа, то есть поразить своего самого страшного врага - эсеров и кадетов, которые еще были очень сильны; поднимали то здесь, то там восстания, стараясь вернуть себе потерянную власть. С-монархическими организациями большевики почти не считались, так как они были малочисленны и действовали пассивно, так сказать, платонически. Так вот, для парализации этой опасности справа учреждается Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Регламентирована она была как государственный

аппарат для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, то есть розыскной политически-уголовный орган, вылившийся впоследствии в карательно-судебный орган и даже просто в застенок. Все провинциальные отделы этого центрального органа имели те же задачи, получали директивы и инструкции из центра и именовались Чека. На первых порах своего создания Чека как розыскные органы были весьма неудовлетворительны, так как, с одной стороны, личный состав их был случайный, из малонадежного элемента, без специальных знаний и опыта, а с другой стороны, техника работы весьма хромала. Вся работа держалась на системе подкупов из противного лагеря, предательстве и самой грубой провокации. И все-таки, несмотря на все это, результаты работы Чека оправдывали их существование. Заговоры и попытки к восстаниям раскрывались один за другим и ликвидировались. Советское правительство тратило на эту борьбу деньги не считая. Оно отлично понимало, что там, где вопрос касается сохранения своей власти и борьбы с внутренним врагом, деньги являются могущественным средством.

Я в это время работал по информации в одной из тайных организаций и имел свою агентуру в некоторых учреждениях советской власти, в том числе и в Петроградской Чека, и знаю, что многие тайные организации, особенно офицерские, были ликвидированы путем внедрения в них советских агентов, в свое время уважаемых кадровых офицеров, соблазненных крупным денежным подкупом. Но наряду с этими предателями во многие учреждения проникали в качестве служащих агенты Белого движения, приносившие колоссальную пользу контрреволюционным организациям, и власть от них очистилась значительно позже, когда системой

массового террора была почти совсем парализована контрреволюционная работа. Но все-таки, даже в самые тяжелые моменты этого террора, в разгар Гражданской войны, связь белого фронта с подпольными контрреволюционными организациями в тылу большевиков существовала.

В среде офицерства, выброшенного на улицу, в это время начинает вырабатываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который, в большинстве случаев не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией. Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для Белого движения и чекиста - для красного. Многим из такого рода агентов полная беспринципность позволяет в равной степени служить обеим сторонам и продавать ту, которая в данный момент менее опасна и выгодна. Это так называемые дублеры. Таким образом создались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением только позорили контрразведывательные органы Белого движения во время Гражданской войны.

Гонения против офицеров начались летом 1918 г., когда офицерство стало принимать участие в заговорах и восстаниях эсеров, руководимых Савинковым. Этот последний сумел увлечь за собой не только несознательное офицерство, но даже некоторые монархические элементы, обещая им идти даже во имя монархии, лишь бы свергнуть большевиков. После неудачного ярославского восстания, поднятого Савинковым, советская власть поняла, что все кадровое офицерство является тем материалом, на котором базируются силы эсеров, и что это офицерство настроено к ней так же враждебно, как и то, которое открыто

выступает на Юге России под начальством Корнилова, а потому советская власть решила одним ударом покончить с этой внутренней опасностью. Начались, сначала в столицах, а потом и в провинциальных городах, регистрации офицеров и массовые их аресты. Арестованных частью расстреливали, а частью рассаживали по тюрьмам, но смертные казни пока еще не носили массового характера. Только после покушения на Ленина⁶ и убийства председателя петроградской Чека Урицкого³ начался массовый террор, принята система заложников и убийства без суда. В равной степени террор был направлен и против буржуазии вообще, которую советская власть рассматривала, как не менее серьезного врага своему Существованию. Словом, начались преследования и истребление интеллигенции.

Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты! и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась

сильная тяга на Дон и Украину. Остаться в советской России человеку, не признающему власти, почти не было возможным. Кроме того, и другая причина заставляла здравомыслящего бежать из советской России - это надвигающийся голод.

Декреты о национализации, социализации, ограничение торговли, а затем почти полное ее прекращение поставили обывателя в такое положение, что даже если у него и были деньги, он должен был голодать или идти на советскую службу, где получал пищевой паек. Был установлен принцип, что имеет право на существование только тот, который приносит свой труд на пользу рабоче-крестьянской республики. Все остальные поставлены были почти вне закона и должны были так или иначе погибнуть. И вот началось почти повальное бегство интеллигенции на Юг России. Но и тут большевики, не желая усиливать ряды белого движения, постарались всеми мерами затруднить выезд на столиц. Кто желал выехать на Украину, должен был доказать свое украинское происхождение, что было чрезвычайно затруднительно, так как не каждому удалось сохранить нужные документы, да кроме того, на это уходило очень много времени. Выезд из столиц, помимо этого, требовал представления различного рода удостоверений от разных советских учреждений, и от Чека в особенности. Понятно, что при таких условиях только незначительный процент после долгих мытарств выезжал легальным образом, а большинство - с фальшивыми документами или совсем без документов.

Словом, система массового террора и экономические условия сделали то, что всё более энергичное, не признающее советской власти и желающее с ней бороться бежало, другая часть была расстреляна или

сидела по тюрьмам в ожидании того или другого конца, и таким образом советская власть так или иначе очистила свои владения, как она выражалась, от контрреволюционных банд.

Я лично на легальный способ выезда из Петрограда не рассчитывал, хотя и имел право, как екатеринославский уроженец, на украинское подданство; это было и долго, и могло повлечь к задержанию в пути, несмотря на всю законность документов, что со многими и случалось. В общем, у меня, кроме удостоверения об увольнении из резерва штаба Петроградского военного округа на мою собственную фамилию и удостоверения на чужую фамилию о командировке, якобы с секретным поручением от Центральной следственной комиссии, в город Оршу, других документов не было. Последний документ мне удалось получить благодаря связи с председателем этого учреждения, тайно работавшим в пользу белых, но я решил этого документа не предъявлять без крайней нужды, так как опасался, что не сыграю достаточно удачно в таком случае свою роль, лучше было избежать вообще предъявления каких-либо документов в пути. Выехал я из Петрограда как-то случайно, благодаря тому, что мне удалось перекупить железнодорожный билет у одного молодого человека в Оршу, полученный им по всем правилам, установленным советской властью для выезжающих из Петрограда. Хотя я устроился в коридоре спального вагона Международного общества [спальных вагонов], где было еще около 20 пассажиров, но это было даже в мою пользу, ибо вещей у меня не было и я легче мог избежать контроля. И действительно, пока поезд дошел до Орши, за это время контроль документов и осмотр вещей производился по крайней мере 10 раз - какими-то

вооруженными до зубов мальчишками - самым тщательным образом. Благодаря тому, что я вещей не имел и определенного места не занимал, мне путем разных уловок удалось избежать этой неприятности, и я совершенно спокойно высадился из поезда в Орше.

Граница советской России с Украиной проходила между пассажирской станицей Орша (советская) и товарной станцией (украинская). Нужно было изыскать способ пробраться безболезненно через границу, на что пришлось потратить два дня. По установленным большевиками правилам, для того, чтобы перейти границу, нужно было иметь от местного совдепа удостоверение о неимении с его стороны препятствия. Такое удостоверение получить было возможно, хотя бы под предлогом лечения на Юге России, заплатив кому следует приличную сумму денег. Но на этот риск я пойти не мог, так как в процессе получения этого документа нужно было явиться лично и в местную ЧК, где, безусловно, потребовали бы мои документы, а может быть и опознали бы в лицо. Поэтому я занялся рекогносцировкой местности пропускного пункта и в течение целого дня изучал технику пропуска через границу на месте. Обследовав достаточным образом всю эту процедуру, я явился очень рано, за час по крайней мере до начала пропуска на таможенную, расположенную у самого пропускного пункта, охраняемого весьма солидно часовыми, и попросил одного из чиновников таможи пропустить меня не за границу, а только в украинскую будку, расположенную шагах в 300 за таможей на советской стороне у самой колючей проволоки, идущей вдоль границы. С меня потребовали удостоверение совдепа, но я объяснил, что еще границу переходить не собираюсь, так как вещи мои, нагруженные на подводе,

ожидают очереди для осмотра на шоссе, и что я сейчас же вернусь для этой цели в таможню, как только наведу необходимую якобы мне справку в украинской будке. После некоторого колебания разрешение мне было дано, но я, конечно, уже назад не вернулся, ибо у меня никаких вещей и не было. В украинской будке я откровенно сказал находившемуся там украинскому комиссару, кто я такой, и просил пропустить меня на Украину. Присутствовавший тут же немецкий офицер, узнав, что у меня нет никаких вещей, выдал мне пропуск и тут же лично пропустил через колючую проволоку. Еще раз отсутствие вещей меня спасло.

Глава V

Украина.

- Личные впечатления, - Киев и общее положение на Украине. - Департамент державной варты. - Гетман, немцы и армия, - Самостийное движение. - Офицерская дружина. - Падение Киева. - Петлюровщина.

Я не буду описывать ни тех впечатлений, ни того настроения, которое охватило меня при путешествии по Украине до прибытия в Киев. Они всякому понятны, кто побывал под режимом большевиков в 1918 г. и наконец вырвался из этого сумасшедшего дома. Порядок, право и собственность здесь, на Украине, поддерживались и охранялись немцами, но видно было, что революция и предшествовавшая система управления произвели сильные опустошения в прежнем цветущем крае, и нормальная жизнь только понемногу еще восстанавливается. Хотя Украинская держава была объявлена суверенным государством, но немецкая рука

была видна во всем, и впечатление было таково, что вся Украина завоевана и оккупирована немецкими войсками. Киев, столица Украины, по контрасту с городами Совдепии производил сразу самое благоприятное впечатление на каждого приезжающего. Нормальный уклад жизни, торговля, обилие продовольствия, правовые отношения - все это на первых порах было целительным бальзамом для измученных физически и нравственно беженцев с севера. Но после некоторого времени пребывания каждый более или менее отдающий себе отчет видел, что жизнь здесь далека от нормальной и все это видимое благополучие может быть только временным, в зависимости от того, как повернутся политические события. Гетманская держава была еще чересчур молода, неустановившаяся и не имела силы, на которую могла бы опереться. Всякому было ясно, что режим держится, пока на ее территории немецкие штыки.

Благодаря наплыву беженцев, главным образом из советской России, Киев был перегружен населением сверх всякого комплекта. Это не отражалось на продовольствии, которого в то время было достаточно, но делало квартирный вопрос критическим.

Кроме того, скопление населения, ищущего жизненного заработка, развило спекуляцию и массу профессий, имеющих временный характер. Появилось много ресторанов, паштетных, клубов и всевозможных увеселительных заведений; люди искали быстрой и крупной наживы; развился до крайней степени азарт. В политическом отношении было крайне неспокойно: партия самостийников-республиканцев не была удовлетворена порядком вещей - мечтала о полной самостоятельности без всяких немцев, а потому стояла в

оппозиции к гетману, их ставленнику. Партия большевиков-коммунистов работала в подполье на присоединение Украины к РСФСР, получая субсидии Москвы деньгами и агитационными материалами. Официальные представители Москвы во главе с Раковским были объединяющим руководящим центром работы большевиков. Добровольческая армия имела своих агентов и работала на комплектование своих частей из офицерских и солдатских контингентов, бывших в то время в достаточном количестве на Украине. Вокруг гетмана стояли люди разных политических убеждений, от монархистов до социалистов-революционеров включительно, а потому правительство гетмана не в состоянии было принять курс твердой, определенной политики. Правительство гетмана и он сам находились все время в области политических шатаний.

Таким образом, атмосфера на Украине, как в политическом, так и в общественном отношении, была нездоровая. Видно было, что стараний было много создать монархию доброго недавнего прошлого, но не на чем ее было строить, и ясно было для всякого, что гетманская Украина с уходом немцев разлетится, как карточный домик. Но во всяком случае намерение создать порядок и государственность чувствовалось, и в правительственных учреждениях заметно было деловое настроение.

В поисках заработка в Киеве я попал на службу в качестве чиновника для поручений 5-го класса в Департамент державной варты (то есть, иначе, Департамент полиции), где я встретил многих своих прежних сослуживцев. Этот департамент был еще, так сказать, в состоянии формирования, потому что, хотя

само учреждение уже функционировало, местные, подчиненные ему органы еще не все были сформированы и утверждены законом. Департамент державной варты был точной копией бывшего Департамента полиции, но не в столь широком масштабе. Он имел тоже число делопроизводств и особый отдел того же назначения, что и в бывшем Департаменте полиции. В каждой губернии были учреждены так называемые информационные отделы, исполнявшие политические функции бывших губернских жандармских управлений³⁹, и управления уголовного розыска, исполнявшие назначения бывших сыскных отделений⁴¹. Департаменту державной варты подчинялась вся общая полиция, или Варта, и железнодорожная полиция, или железнодорожная Варта. Сущность работы всего аппарата заключалась в активной борьбе с большевизмом, в относительной борьбе с самостийностью и в наблюдении только за деятельностью социалистических и прочих партий. Во главе учреждения (сентябрь 1918 г.) стоял бывший прокурор старого режима Аккерман, твердых правых убеждений, подобравший состав опытных, знающих служащих, и поэтому Департамент державной варты мог бы прекрасно справляться с трудной ему поставленной задачей борьбы с политической разнузданностью и уголовщиной на сравнительно небольшой территории Украины, если бы не постоянные изменения курса политики гетманского правительства в отношении самостийников. Лидеры их во главе с Петлюрой до ноября 1918 г. содержались под стражей, но с этого времени отношение к ним гетмана резко меняется; он делает распоряжение об освобождении их, чем, собственно говоря, возглавляет самостийническую оппозицию и ускоряет собственное падение.

Во время оккупации Украины немцы разрешали гетману формирование самого незначительного числа войсковых частей, да и то исключительно национального украинского состава, так называемых кошей разноцветных жупанников. Эти части комплектовались исключительно украинскими самостийниками. Таким образом, у гетмана не было преданных ему войск, кроме, кажется, кадров одной только дивизии, разрешенной ему к формированию немецким командованием, не имеющей строго национальной, украинской окраски. Среди высших чинов военного и гражданского управления значительная часть была на стороне самостийного движения и поддерживала связь с его главарями. Поэтому когда гетман освободил Петлюру и его коллег, то последние молниеносно собрали под свои знамена в Белой Церкви все ближайшие украинские воинские части и открыто выступили против гетмана, оставшегося без всякой войсковой опоры.

Для защиты Киева и борьбы с Петлюрой гетману пришлось обратиться к офицерству, скопившемуся в значительном числе в городе и бывшему не у дел. Наспех были сформированы добровольческие офицерские дружины под начальством генерала Кирпичева, что дало в общем не более 3000 штыков, и нужно удивляться только, как эта горсточка людей защищала город почти месяц от значительно превосходящего в численном отношении противника. Главное командование сначала гетманом было вручено графу Келлеру, а потом, вследствие расхождения с ним по некоторым политическим вопросам, передано князю Долгорукову.

Я перешел из Департамента державной варты на службу в особый отдел дружины Кирпичева, который исполнял при дружине информационную и

разведывательную работу. Этот аппарат повел весьма активную борьбу с большевизмом и петлюровщиной в городе, но все это оказалось уже слишком запоздалым и нисколько не изменяющим общего положения. Настроение населения Киева в низах все было на стороне Петлюры, а интеллигенция, большей частью пришедшая, в борьбе никакого участия принимать не хотела, продолжая заниматься спекуляцией. Город был сплошь насыщен агентами Петлюры, которым ничего не стоило поднять в любое время внутреннее восстание, к чему и были неоднократные попытки, по преждевременности подавляемые штыками. В общем вся тяжесть борьбы лежала на плечах офицерской дружины, как на фронте, так и в городе. Ей приходилось оборонять тремя тысячами людей огромный периметр города, и вполне естественно, что этот жидкий фронт в конце концов был прорван войсками Петлюры, которые вступили в Киев 14 декабря н. с.

Гетманская власть пала, уступив место украинской Директории с Петлюрой во главе. Тотчас же начались репрессии по отношению ко всем лицам, так или иначе причастным к прежнему правительству. Прежде всего террор обрушился на голову офицерства, как непосредственного защитника старого порядка. Ужасы террора превосходили по своим размерам даже то, что в последнее время приходилось наблюдать в советской России. Офицеров в форме убивали на улицах Киева как собак. Все, что только имело возможность, скрывалось в подполье или бежало из города. Мне лично пришлось в течение десяти дней скрываться за Днепром в Слободке, после чего я бежал под чужим именем через Николаев в Одессу. Путешествие от Киева по железной дороге до Николаева было сплошным кошмаром; помимо того, что

поезд был переполнен до отказа, непрерывные осмотры и обыски пассажиров с всевозможным издевательством доводили их до состояния крайней нервности; от станции Долинской до Николаева теплушки были буквально завалены вещами и людьми. Ко поезд тащился более суток. 111 И

Николаев уже был занят войсками атамана Григорьева. Пробыв там два дня на вокзале, я с трудом попал на пароход «Румянцев», отходящий в Одессу; это был последний пароход который петлюровцы выпустили туда из Николаевского порта.

Глава VI

Одесса.

- Оборона города офицерскими дружинами. - Гришин-Алмазов. Французская оккупация -Русская власть в Одессе. - Взаимоотношения французских и русских властей. - Французская политика на Украине. - Настроения населения. -Большевистская пропаганда - Уголовщина и спекуляция, и борьба с ними розыскных органов. - Новое русское правительство. - Генерал Шварц. - Большевистская пропаганда во французских войсках. - Эвакуация Одессы.

В Одессе, как и в Киеве, с началом петлюровского восстания образовались офицерские дружины, отстаивавшие гетманскую власть и город, но так как город был портовый и союзный флот, хотя и не большой по числу вымпелов, но уже появившийся здесь со времени поражения Турции, решил поддержать ее защитников, то Одесса была удержана. Петлюровские банды дошли почти до гавани, но принуждены были

остановиться ввиду мужественного сопротивления офицерских отрядов и опасаясь стрельбы с моря. На Дерибасовской улице была установлена нейтральная зона, которая ко времени моего приезда в город уже отошла за вокзал. Своим спасением Одесса была обязана отчасти угрозе французского флота, но главным образом мужеству и распорядительности генерала Гришина-Алмазова, который сумел организовать защитников, почти что уже на набережной, и отстоять город. Естественно, что он и стал единственным распорядителем и начальником спасенного им от петлюровских банд города. Подчинив себя Добровольческой армии, он принял на себя все права главноначальствующего.

В то время Франция решила оккупировать Одесский район и уже высадила первые эшелоны своих войск со штабом бригады и техническими боевыми средствами. Гришин-Алмазов, с своей стороны, сформировал из офицерских дружин бригаду под начальством молодого, храброго генерала Тимановского, которая составляла непосредственную оборону города от посягательства большевистских и петлюровских банд. Город делился на два района: 1) французский - порт - в ведении французского командования и 2) вся остальная часть города - в ведении русского командования. Таково было положение дел к январю 1919 года.

Русская власть в Одессе сконструировалась таким образом: главноначальствующий - Гришин-Алмазов и помощник его по гражданской части - А. И. Пильц. Градоначальник - В. А. Марков. Все административные органы остались те же, что и при гетмане. Я был назначен заведующим политическим розыском при градоначальнике, получив в наследие информационный

отдел как местный розыскной орган бывшего Департамента державной варты.

Гришин-Алмазов был еще молодой человек, лет 32, даже не выглядевший и на эти годы. На германскую войну он вышел в чине штабс-капитана артиллерии, и где и когда он получил генеральский чин, никому не было точно известно. Он сам про себя говорил, что [произведен в генералы] в армии Колчака, откуда прибыл в Добровольческую армию незадолго перед тем. Во всяком случае это был человек смелый, решительный, даже скажу талантливый, но слишком горячий; ему очень недоставало уравновешенности и административного опыта. По характеру своему и манере говорить он мне немного напоминал Керенского. Он очень поддавался влиянию и в хороших руках мог бы быть прекрасным администратором.

Сначала французы во внутренние дела русского управления не вмешивались, но по мере прибытия новых эшелонов и штабов французское командование, желая, очевидно, сколько можно более расширить зону оккупации, и притом безболезненно для себя, стало понемногу все прибирать к своим рукам, особенно когда командующим французскими оккупационными силами был назначен генерал д'Ансельм и начальником его штаба - полковник Фрейденберг. Последний занялся исключительно политической работой, которая заключалась в том, чтобы, войдя в сношения с представителем Петлюры, сдать ему Одессу на выгодных для себя условиях. Переговоры между Фрейденбергом и петлюровским атаманом Змиевым продолжались все время пребывания французов в Одессе, несмотря на то, что добровольческие части, подчиненные Гришину-Алмазову, находились с петлюровцами в

состоянии войны. Атаман Змиев, беспощадно расстреливавший русских офицеров, под охраной французов нагло являлся в Одессу для свиданий с Фрейденбергом на глазах у защитников ее. Однако Фрейденбергу не удалось своих переговоров довести до конца, ибо власть Петлюры и Винниченко на Украине пала, уступив место большевикам, с коими уже трудно было разговаривать в то время.

При таких условиях, когда французы, с одной стороны, как бы желали сотрудничать с Гришиным-Алмазовым, а с другой - вели переговоры с его врагами, положение Гришина-Алмазова было весьма затруднительным, с каковым он, естественно, примириться не мог. Отношения с французским командованием у него сильно обострились. К моменту большевистского переворота на Украине зона [оккупации] была значительно расширена - верст на 70-100 к северу и на восток до Николаева включительно. Союзные войска все прибывали и прибывали (главным образом греческие), и казалось, что французское командование имеет намерение не только занять Украину, но и вступить в непосредственную борьбу с большевиками. Однако оказалось, что если таковое намерение и было, то от него скоро пришлось отказаться. Против союзных войск большевики выдвинули свое лучшее оружие - пропаганду и агитацию.

Одесса в это время представляла из себя буквально то же, что и Киев осенью 1918 года. Интеллигенция, бежавшая сюда от большевиков из обеих столиц, пополнилась еще той, которая выбралась после падения гетмана Из Киева и других городов Украины. Значительное число безработных офицеров и разных темных дельцов, спекулянты всех сортов, старающиеся

использовать момент в личных для себя выгодах, - все это переполнило Одессу, создав сильный квартирный и продовольственный кризис. Вместе с сим рабочие и низы населения, уже вкусившие отчасти большевизма в начале 1918 г., но еще не изжившие всех его тяжелых сторон, мечтали снова о большевистском режиме и представляли благодарную почву для пропаганды и агитации. Буржуазный слой города вместе с городской думой социалистического состава вечно будировал, все осуждал, местной власти не помогал и, с своей стороны, был лучшим проводником грядущего большевизма. Еврейское население Одессы также было настроено большевистски, разве что за исключением богатой буржуазии.

Таким образом, русские и союзные (главным образом греческие) войска удерживали боевой фронт против наступления красных, их [большевиков] агитационная работа внутри Одесского района шла во всю, разлагая не только русское население, но и французские войска, не занятые буквально ничем и по составу

своему мало дисциплинированные. Оккупационные французские войска вели себя в Одессе весьма разнузданно: солдаты проводили время в попойках, якшаясь с евреями и еврейками, среди которых было немало большевистских агитаторов, знавших французский язык; пропаганда имела успех не только среди солдат, но даже среди офицеров. В результате к февралю началось брожение среди сухопутных солдат, а затем и среди матросов на почве утомления войной и желания возвратиться на родину. Были и такие, которые явно перешли на сторону большевиков, приняв всю их идеологию, как например, известный капитан Саду ль.

Между тем французские розыскные органы не имели возможности продуктивно бороться с большевистской пропагандой, как по незнанию местных условий, так и по неопытности своего личного состава, набранного наспех из строевого офицерства.

Большим бичом Одессы этого времени была уголовщина, дошедшая до чудовищных размеров. В январе - мае 1919 г. обыватель чувствовал себя в городе хуже, чем в лесу с разбойничьим станом. Грабили по квартирам ночью и среди белого дня - на улицах. Одесса всегда была одним из центров преступности, в это же время преступность достигла крайнего предела. Законные меры воздействия ни к чему не приводили, и градоначальнику генералу Маркову пришлось прибегать к исключительным мерам. Грабители, застигнутые на месте преступления, беспощадно расстреливались, а кроме того, чинам сыскной полиции был отдан приказ заведомых грабителей и воров при встрече уничтожить как собак. Эти меры оказались действительными, и спустя месяц преступность значительно сократилась, а обыватель мог вздохнуть. Особенно много хлопот полиции доставил в то время некий «Мишка Япончик»⁴¹ со своей шайкой, пользовавшийся в преступном мире большим влиянием и наводивший ужас своими грабительскими операциями на всех. Впоследствии, по сдаче Одессы, он занимал ответственный пост у большевиков и ими же за что-то был убит.

Русские розыскные политические органы боролись всеми мерами против большевистской работы, которая главным образом базировалась на рабочих организациях. Эти политические органы встречали полную поддержку в этом отношении от своих гражданских и военных властей, но должны были вечно бороться с

заступничеством чинов городского управления с городским головой Брайкевичем во главе. Социалистический состав городской думы явно стоял на стороне рабочих, невольно помогая большевикам укреплять свое положение. Это, конечно, не помешало впоследствии Брайкевичу и другим гласным городской думы первыми бежать из Одессы при эвакуации ее французами. Между тем организационная и агитационная работа большевиков в Одессе была очень интенсивна и, несмотря на ряд ликвидации, произведенных в их рядах, не ослабевала, имея за собой новые кадры людей и благоприятное настроение масс. Много способствовала этому настроению спекуляция продуктами первой необходимости, страшно взвинтившая рыночные цены. Виновниками этого обстоятельства были старые спекулянты еще Великой войны, сахарозаводчики: Хари, Гепнер, Златопольский и др., которые фактически были экономическими диктаторами Одессы того времени. Эта компания, вопреки протестам городской думы, наконец, была арестована военной контрразведкой, и материал, взятый у них по обыску, вполне подтвердил их зловредную деятельность.

К марту французское командование, по-видимому, решило совершенно отмежеваться от Добровольческой армии и влияния ее главнокомандующего генерала Деникина на одесские дела, а потому приступило к созданию новой русской власти в Одессе, которая должна была действовать исключительно по указанию французского командования. Был приглашен в качестве отдельного главнокомандующего Одесским районом генерал-лейтенант Шварц, и при нем образован был Совет обороны как правительственный орган. Генералу Гришину-Алмазову и начальнику его штаба генералу

Санникову, назначенному генералом Деникиным, предложено было немедленно, в течение 24 часов, покинуть Одесский район. Оба выехали первым пароходом в Новороссийск. Помощник Гришина-Алмазова по гражданской части А. И. Пильц выехал туда еще раньше.

В Совет обороны вошли: Андре, Рутенберг, Ильяшенко, Брайкевич и еще несколько лиц. Хотя внутренними делами ведал г. Андре, но доминирующую роль в совете играл г. Рутенберг, старый социалист-революционер, тот самый, который в 1905 г. по постановлению партии убил небезызвестного Талона. Рутенберг подавлял прочих членов Совета обороны своей наглостью, безапелляционностью своих решений и авторитетом своей партийности. Андре, бывший губерниальный староста (губернатор) Волынской губернии при гетмане, - очень ловкий, энергичный и честолюбивый, но не государственный человек, с оттенком авантюризма. В Киеве уверял, что он настоящий украинец, в Одессе - что чистокровный француз, потомок де Ланжерона, почему и называл себя Андре де Ланжерон. Остальные члены Совета обороны роли не играли. Председатель Совета генерал Шварц был весьма порядочный; и честный, человек, но слабовольный, поддающийся влиянию, прекрасный инженер, но не государственный деятель. Таково было правительство, созданное французами, или вернее, начальником штаба французского оккупационного отряда полковником Фрейденбергом. Администрация осталась старая.

Новое правительство дела не улучшило, а скорее затормозило, ибо все серьезные вопросы решались

коллективно, что требовало известной проволочки. Французы же по-прежнему влияли на все решения.

Большевики продолжали делать свое дело, подготавливая в Одессе будущие органы своего управления на случай, переворота. Работа их сосредоточивалась в рабочих профессиональных союзах, а Союз союзов в марте представлял собой будущий правящий Ревком. Произведенной мною ликвидацией в некоторых рабочих организациях были добыты документы, доказывающие это с очевидностью.

Для парализации внутренней работы большевиков обстоятельства требовали производства широкой ликвидации с изъятием всех важных работников, на чем я и настаивал во время доклада в Совете обороны, но Рутенберг почему-то отрицал такую необходимость и старался, сколько возможно оттянуть ликвидацию. Поэтому Совет обороны постановил с ликвидацией не торопиться и выждать выяснения еще каких-то новых неизвестных обстоятельств. Станным является то обстоятельство, что Рутенберг, когда французское командование отдало приказ об эвакуации Одессы в 48 часов, настаивал, чтобы я - ликвидировал все те рабочие организации, на ликвидацию которых он не соглашался раньше. Выполнить это требование уже не представлялось в тот момент возможным, так как все исполнительные органы уже были сняты с своих мест и готовились сами к эвакуации. Такая настойчивость Рутенберга, когда уже было очевидно, что Одессу придется бросать, была по меньшей мере странна и, по моему глубокому убеждению, провокационна.

Пропаганда среди французской армии прогрессировала, и результаты ее сказались как на

фронте, так и в тылу. Ненадежность своих солдат французы скрывали, но все-таки было известно, что пехота отказывалась сражаться с большевиками, а на одном из французских крейсеров произошел форменный бунт с поднятием красного флага.

Думаю, что это было главной причиной вдруг принятого французами решения эвакуировать Одесский район. Много по этому поводу ходило всевозможных комментариев: объясняли это и переменой общей французской политики, и подложной якобы телеграммой командующего французскими силами на востоке генерала Франше д'Эспере, но вернее всего, что истина заключалась в разложении французских оккупационных войск.

Как бы то ни было, 2 апреля 1919 г. французским штабом было сделано объявление, что Одесса ими эвакуируется в 48-часовой срок. Можно себе вообразить, в какой поспешности и беспорядке русским учреждениям пришлось сворачиваться, чтобы успеть в такой короткий срок погрузиться на пароходы, которых, кстати сказать, не было достаточного числа, да и те, которые были, не были подготовлены для такого внезапного выхода в море. Посадка происходила беспорядочно, под выстрелы уже восставшей в городе черни. Попадали на пароходы только те, которым удалось собраться и быть на пристани 4 апреля. Многие уехать не успели, остались в Одессе, за что впоследствии поплатились жизнью.

В общем все-таки французы вывезли из Одессы несколько тысяч человек. Часть пароходов пошла в Новороссийск, а остальные в Константинополь.

Я лично попал на французский грузовой пароход «Кавказ», на котором выехал весь русский штаб генерала

Шварца и все гражданское управление Одессы. На сравнительно небольшом судне скопилось свыше 2000 человек: мужчин, женщин и детей. До выгрузки пришлось пробыть на пароходе 13 дней в самых ужасных антисанитарных условиях, при весьма грубом отношении пароходной французской администрации. В глазах французов всякие градации между русскими исчезли, и все были обращены в одну серую беженскую массу, к которой применялись самые крутые меры. Тут впервые пришлось почувствовать всю глубину несчастья людей, потерявших свою родину, и эти переживания для большинства были тяжелее физических страданий кошмарного переезда в таких тяжелых условиях.

Глава VII

Принцезы острова.

- Размещение беженцев. -Штаб генерала Шварца. Планы беженцев. -Прибытие представителя генерала Деникина. - Отправка русских беженцев в Россию. - Отъезд в Новороссийск.

Все беженцы, прибывшие из Одессы и Крыма, который тоже был эвакуирован почти одновременно англичанами, были высажены на Принцевых островах и размещены так: большинство вывезенных французами - штаб и гражданское управление г. Одессы - на остров Халки, находившийся в ведении французов. Эвакуированные из Крыма - на остров Принкипо, находившийся в ведении англичан. Сравнительно меньшая часть беженцев - на остров Антигона (итальянская зона) и остров Проти (американская). Каждая из этих наций реквизировала для беженцев

необходимые жилища и снабжала их продовольствием по норме солдатского пайка своей страны. На острове Халки, куда попал я, были устроены общежития, из которых самое большое находилось в греческой семинарии - до 600 человек. Желавшие могли устраиваться на островах и самостоятельно, нанимая помещения за собственный счет. Порядок поддерживался военными комендантами (иностранцами) и приданными им в помощь русскими. Нужно отдать справедливость, что иностранцы кормили и содержали русских беженцев весьма сносно, но требовали в то же время соблюдения установленного порядка и режима. Некоторые из беженцев - состоятельные или смогшие устроиться на службу - беспрепятственно отпускались в Константинополь, и иностранцы даже с особым удовольствием снимали их со своих забот.

Все учреждения Одессы были расформированы, а должностные лица обратились в простых беженцев. Остался только штаб генерала Шварца и Совет обороны. Какие функции выполняли эти учреждения, собственно говоря, трудно сказать. Раз не было территории, то, казалось, бы незачем было оставлять Совет обороны; раз не было армии, которая между прочим была брошена на произвол судьбы и которой пришлось после эвакуации Одессы с большими лишениями пробиваться самостоятельно на Румынию, то, казалось бы, не нужен и штаб. Однако Шварцем были вывезены кое-какие ценности и деньги, и это обстоятельство, видимо, и позволило содержать эти два учреждения около двух месяцев.

Вряд ли у Шварца были какие-либо дальнейшие планы. Правда, он не прерывал сношений с французским командованием, но с течением времени сообразил, что

дальнейшей помощи от него он не получит. Совет обороны сам пришел к заключению, что дальнейшее существование его бесполезно, а потому решил ликвидироваться. Все члены Совета обороны, получив некоторое вознаграждение за свои труды, примерно 1 000 турецких лир на человека, разъехались по разным странам устраивать свою личную жизнь, а остаток капитала, вывезенного из Одесской конторы Государственного банка в сумме, как говорили, 9 000 000 украинских карбованцев, был передан начальнику финансового управления Добровольческой армии Бернашскому для передачи правительству Деникина.

Штаб генерала Шварца продолжал существовать с начальником штаба генералом Прохоровичем во главе, имея возможность оплачивать содержание своих чинов и даже выдавать пособия некоторым беженцам из тех сумм, которые были оставлены в распоряжении Шварца.

Беженцы, кроме тех, которые пустили корни в Константинополе, видя, что русское главное командование не может прийти им на помощь в смысле устройства их дальнейшей судьбы и что нельзя находиться бесконечно на положении призреваемых иностранцами, стали организовываться и сгруппировываться для переселения в другие страны или на родину. В мае же стало известно, что Добровольческая армия одерживает победы над большевиками и постепенно увеличивает свою территорию. Получены были сведения и с Дальнего Востока об успехах армии Колчака на Урале и о приглашении им военных специалистов-офицеров через Владивосток. Началась запись в группы желающих отправиться в Новороссийск, Владивосток, в Сербию, Болгарию и т. д. В Константинополь прибыл

представитель главнокомандующего Добровольческой армии генерал Бензингер, который стал оказывать содействие желающим вступить в Добровольческую армию, и с этого момента начали осуществляться бесплатные русские беженцев в Новороссийск. Отправка записавшихся во Владивосток была только одна - на специально оборудованном и снаряженном генералом Шварцем пароходе «Иерусалим», сравнительно небольшой группы в 300 человек.

С приходом генерала Бензингера фонды генерала Шварца в глазах иностранцев стали падать, и после отправки «Иерусалима» ему пришлось уже окончательно сложить с себя звание главнокомандующего, расформировав и штаб. Большая же часть вывезенных из Одессы французами русских беженцев стала возвращаться в Россию, особенно в то время, когда войсками Деникина вновь были заняты Крым и Одесса.

Я выехал из Константинополя в Новороссийск на пароходе «Херсон» в конце июня н. ст. Настроение у всех возвращавшихся в Россию было самое радостное: каждый верил в освобождение родины, каждый ехал, рассчитывая положить и свои силы на пользу дорогого для него дела, каждый надеялся быть встреченным если и не с распростертыми объятиями, то хотя бы радушно на родине. Все верили в общность будущей созидательной работы. Увы, многих и многих постигло полное разочарование.

Глава VIII

Новороссийск, Екатеринодар, Ростов.

-Прием возвращающихся на родину. - Следственная комиссия. - Правительство Деникина. -Администрация. Фронт. - Захват общегосударственного имущества. - Положение в тылу. -Лозунги Деникина. - Офицерство. - Отношение населения. - «Осваг». - Главное управление снабжений. - Военные успехи и стратегия Деникина. - Восстание Махно. -Мой отъезд в Одессу.

В Новороссийске мы узнали, что войска Добровольческой армии продолжают одерживать успехи над красными, что Крым уже очищен от большевиков, а Царицын падет не сегодня завтра. По прибытии в столицу Добровольческой армии Екатеринодар - резиденцию главкома, каждый из вновь прибывших эмигрантов торопился поступить или непосредственно в армию, или в одно из управлений ее, чтобы, как я уже сказал, принять участие в освобождении родины. Но оказалось, что это не так легко, как думалось. Эмигрантов принимали холодно, а если к тому же были монархисты или имели несчастье прослужить хоть день на Украине при гетмане, то даже и враждебно. Во всех учреждениях было засилье кадетов, эсеров и людей беспринципных в политическом отношении. В военных сферах имели преимущество принимавшие участие в Корниловских походах, то есть люди, начавшие зародыш Добровольческой армии; царила тенденция, что это люди самые способные и единственные, которые могут освободить родину. Те же, кто в силу ли чисто

географических условий или других каких-либо обстоятельств, не имели возможности своевременно прибыть на Юг России, считались людьми малопригодными, достойными лишь как бы милости и снисхождения.

Над всеми прибывающими генералами чинилось следствие. Была образована специальная следственная комиссия, через которую должны были пройти все генералы и командиры отдельных частей. Если комиссия находила, что вы ничего преступного не совершили и по своей прежней службе ничем не скомпрометированы, то это еще не означало, что вы уже зачислены в Добровольческую армию. Нужно было еще персональное согласие главкома на ваш прием. Вот тут-то и сказывалось пристрастие Деникина и его начальника штаба генерала Романовского к особому сорта людям. А такие люди были: служившие при царском режиме в Отдельном корпусе жандармов, в полиции, да и в других ведомствах, но по политическим убеждениям - монархисты; служившие у гетмана, и особенно занимавшие крупные посты; наконец, служившие в Одессе при генерале Шварце. Ко всей этой категории людей отношение было весьма одиозное. Если эти люди и принимались на службу, то на незначительные второстепенные места. Все более крупные административные посты занимались или бывшими общественниками, или журналистами, или адвокатами, то есть людьми мало пригодными к административной работе, почему в виде подпорок-помощников, на которых фактически ложилась вся тяжесть административной техники, к ним назначались старые опытные чиновники. Например, губернатором назначался бывший присяжный поверенный, а к нему вице-губернатором - старый

губернатор; командиром бригады государственной стражи - строевой полковник, а помощником его - бывший полицмейстер или начальник жандармского управления. И так - всюду. В деле политического и уголовного розыска, которые почему-то были подведены под одну крышу, было засилье судебного элемента. Директор так называемого управления политического и уголовного розыска, бывший товарищ прокурора Нижегородского окружного суда Зубелевич, перекрасившийся в эсера, нисколько не считался ни со способностями, ни с опытом, ни со склонностями, а назначал на должности начальников розыскных управлений в губерниях людей лишь по признаку принадлежности к судебному ведомству. Опытные жандармские и полицейские офицеры никоим образом на эти должности попасть не могли. Государственная стража, то есть, иначе говоря, полиция, комплектовалась исключительно из строевых офицеров, и если туда попадал жандармский или полицейский офицер, то на самую незначительную должность. По другим ведомствам - та же история: получали лучшие должности, и в первую очередь, люди с республиканским складом мыслей, не запятнавшие себя поддержкой старого, царского режима.

Генералов, прошедших следственную комиссию и оказавшихся, с точки зрения Деникина и Романовского, благонадежными, зачисляли в резерв, а молодежь, если она даже и рвалась на фронт, зачислялась сначала в комендантскую роту; сразу пустить в строй было опасно. Из резерва попадали на должности только те, кто имел протекцию или по своим политическим взглядам подходил к мерке главкома и его начальника штаба.

Правительство Деникина, так называемое Особое совещание, состояло большей частью из левых

элементов, и притом разных политических партий, а потому в правительстве происходила постоянная борьба, что не могло не отразиться на общем ходе дела. Правительство боялось слишком уклониться вправо и боялось уклониться слишком влево - сидело, так сказать, на двух стульях, а потому было неспособно, мягкотело и безвольно. Определенного твердого курса у правительства не было. Все местные управления и учреждения носили ту же физиономию левого уклона и заполнены были разношерстным составом. В продовольственных, квартирных и разных хозяйственных комиссиях, всюду были вкраплены юркие еврейчики, обрабатывавшие собственные делишки. Бескорыстное исполнение долга и служение родине было редким явлением; большинство смотрело на события текущего момента с точки зрения личной наживы.

Не лучше обстояло дело и на фронте. Некоторая часть строевого офицерства смотрела на Гражданскую войну как на источник личного быстрого обогащения. Победоносно продвигающаяся вперед армия, занимающая все новые и новые области отвоеванной России, захватывала много общегосударственного имущества, не говоря уже о тех ценностях, которые отбирались от большевистских комиссаров. Беспринципная часть офицерства обращала отнятое в свое личное пользование, и не только часть рядового офицерства отличалась этим, но и некоторый командный состав, до командующих армиями включительно. Нередко бывали случаи, когда с фронта генералы целыми вагонами отсылали в собственный адрес общегосударственное имущество, отнятое у большевиков. Военные власти и правительство как-то сквозь пальцы смотрели на это, а когда эти

злоупотребления перешли всякие границы и правительство приняло меры к прекращению их, то наткнулось на необыкновенное сопротивление со стороны командующих армиями.

Обогадившиеся на фронте в большинстве случаев предпочитали уезжать в тыл - в Ростов или Екатеринодар, где предавались кутежам и безобразиям, реализируя награбленную добычу. Эти элементы становились уж небоеспособными и на фронт не возвращались. Обе столицы Добровольческой армии были переполнены, кроме того, особым элементом, который не шел ни на фронт, ни в учреждения тыла, а занимался исключительно спекуляцией; все это - в большинстве случаев здоровая способная молодежь, с успехом должна бы стать под ружье, но предпочитавшая наживаться в тылу и вести беззаботную веселую жизнь. Екатеринодар, Ростов, Новочеркасск были переполнены до чрезвычайности пришлым населением, что создавало весьма тяжкие квартирные условия и сильно повысило цены на предметы первой необходимости. Вот то, с чем пришлось столкнуться на первых порах, по приезде на территорию Добровольческой армии.

В политическом отношении Деникин выкинул лозунг: «За единую, неделимую Россию». Под этим флагом шла Добровольческая армия, но самый лозунг ничего не определял для будущего и массам не был совершенно понятен: что же это будет за Россия, какой будет образ правления, и кто будет ею править. Все это были вопросы неразрешимые, а потому сочувствия и помощи населения этот лозунг не вызывал.

Если заглянуть в политическую подоплеку всего добровольческого движения, то нужно признать, что Добровольческая армия защищала интересы демократической республики и была на повзду у партий кадетов и эсеров. В самом деле, кто зародил Добровольческую армию? Алексеев и Корнилов - республиканцы. Кто был их последователь? Деникин - республиканец. Все они говорили о благе родины, но какова эта родина будет и в чем будет заключаться благо, не говорили, ибо не могли отделить это благо от своих личных политических взглядов и своего личного честолюбия. Это не были Минины и Пожарские, принесшие все на алтарь отечества и шедшие за одну монархическую идею, видевшие в ней спасение родины. Эти люди шли за возрождение России Львовых, Милюковых, Керенских, но только рассчитывавшие занять их места. Широкие массы населения, и в особенности крестьянство, в гражданской войне участия не принимали, и война не может быть названа народной. Война была исключительно партийная: кадеты и эсеры оспаривали власть над измученной Россией у большевиков, которые были и счастливее их и способнее, что и доказали тем, что быстро ее захватили после падения монархии.

Могут спросить, почему же к этому движению примкнуло офицерство. Да потому, что офицерство, это профессиональное военное сословие, было гонимо в советской России, обезличено, истязуемо; естественно, что офицерство шло туда, где нуждались в его услугах, где восстанавливались его права, где оплачивалась его служба и т. д., то есть в Добровольческую армию. Кроме того, появился новый тип офицера республиканского мышления, это так называемые цветные войска:

корниловцы, алексеевцы, марковцы, дроздовцы, или из элементов никогда не служивших, или из контингентов офицеров военного времени германской войны. В общем, нужно сказать, что из всей массы офицерства Добровольческой армии не более 25% шли за идею освобождения родины не считаясь ни с какими политическими тенденциями, остальные же шли или для спасения демократической республики, или просто примазались в своих личных интересах.

Как народ относился к Добровольческой армии, это видно лучше всего из того, каково было отношение к ней во вновь занимаемых областях. Вступление Добровольческой армии в города и деревни встречалось колокольным звоном, со слезами на глазах, целовали стремяна всадников, а по прошествии каких-нибудь двух недель так же ненавидели добровольцев, как и большевиков. Лозунги армии народу не были понятны, а поведение ее возбуждало ненависть. Многие офицеры Добровольческой армии по своей беспринципности, разнузданности и жестокости мало чем отличались от красных и были бы более желательным элементом по ту сторону, чем по эту; они стояли в рядах Добровольческой армии по недоразумению - должно быть, гражданская война случайно их застала на этой стороне.

Отношение вновь назначенной администрации в занимаемых Добровольческой армией областях к местному населению не было на высоте. Действия новых чиновников часто были пристрастны и незаконны, так как ими часто преследовались личные интересы. Например, некоторые администраторы назначались именно в те местности, где находились их недвижимые имущества, и первое, что они делали - это начинали восстанавливать свои разоренные революцией хозяйства,

жестоко расправляясь с крестьянами, которых считали виновниками разорения. Другие, пользуясь слабой ответственностью или полной безответственностью, грабили население нисколько не меньше, чем фронтовики. Поэтому законы и распоряжения, издававшиеся правительством генерала Деникина, доверия у населения не внушали, и таковое относилось к добровольческому движению безучастно и к нему не примыкало.

Агитационный аппарат правительства Деникина, «Осваг», был чрезвычайно громоздок, требовал колоссальных сумм на свое содержание, давал средства к жизни целой армии работников, но продуктивность его была самая ничтожная. Работа «Освага» сосредоточивалась почти исключительно на территории, занятой Добровольческой армией, и сущность ее состояла в том, чтобы доказать населению, что режим Добровольческой армии лучше, чем режим Совроссии. Это демонстрировали обыкновенно иллюстрированными плакатами, отмечавшими все отрицательные стороны советского режима и в виде контраста - положительные - Добровольческой армии. Духовно-просветительной деятельности «Осваг» не проявлял. Работы агитационной на территории большевиков «Осваг» не вел - чем, наоборот, так были сильны большевики. Словом, «Осваг» совершенно не оправдывал своего существования. Да и какую он мог вести однородную, полезную работу агитационного характера, если был заполнен людьми всевозможных политических воззрений.

Когда я осмотрелся, когда увидел, что правительство Деникина ничем не отличается от правительства Керенского, что во всей та же «керенщина», я решил уклониться от всякой

политической работы и выбрал себе деятельность совершенно аполитичную. Я поступил на службу в Главное управление снабжений. Ближайшее начальство с удовольствием меня приняло и предназначило на должность представителя междуведомственной комиссии по учету общегосударственного имущества, отнятого у большевиков; необходимо было только зачисление приказом главкома в Добровольческую армию и утверждение в должности. Но тут-то и сказалась политическая нетерпимость Главного командования.

В течение двух месяцев я работал в Управлении безвозмездно, сперва в Екатеринодаре, потом в Ростове, и, несмотря на неоднократные мои рапорты, получал отказ в зачислении в Добрармию. без объяснения причин. Наконец я решил лично выяснить у начальника штаба генерала Романовского истинные причины отказа. Разговор с ним подтвердил мои догадки: мне было сказано, что главком не может согласиться на прием меня в Добрармию. так как этому мешает «совокупность прежней моей службы по политическому розыску», то есть при царском режиме и за последнее время в Киеве и Одессе. Когда я позволил себе заметить ему, что я избрал себе род службы не по своей специальности и совершенно аполитичный, то получил ответ, что хотя это и так. но общественное мнение таково, что с ним приходится считаться, и что хотя главком лично против меня ничего не имеет, но тем не менее не может согласиться на просимое назначение, принимая во внимание характер моей прежней политической работы. В этом ответе выразилась вся заискивающая, боязливая политика Главного командования, считающаяся исключительно с левыми течениями, оказывавшими на него такое вредное для общего русского дела влияние.

Тем не менее, как последующие обстоятельства показали, несмотря на всю предосудительность моей прежней службы с точки зрения Деникина и Романовского, уже в сентябре в Ростове я получил телеграмму из Ставки с предложением занять должность помощника начальника контрразведывательной части при штабе главкома, от каковой должности отказался, а в декабре, уже будучи в Одессе, получил вторую телеграмму из ставки с предложением принять должность начальника этой части, от чего также отказался.

Конец сентября 1919 г. был поворотным моментом военных успехов генерала Деникина, Чрезмерно растянутый жидкий фронт не позволял вести быстрых наступательных операций, а Красная армия, отбив наступление адмирала Колчака на востоке и заставив его далеко отступить в глубь Сибири, приобрела свободу действий и могла сосредоточить крупные силы на южном своем фронте, угрожая Деникину прорывом его фронта в любом пункте. С этого момента началось отступление Добровольческой армии по всему фронту: сначала медленное, с упорными боями, а потом все стремительнее - до полной эвакуации всей территории Добрармии, за исключением лишь Крыма, удержанного группой войск генерала Слашева.

Я не берусь судить и разбирать причины поражения Деникина, однако мне кажется, что он презрел один из самых главных принципов стратегии: единства сил в решительном пункте. Овладев весьма важным стратегическим пунктом на Волге - Царицыном, еще в июне, казалось бы, следовало выбрать главным операционным направлением Саратов - Самару для соединения с армией Колчака, которая в это время

дошла до Волги, а не расширять фронт на запад с перенесением операционного направления на Орел - Москву, позволяя Красной армии разбить отдельно Колчака. Несвоевременное занятие Украины и желание первым захватить Москву погубило Деникина. К этому же приблизительно времени относится восстание крестьян в глубоком тылу Доброй армии под начальством атамана Махно, который совершенно неожиданно для Главного командования захватил Бердянск, Мариуполь и чуть было не пленил Ставку главкома в Таганроге. Совершенно непонятно, как внезапно могла вырасти такого рода опасность для тыла Добровольческой армии. Я это отношу всецело к недостаточной осведомленности из рук вон плохо поставленной разведки и контрразведки при штабе главкома, прозевавших все это движение.

В октябре уже ясно было для всякого, что ни Ростова, ни Таганрога удержать невозможно: Киевский фронт начал отступать на Одессу, Харьковский на Ростов, предоставляя большевикам развивать преследование в любом направлении.

В ноябре я принял предложение морского ведомства занять должность начальника Одесского морского контрразведывательного района. Это меня удовлетворяло, и вот почему: относясь весьма отрицательно к контрразведывательной службе в Добровольческой армии, а в особенности к личному составу этой службы, как я уже говорил, приемами своими мало чем отличавшемся от Чека, я здесь попадал в особые условия. Морская контрразведка создавалась заново, и я имел возможность организовать это дело в Одессе по-своему, а главным образом, формировать личный состав из людей мне известных, честных, порядочных и опытных в розыскной работе. Из

Ростова я выехал в Одессу в половине ноября и только в первых числах декабря добрался до места службы, настолько уже в то время были затруднительны и долги передвижения в тылу, хотя и морем.

Глава IX

Положение в Одессе.

- Одесский фронт и защитники Одессы. - Условия формирования и работы морской контрразведки. - Генерал Шиллинг и его окружение. - Политическая работа штаба области. - Кирпичников. - Настроение населения. - Охрана города. - Англичане. - Распоряжения штаба области и эвакуация. - Осада в банке. - Отплытие. Севастополь. - Положение в Крыму. - Отъезд в Турцию.

В Одессе я застал ту же безотрадную картину, что и в Ростове, а именно: чрезмерное переполнение города беженцами, главным образом из Киева, и вместе с этим отсутствие помещений, прогрессивно увеличивающуюся дороговизну жизни. Что особенно поражало, так это масса офицерства, скопившегося в Одессе. Я думаю, что в это время их здесь было до 70 000 безработных, большинство из которых, очевидно, было вполне обеспечено, ибо, как говорится, прожигало жизнь, но, правда, попадались и такие, которые буквально не имели даже белья на себе. Все это тыловое воинство было остатками Киевского фронта, который в то время уже весь разложился, отступал отдельными группами на Одессу, грабя по дороге местное население, и спешил скорее в Одессу, чтобы там так или иначе реализовать награбленное.

Отступающий в беспорядке Киевский фронт увлек за собой и Одесский. Часть его - Слащев - стала отступать на Крымский полуостров, а остальные в Одессу, проделывая все то же, что и киевляне. К январю 1920 г. Одесса в сущности почти ничем не была прикрыта.

Главнокомандующий Новороссийской областью генерал-лейтенант Шиллинг уже тогда писал Деникину, что удержать Одессу нечем и что нужно начать планомерную эвакуацию в Крым, но главноком Деникин категорически приказал удерживать Одессу какой угодно ценой. Такое распоряжение, при отсутствии фронта, менее чем через месяц привело к катастрофическому положению.

Шиллинг мне говорил еще в декабре, что после развала и отступления Киевского фронта дни Одессы сочтены, что Одесского фронта в сущности нет, а сформировать какие-либо новые части из того материала, который был под руками, то есть из офицерства, наводнившего Одессу, - невозможно. Действительно, попытки штаба области в этом направлении были бесплодны. В течение декабря и начала января принимались меры для новых формирований: производилась регистрация офицерства, формировались штабы частей, раздавалось обмундирование и вооружение, привлечены были к формированию новых частей и немцы-колонисты, но из этого ничего не вышло. Вновь сформированные части даже не могли выйти на передовые позиции, ибо по дороге дезертировали, разбежались, а в большинстве случаев даже не являлись на сборные пункты. Никто определенно бороться не хотел. Единственная воинская часть, которую удалось создать, - это отряд в тысячу офицерских чинов для

внутренней охраны города, который и удерживал Одессу от бунта до самых последних дне! Этим отрядом командовал энергичный, храбрый полковник Стессель, который не покинул города до полной эвакуации и которому со своим отрядом не нашлось места ни на одном из пароходов при оставлении Одессы, а пришлось сухим путем пробиваться в Румынию.

По прибытии в Одессу мне пришлось формировать свой пункт при чрезвычайно тяжелых местных условиях. Личный состав мной был подобран очень скоро и удачно, но самое большое затруднение было в подыскании помещения, на что пришлось потратить больше двух недель. Здесь пришлось столкнуться и со вторым затруднением - добыть необходимый инвентарь для канцелярии и топливо. Эта последняя задача была не под силу даже для реквизиционной комиссии, которая должна была оказывать содействие всем правительственным органам. Приходилось добывать необходимые предметы путем купли, просьб и т. п., где стул, где стол. Отведенное мне огромное помещение, без мебели и нетопленное, исключало всякую возможность вести правильную продуктивную работу. Особенно давал себя чувствовать холод; температура в канцелярии выше 2-3 градусов не достигала. Ко всему этому нужно добавить, что веры в дело не было, чувствовалось, что придется все бросить, и в очень скором времени. Больше всего угнетало сознание, что совершенно напрасно затрачивается труд, энергия и средства.

В административном отношении была та ж картина, что и в Ростове: у кормила местной власти стояли люди большей частью безыдейные и беспринципные. Сам генерал Шиллинг был высокопорядочный человек, по убеждениям крайний монархист. Я его знавал еще в

юношеские годы, это был весьма добрый, честный, отзывчивый человек, каковым он и остался. Недостаток его для высокого поста, который он занимал, заключался в том, что он был слишком мягок и отдавался больше личной жизни, чем это. может быть, позволяло его служебное положение. Окружающие его военные и гражданские чины пользовались его недостатками и обрабатывали свои личные дела, прикрываясь именем главноначальствующего. Поэтому все те нарекания, которые делались впоследствии на Шиллинга за Одессу и безобразную эвакуацию, не совсем справедливы. Он был поставлен как главком Деникиным, так и своим окружением, в весьма тяжелые условия. Начальник его штаба, генерал Чернавин, чувствуя крушение, заранее уехал, якобы по делам службы, в Крым и уже более не возвращался. Остальные чины штаба уже с половины января боевыми операциями не занимались, а помышляли лишь о благополучной эвакуации. Не лучше была и гражданская часть врученная молодому человеку, мало понимающему в административной работе делавшему массу ошибок, вольных и невольных, и во всем прикрывавшемуся именем Шиллинга.

Борьба с большевизмом и политический розыск находились в руках начальника контрразведывательного отделения штаба Новороссийской области, некоего Кирпичникова. Это был человек умный, но не специалист и. будучи социалистом-революционером, на все смотрел с точки зрения социалистической психологии. Многих весьма серьезных большевистских работников, с большим трудом арестованных после занятия Одессы добровольцами, он поосвобождал. Многих же из этих арестантов он спас от смерти, исходатайствовав им замену смертной казни более легким наказанием. Какими

мотивами он руководствовался, широкой публике, конечно, не было известно, но вызывало к нему своего рода подозрение. Может быть, он склонял их к себе на агентскую службу, что могло бы быть оправданием, но общество этого не понимало и в его гуманности к арестованным коммунистам усматривало сочувствие большевикам и покровительство. Положение, в которое себя поставил Кирпичников в глазах добровольцев, закончилось для него трагически. В январе, во время поездки из штаба с служебным докладом на квартиру генерала Шиллинга, он был убит неизвестными злоумышленниками. Следствие по делу этого убийства виновных не обнаружило, но, по всем данным, Кирпичников пал жертвой одной тайной псевдомонархической организации, особенно против него настроенной.

Настроение населения Одессы было весьма приподнятое; каждый чувствовал, что вновь придется переживать большевизм. Одни его ожидали со страхом, другие радовались - слишком был тяжел и режим добровольческой власти. Кроме того, в толщу населения Одессы было вкраплено очень много советских агентов, которые его агитировали и развращали. Полиция, или так называемая государственная стража, была из рук вон плоха, начиная с градоначальника барона Штенгеля и до рядового стражника. Дело в том, как я уже говорил, что старшие чины стражи и градоначальник были люди из строя, мало понимавшие в административной службе, а низшие чины стражи - стражники - были весьма неустойчивым в политическом отношении элементом. В стражники шли по найму не лучшие люди, прошедшие ряды войск, как то было в прежней полиции, а самые худшие, которым некуда было деваться. Материальные

условия службы в страже были настолько плохи, что хороший солдат или рабочий не имел ни малейшего желания в такой сложный политический момент, компрометировать себя службой в государственной страже. Градоначальник, барон Штенгель, очевидно, смотрел на свою должность как на синекуру, данную ему в награду за прежнюю строевую службу, из которой он вышел инвалидом. Никакой энергии, ни инициативы он не проявлял, никто о нем ровно ничего не знал и не слышал и с ним не считался, а просто человек отбывал ежедневно известное число входящих и исходящих номеров. Такая стража в такой момент поддержать порядок в городе не могла и потому вполне разумно было формирование офицерской дружины полковника Стесселя, на которую возложена была обязанность внутренней охраны и обороны города. К чести полковника Стесселя нужно сказать, что с поставленной ему задачей при тех условиях он справлялся блестяще.

Англичане, которые оказывали моральную и отчасти материальную помощь Добровольческой армии, имели свою военную миссию в Одессе и кое-какие силы на рейде в виде одного или двух крейсеров и миноносцев. Они были очень озабочены, чтобы Одесса не была оставлена добровольцами, и принимали к тому всевозможные, но не реальные меры. Например, [то] у них были совершенно неосуществимые мечты передать Одессу галицийским частям, не учитывая того, что эти части совершенно разложились и небоеспособны; то предполагали сформировать особую украинскую армию, но не нашли для этого необходимых кадров; то, наконец, возложили все надежды на отряд Стесселя, который, по их мнению, мог удержать Одессу, но и этому не суждено было сбыться. Вообще английское командование хотело

всех и вся уверить, что Одесса сдана не будет, но как это произойдет, объяснить не могло.

После убийства Кирпичникова место начальника контрразведывательного отделения штаба области было предложено мне, отчего я должен был, руководствуясь уже высказанными причинами, отказаться, но, уступая настойчивым просьбам генерала Шиллинга и известной группы лиц, наконец согласился принять. В этой должности я пробыл не более 10 дней, но все мои предположения, из-за которых я отказывался ее принять, оправдались. Личный состав отделения и всех подведомственных пунктов был самый разношерстный и отрицательный. В это время все пункты уже ликвидировались и стягивались в Одессу, садясь на шею отделению, которое должно было так или иначе ими озаботиться и применить их к какому-либо делу. Казенные суммы и имущество пунктов отчасти показывалось к сдаче, но главная часть считалась утерянной или покинутой под давлением создавшейся обстановки внезапного отступления. Во всем этом нужно было разбираться и в большинстве случаев принимать на веру; проверить ничего нельзя было. Все старались главным образом соблюсти свои личные интересы, а не общегосударственные.

Штаб области около 20 января определенно приготовился к эвакуации, ибо ни одного солдата на фронте не было, а две дивизии красных наступали на Одессу. С этого момента вся распорядительная часть в городе перешла в штаб обороны полковника Стесселя.

23 января я, [как] обычно, приехал на службу в штаб области и уже своего отделения не нашел: оказалось, что дежурный генерал Витвиницкий, не найдя

нужным даже уведомить начальников отделений, приказал с вечера накануне складывать все имущество штаба и грузить на пароход «Владимир». Вот так порядки, когда эвакуация скрывается даже от ближайших сотрудников! Соблюдалась такая тайна, что население узнало об оставлении Одессы добровольцами только 24 января из объявления, сделанного англичанами. Это прямо-таки было недобросовестно по отношению ко многим лицам, не успевшим подготовиться к отъезду и заплатившим потом за это своей жизнью. Не менее я был поражен и тем, что никто из моих ближайших помощников также не потрудился предупредить меня о последовавшем распоряжении дежурного генерала штаба области. Тут я лишний раз мог убедиться в составленном заранее мнении о личном составе контрразведок. Да и чего же можно было ожидать, если в штатном составе некоторых контрразведывательных пунктов находились большевистские агенты, состоявшие в то же время на жалованьи у большевиков; некоторые из них даже были уличены и расстреляны.

Узнав об эвакуации, я немедленно принял меры для посадки всех служащих Морского района на пароход «Румянцев» и сухопутных на пароход «Владимир»; К вечеру 24 января на берегу не осталось ни одного человека из моих подчиненных. В течение дня я съезжал с парохода в город, где уже заметно было весьма повышенное настроение, полицейские посты отсутствовали, офицерские дружины отступали и стягивались к штабу и Николаевскому бульвару. Вообще город был накануне внутреннего взрыва.

25 января все пароходы, нагруженные и переполненные войсками и беженцами, готовились к отплытию, но стояли еще у пристаней или на внутреннем

рейде. В этот год зима была суровая и рейд был замерзший. Отход пароходов был весьма затруднителен, и многие могли выйти только с помощью буксиров-ледоколов. «Владимир», на котором я находился, стоял у мола, в самом конце его. В 9 часов утра начальник нашего эшелона, он же дежурный генерал штаба Одесской области, генерал Витвиницкий, позвал меня и просил поехать в контору Государственного банка вместе с казначеем штаба, чтобы получить два миллиона керенских денег для раздачи жалованья пароходной команде, без чего она не хотела сниматься с якоря. Хотя в это время было уже и рискованно ехать в город и пароход в час дня уже должен был отойти, но я все же поехал. Со мной на автомобиле был казначей и два вооруженных офицера моего отделения, не считая шофера. Когда автомобиль подъехал к банку, то у ворот с Польской улицы и у главного подъезда с Жуковской были толпы самой разношерстной публики, ожидавшей впуска в банк для получения денег, одни - из запоздавших вкладчиков, другие - за получкой жалованья и т. п. Попасть внутрь было довольно трудно, но все-таки, приказав автомобилю ожидать, я, хоть и с трудом, пробрался с казначеем в банк. Операция получения денег при содействии управляющего конторой была совершена очень скоро, оставалось только уехать обратно.

Управляющий, который тоже должен был эвакуироваться на пароходе «Владимир», узнав, что у меня автомобиль, просил подвезти его и сестру, на что я охотно согласился. Для того, чтобы не протискиваться через толпу, он предложил нам пройти через его квартиру и выйти на Жуковскую улицу через главный подъезд. Ввиду этого я вышел, чтобы позвать автомобиль

с Польской улицы, но, повернув за угол, автомобиля не нашел, а когда обратился к толпе, стоящей у ворот с вопросом, не видел ли кто автомобиля, то получил ответ с двусмысленными улыбками и в грубой форме, что автомобиль уже уехал. Настроение и состав этой толпы уже были совсем другие, здесь были почти исключительно стражники бывшей государственной стражи, готовые каждую минуту перейти на сторону большевиков; признаки уже были налицо: разнузданность манер, вызывающие улыбки, грубость и т. п. Пришлось вернуться назад и предупредить своих спутников, что нужно немедленно идти на пристань пешком во избежание последующих худших событий. Когда, наконец, мы были готовы и хотели выйти, это оказалось невозможным: все выходы из банка, не исключая и квартиры управляющего, были уже заняты взбунтовавшимися стражниками, которые наотрез отказались нас выпустить. По тону их было видно, что они даже готовы пустить в ход оружие. Была, например, сказана такая фраза: «Будь, хоть солдат, хоть генерал, кто покажется первому пулю в лоб». Положение для нас стало в высшей степени серьезно и затруднительно. Бросились к телефону, чтобы вызвать помощь из штаба обороны, - телефон не действовал, соединение прервано. Мы поняли, что попали в ловушку, из которой выхода нет. В окна были видны проезжавшие грузовики с вооруженными людьми, слышна была ружейная и пулеметная стрельба, раздавались орудийные выстрелы; в городе шел бой, с минуты на минуту мы ожидали захвата банка и, конечно, гибели. Наконец, мы узнали причину, почему стражники закупорили все выходы и никого не выпускали: оказывается им причиталось получить жалованье от начальника резерва, который его

получал еще в кассе, и они боялись, что управляющий увезет все суммы, а они останутся без денег. Тогда на быстро созванном совете, было решено поскорее удовлетворить получателя денег для стражников и выпустить его за ворота. Решение это было приведено немедленно в исполнение и оказало магическое действие. Все, что было на улице, бросилось к деньгам и освободило выход, чем мы, конечно, тотчас же и воспользовались, чтобы выбраться из своей ловушки. Трудно передать, что пришлось перечувствовать за тот час времени, который мы провели пленниками в помещении банка. С одной стороны, каждую минуту стражники могли замениться большевиками, которые, конечно, беспощадно с нами расправились бы, а с другой стороны, мысль о том, что с минуты на минуту все пароходы уйдут и придется неизбежно остаться в Одессе, приводила в ужас и вызывала злобу, что пришлось так глупо и бесполезно попасть в ловушку по вине трусливого и потерявшего самообладание генерала Витвиницкого, пославшего меня в банк за керенскими деньгами в то время, когда они были, по словам управляющего конторой банка, давно уже погружены, и в большом количестве, на пароход «Владимир», чего не мог не знать Витвиницкий.

Когда мы вышли на Польскую улицу и бросились бежать на пристань, чтобы застать еще «Владимир» у мола, бой на улицах города разгорался; ружейная и пулеметная трескотня перемешивалась с револьверными выстрелами из окон домов. Свист пуль из поперечных улиц заставлял перебегать перекрестки полным ходом. По пути попадались валяющиеся раненые и убитые. Когда, наконец, мы достигли мола, то увидели, что все пароходы, стоявшие утром у пристани, уже ушли и

только «Владимир», уже отшвартовавшись, еще кормой касался берега. На молу собралась большая группа в несколько сот офицеров - это дружина полковника Стесселя, отступавшая под давлением большевиков, занявших Николаевский бульвар и поставивших там артиллерию. Этой группе офицеров уже не представилось возможным попасть на совершенно переполненные пароходы, ушедшие в море, и она ожидала здесь подачи какого-либо свободного судна. Как впоследствии оказалось, такового не нашлось и им пришлось возвратиться в город, чтобы с боем пробиваться к румынской границе. Я и мои спутники, то есть управляющий конторой банка, казначей банка, казначей штаба и сестра управляющего, были подняты при помощи брошенных нам канатов прямо на корму «Владимира», который стал медленно отходить под огнем пулеметов с соседнего мола и пушечным обстрелом с Николаевского бульвара. Все, что мне пришлось испытать в эти кошмарные часы, не к чести дежурного генерала Витвиницкого, забывшего о данном мне поручении и, как я потом узнал, торопившего капитана «Владимира» к скорейшему отходу, и моих храбрых подчиненных офицеров, бросивших меня в банке на произвол судьбы.

«Владимир» взял курс на Севастополь. Переезд, хотя и был короток, но кошмарен вследствие переполнения парохода. Каюты, палубы, трюмы - все было забито людьми; много было тифозных; было и несколько раненных пулеметным огнем во время прохождения Одесского рейда. Ночью хватил небывалый мороз, дошедший к 6 часам утра до 26 градусов ниже нуля по Реомюру. Когда утром 26 января мы входили в Южную бухту Севастополя, начался сильный шторм,

которого мы избегли, но который причинил огромные несчастья тем судам, которые из Одессы пошли в Константинополь: большинство шторм застал в море, и некоторые из них погибли.

Так кошмарно прошла эвакуация Одессы, оттянутая Главным командованием до последнего момента, приведшая к гораздо худшим последствиям, чем это было бы, если б ее начать исподволь и планомерно, как предполагал генерал Шиллинг.

В Севастополе я пробыл всего одну неделю, но и за этот короткий срок мне ясно было видно, что дело Добровольческой армии погибло. Крым еще удерживался войсками Одесского фронта - группой генерала Слащева, отступавшего на Перекоп, где он укрепился и сдерживал наступление красных. Севастополь был переполнен офицерством и беженцами и представлял совершенно такую же картину, как и Одесса. На Севастопольском рейде были уже приготовлены пароходы для вывоза имущества морского ведомства и семей моряков. Последние позаботились заблаговременно нагрузить пароходы своим имуществом, до домашней обстановки включительно. Положение было таково, что не сегодня-завтра Севастополь будет брошен. Командующий войсками генерал Шиллинг прибыл только 27 января, а генерал Слащев находился на севере Крымского полуострова; распорядиться было некому; царила полная неразбериха и паника. 27-го на пароходе «Молчанов» прибыл генерал Шиллинг, но и он общего положения и настроения не изменил, у всех была только одна надежда на упорное сопротивление генерала Слащева. Весь мой аппарат был вывезен из Одесского района, и естественно, что в Крыму, где были свои контрразведывательные органы, я мог считать себя

более ненужным, тем более что должность мною была принята против желания и сулила мне в будущем все неприятности ликвидации и сдачи имущества эвакуированных пунктов, что уже по первым их действиям указывало на ряд злоупотреблений. Поэтому я решил отказаться от навязанного мне против воли дела и подал рапорт об отчислении от должности, что и было принято генералом Шиллингом. 2 февраля я выехал из Севастополя в Константинополь на английском угольщике «Мерседес».

Глава X

Приезд в Турцию.

-Передача Главного командования генералу Врангелю - Представитель главкома в Турции. - Его сотрудники. - Мое назначение начальником паспортно-пропускного отделения, - Порядок отправок и недопущения в Крым. - Отношение союзников к русским беженцам. - Иностранная разведка в Константинополе. - Снабжение Крыма. - Жизнь русских в Константинополе. - Оставление Крыма

Путешествие на пароходе «Мерседес», считая вместе с остановками в карантинах, продолжалось в общем девять дней и была по сравнению с прежними передвижениями по Черному морю, скорее увеселительной прогулкой. Нас, русских, вместе с семьями было всего 17 человек: все помещались в офицерской кают-компании, прекрасно питались благодаря любезному отношению и гостеприимству команды и офицеров парохода. Все мы были высажены на острове Принкино (Принцевы острова) я размешены

на дачах, на полном иждивении англичан, где уже находилось до 2000 русских беженцев из Одессы и Новороссийска. Нужно отдать полную справедливость англичанам, что, поддерживая до известной степени довольно строгий режим, они прекрасно относились к русским и содержали их в полном довольствии.

В марте были получены сведения о полной эвакуации Новороссийска, причем остатки русской армии были переброшены в Крым, а часть ее ушла в Закавказье и даже в Персию. Семьи чинов Добровольческой армии были эвакуированы в Турцию, Болгарию, Сербию, Грецию, на острова Кипр, Мальту и даже в Египет. Главнокомандующий генерал Деникин сложил с себя звание и передал его генералу Врангелю, который будучи вызван из Константинополя, где находился не у дел, первой своей задачей

поставил спасти остатки армии, а потому с первых же шагов начал ее реорганизацию, назвав ее Русской армией, обеспечивая в то же время себя укреплением Перекопского перешейка, дабы не дать возможности красным захватить себя врасплох, что, при том расстроенном состоянии, в каком находились остатки армии, вывезенной из Новороссийска, легко могло случиться.

Я не могу описывать ни действий Русской армии в Крыму, ни работы административного характера Главного командования, так как на месте не был и мог следить за этим лишь по газетам в сообщениях приезжавших из Крыма, а потому ограничусь лишь изложением жизни русских и работы представительных органов Русской армии в Константинополе. Это проходило на моих глазах, ибо в очень скором времени

новый представитель главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе генерал Лукомский пригласил меня на должность начальника паспортно-пропускного отделения при своем представительстве.

Генерал Лукомский сменил бывшего до него военного представителя Добровольческой армии генерала Агапеева на совершенно новых началах. Ему были подчинены все русские военные учреждения, до того времени бывшие независимыми, как-то: русская морская база, русский морской агент, капитан над портом, финансовый агент, представитель артиллерийского ведомства и разные заготовительные и закупочные комиссии и специальный беженский отдел. Вся дипломатическая часть и русское консульство были в ведении дипломатического представителя А. А. Нератова, независимого от генерала Лукомского, но действовавшего по соглашению с ним.

Я состоял при канцелярии генерала Лукомского, заведывая паспортной частью, то есть разрешением виз, контролем перевозок в Крым и, кроме того, информацией на Ближнем Востоке в смысле большевистской пропаганды и работы. По обязанностям службы мне приходилось ежедневно делать доклады генералу Лукомскому. Я его знал еще в чине подпоручика, когда мы вместе слушали курс в Николаевской академии Генерального штаба, и теперь, по прошествии 25 лет, мне впервые пришлось встретиться с ним на служебном поприще в Константинополе. Это был, безусловно, честный человек, соблюдавший интересы казны и Главного командования, виден в нем был большой административный опыт, полученный продолжительной штабной службой в Петербурге и в работах Особого

совещания при штабе главнокомандующего Добровольческой армией. В 1920 г., когда еще сохранился клочок русской земли в руках Русской армии, иностранные верховные комиссары в Константинополе и командующие оккупационными союзными войсками считались главным образом с военным представителем Русской армии, а не с дипломатическим, а потому поддержание с иностранцами самой живейшей связи и добрых отношений приобретало громадное значение: как ни как, а зависимость от Антанты была, что выражалось как в моральной, так отчасти и в материальной поддержке. В этом отношении генерал Лукомский вполне отвечал своему назначению, наладив прекрасные отношения и с достоинством поддерживая честь Русской армии.

Сотрудники генерала Лукомского, к сожалению, не все были безупречны. Большая часть, конечно, исполняла свой долг по совести, но были и такие, которые смотрели на дело с точки зрения личных интересов. Так, например, два подряд военно-морских агента растратили казенные ссуды, а один из них, составив себе приличный капитал, бесследно скрылся, заранее предвидя раскрытие его злоупотреблений по службе,

В Крыму в это время началась работа государственного строительства. Генерал Врангель стоя вызывая из-за границы некоторых лиц, которых считал полезными сотрудниками, но вместе с тем началась тяга в Крым тех, кого и не приглашали. Эти последние рассчитывали на то, что пристроятся в тылу и в случае удачи общего дела займут прочное положение в будущем. Кроме того, Главное командование в целях пополнения армии поставило требование о возвращении

из-за границы всех боеспособных элементов в ряды армии; эта мера, наоборот, вызвала пассивное сопротивление. Благодаря этим обстоятельствам сразу наметилось чрезмерное разбухание тыла и слабое пополнение фронта, что заставляло генерала Лукомского принимать самые решительные меры, чтобы понудить молодое боеспособное офицерство ехать в Крым, до лишения во всем своего содействия и материальной поддержки. Но была одна категория, стремившаяся во что бы то ни было в Крым вопреки запрещению Главного командования -это эвакуированные в свое время семьи служащих в Крыму, желавшие присоединиться к своим главам, с чем приходилось постоянно воевать. Запрет был вызван тяжелыми экономическими условиями, квартирным и продовольственным кризисом.

3 мая приказом главнокомандующего я, совершенно неожиданно для себя, был назначен чем-то вроде директора Департамента полиции при штабе главнокомандующего, то есть, иначе говоря, начальником политического и уголовного розыска в Крыму. Назначение это меня совершенно не устраивало. Во-первых, я сомневался в том, что Крым удержится под натиском большевиков - дело было уже проиграно генералом Деникиным и, судя по первому приказу генерала Врангеля, отданному еще в Константинополе, до приема армии, Крым являлся лишь этапом для дальнейшей эвакуации армии за границу, а во-вторых, работать при тех условиях, какие создались уже у генерала Деникина, и с теми же людьми, считал для себя неприемлемым; опыт Одессы слишком был показателен. Поэтому от назначения я решительно отказался и остался в своей прежней скромной должности в Константинополе. Однако здесь мне пришлось наблюдать

за действием наших крымских разведывательных и контрразведывательных органов, и должен сказать, что они не были на высоте положения. Например, большинство агентов разведки, приезжавших в Константинополь, были или мошенники, или дублеры. С их стороны преследовалась единственная цель - получить покрупнее сумму для командировки и скрыться за границу, где они себя чувствовали в недосыгаемости. Даже бывшие кадровые офицеры не отличались чистоплотностью. Например, был командирован в Константинополь бывший командир кавалерийского полка полковник Фусс, человек почтенный, которому была дана задача наладить курьерскую связь Крыма с Константинополем, Белградом и Софией; он же должен был получить от генерала Лукомскогр около 3000 английских фунтов для отвоза на обратном пути в штаб главнокомандующего. Получив деньги, он в Крым не поехал, а скрылся за границу, и только почти спустя год были получены сведения, что он благополучно проживает в Париже с присвоенными деньгами. Другой пример: полковник Генерального штаба Симинский перешел на сторону красных и увез с собой некоторые секретные документы. А ведь этот полковник был начальником разведывательной части при штабе главкома. Такие факты только подтверждали сложившееся у меня определенное мнение о невысоком нравственном уровне сподвижников белого движения, особенно в среде так называемых контрразведчиков.

Мне, как контролирующему и разрешающему отъезд в Крым, приходилось все время вести борьбу в двух направлениях. С одной стороны, выдерживать атаки, слезные просьбы и т. п. семей, желающих присоединиться к своим родственникам в Крыму, вопреки

запрещению, главнокомандующего, а с другой - прилагать героические усилия, чтобы заставить молодых боеспособных людей ехать в Крым в ряды армии. Эта последняя категория была самая несносная: в большинстве случаев это были самые скверные элементы армии; отвыкшие от работы, они без всякого дела болтались по Константинополю, пьянствовали, скандалили и ежедневно осаждали беженскую часть, выпрашивая пособия.

Кроме этих категорий, замечалась сильная тяга в Крым мелких торговцев и спекулянтов; это были греки, турки и русские, везшие всякого рода товар, большей частью мануфактурный, старавшиеся нажить на разнице цен и валюты 100% и более. В это время валюта главного командования стала прогрессивно падать. В Константинополе началась сильная биржевая игра на ее понижение. В Крыму принимали всякого рода меры против обесценения русских денег. Я предложил, с своей стороны, реальную меру для поднятия или по крайней мере для сохранения большей устойчивости русских денежных знаков, но, к сожалению, проект, посланный генералом Лукомским Кривошеину, помощнику главкома по гражданской части, был им оставлен без должного внимания. Мера эта заключалась в том, чтобы с каждого лица, отправляющегося в Крым по торговым делам, брать 10 турецких лир за визу, но требовать взноса их в русских деньгах по курсу дня. Это вызвало бы большой спрос русских денег в Константинополе и придало бы им большую устойчивость. Этот паспортный сбор в русской валюте должен был поступать в распоряжение главнокомандующего и уменьшил бы новые выпуски денежных знаков. Каждый пароход, идущий в Крым, возвращал бы миллионы русских денег русскому

Государственному банку. Почему Кривошей отнесся к проекту отрицательно - не знаю.

Отношение англичан к русским беженцам после эвакуации Новороссийска и Одессы было наиболее покровительственное, сравнительно с другими союзными властями, оккупирующими Константинополь. После отъезда бывшего главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина в Лондон англичане продолжали содержать русских в лагерях и общежитиях до июня 1920 года. С этого момента политика Ллойда Джорджа круто изменилась в отношении большевиков, и вместо интервенций, которые Англия поддерживала с 1918 г., с советской Россией начались переговоры о возможности торговых сношений и прекращения помощи белому движению. Общежития и лагеря, поддерживаемые англичанами, были ликвидированы, и в скором времени после заключения первого торгового договора с большевиками в Константинополь была допущена советская торговая миссия. Приблизительно в это же время Франция признала правительство генерала Врангеля в Крыму, что хотя и не оказало ему материальной поддержки, но обеспечило большую устойчивость и покровительство на случай неудачи. Третья оккупирующая Константинополь держава, Италия, в русском вопросе держала себя нейтрально. К этому я должен добавить, что Франция и Италия еще долго продолжали помощь русским беженцам, принятым ими под свое покровительство на Принцевых островах, а Англия еще почти целый год содержала таковых на острове Кипре, Мальте и в Египте. Колоссальную помощь оказывал русским беженцам американский Красный Крест и американские благотворительные организации, устраивая столовые бесплатного питания, снабжая

неимущих беженцев продовольственными продуктами, помогая одеждой, бельем и обувью, беря на свое воспитание детей, помогая юношеству продолжать образование в средних и высших учебных заведениях Европы. Эта помощь заслуживает самой глубокой благодарности русской нации Америке.

Дело союзной разведки и контрразведки в Константинополе было поставлено из рук вон плохо. Главной причиной этого нужно считать то обстоятельство, что каждая страна имела свои отдельные органы, без общего руководства и никем не объединенные, а это являлось крупнейшим злом. Были контрразведки: английская, французская, итальянская, греческая, русская, польская, японская, украинская, сухопутные и морские и т. д. Было совершенно справедливо, что русский поэт Мятлев, будучи в Константинополе, [в] одном из своих стихотворений сказал: «И сорок три контрразведки венчают новый Вавилон». Другая причина неудовлетворительной постановки розыска - это подбор личного состава. Во главе дела у иностранцев стояли люди совершенно неопытные, большей частью заурядные строевые офицеры, малознакомые с особенностями этого рода службы, а потому и агенты были подобраны недобросовестные, все из того же ненадежного русского элемента, о котором я уже говорил. Работа всех контрразведок была направлена против надвигающегося большевизма, но активности не проявлялось никакой. Не говорю уже о русских, украинских, польских и т. д. контрразведках, которые были неправомочны, но даже органы и оккупационных держав боролись с коммунизмом «постольку-поскольку», то есть если возможно было уличить лицо в пропаганде среди

союзных войск, тогда дело кончалось арестом и судом, в противном же случае, даже при наличии всех улик в принадлежности к коммунистической организации, дело оставалось без последствий.

Вследствие такой постановки дела большевистские разведывательные органы и пропагандисты могли спокойно работать и коммунистическая пропаганда в Константинополе прогрессивно возрастала. Всякий контроль при прибытии в Константинополь обходился большевиками тем, что они появлялись здесь с вполне легальными (но чужими) паспортами.

Из всех контрразведок все-таки наибольшую активность проявляла французская. Что же касается английской, то таковая в июне, ввиду заключенного торгового договора с советской Россией, закрыла свою русскую секцию и замаскировалась тем, что приняла на свое иждивение украинскую контрразведку.

Дело снабжения Русской армии углем, обмундированием и боевым снаряжением было возложено на генерала Лукомского и подведомственные ему органы: С. Н. Гербея, представителя артиллерийского ведомства, закупочные комиссии. Боевое снаряжение приходилось разыскивать и покупать тайком, причем союзные власти смотрели на это сквозь пальцы и, нужно им отдать справедливость, даже покровительствовали.

Жизнь русских эмигрантов в Константинополе не отличалась особой скромностью. После одесской и новороссийской эвакуации неимущая масса была расселена или на Принцевых островах на иждивении иностранцев, или на посольских дачах в Буюке Дере и Терапии - в общежитиях, на попечении русских

благотворительных учреждений. В самом Константинополе жили русские, не стеснявшиеся в средствах. Некоторые крепко пустили корни здесь, занявшись торговыми операциями, устройством ресторанов, игорных домов и т. п. Некоторые имели достаточные средства для того, чтобы жить в лучших отелях, смотрели на свое пребывание в Константинополе как на временное, направляясь в другие страны Европы. Из Крыма постоянно прибывали более предусмотрительные лица со средствами, не верившие в прочность положения там; между последними было немало военных и гражданских чинов бывшей Добровольческой армии, которые остались не удел. Большая часть этой денежной публики проводила время в Константинополе празднуя, в кутежах, оргиях и по карточным притонам, которых стараниями же русских развелось значительное число. Легко спускались деньги теми, которые их легко нажили всякими правдами и неправдами в период общей разрухи.

В общем наблюдалась картина: с одной стороны, полная нищета и зависимость от русской и иностранной благотворительности, а с другой - широкая расточительность; с одной стороны, тяга в Крым от тяжелых условий беженской жизни, а с другой стороны, бегство из Крыма за границу, чтобы использовать свой достаток в более культурных и спокойных условиях Западной Европы.

В октябре, после заключения поляками мира с большевиками, положение Русской армии в северной Таврии, теснимой превосходящими силами красных, было очень тяжело. Отступление за Перекопский перешеек уже предвиделось, и вопрос был лишь в том, как долго Русская армия удержится в Крыму под прикрытием

укрепленной Перекопской позиции. Но суждено было так, что наступившие ранние морозы помогли красным обойти наши укрепления по льду и путь в Крым был открыт. Русская армия должна была либо капитулировать, либо эвакуировать Крым. Главнокомандующий решил эвакуировать армию и тем спасти ее от ужасных последствий захвата красными.

Известие об этом решении было получено в Константинополе в самом конце октября, а уже в первых числах ноября стали прибывать в Константинополь пароходы и военные суда с войсками и гражданскими беженцами из разных портов Крыма. На 70 судах было вывезено до 140 тысяч людей. В течение нескольких дней на внешнем рейде в Мраморном море стояла огромная, небывалая здесь по числу вымпелов, флотилия.

Глава XI

Эвакуация Крыма.

- Размещение эвакуированных по странам и лагерям. Судьба военного флота. -Реорганизация власти и местных русских учреждений. - Ликвидационная комиссия. -Переход на беженское положение, бегство из лагерей. - Константинополь в дни наплыва русских беженцев. - Русское посольство и охрана его. - Гибель «Лукулла». -Главнокомандующий генерал Врангель.

Попечением главнокомандующего все русские, вывезенные из Крыма, были приняты под покровительство Франции и распределены таким образом: казачьи части отправлены в лагерь на остров Лемнос и в лагерь на фракийский берег Мраморного

моря - Чаталджу. Все пехотные части (корпус генерала Кутепова), кавалерийский корпус генерала Барбовича и артиллерия помещены в лагере на полуострове Галлиполи. Гражданские лица были размещены в лагерях в окрестностях Константинополя и в самом городе - в разных казармах и общежитиях. Так были созданы большие лагеря: Сан-Стефанский, Лан, Каробер, Селямие, Тузла, Долмабахче, Халки, Буюк Дерё, Терапия и др. 20 тысяч было сразу, без высадки в Константинополе, отправлено в Сербию через порт Катаро, около 10 тысяч в Болгарию через Варну, одна тысяча в Грецию. Румыния отказалась принять хотя бы одного человека.

Путешествие из Крыма и содержание на пароходах, судя по рассказам эвакуированных, было совершено при самых кошмарных условиях. Главный ужас был в необыкновенной скученности, даже на сравнительно больших пароходах Добровольного флота. На некоторых число пассажиров доходило до 11 тысяч человек. Если к этому прибавить недостаток провизии, то будет вполне понятным, что могли испытывать в течение нескольких дней путешествия русские беженцы. Во время стоянки флотилии на Константинопольском рейде ежедневно все русские и иностранные⁴ благотворительные организации и даже частные лица развозили

продукты, и главным образом хлеб, голодным беженцам.

Весь военный флот с командами русских моряков был отправлен во французскую колонию в Африке - Бизерту. Весь остальной торговый флот после того, как был освобожден от пассажиров и грузов, был взят в пользование французами в возмещение расходов по

перевозке и содержанию Русской армии и гражданских беженцев. Временно были оставлены в пользовании русских только два судна: пароход «Александр Михайлович», где помещался штаб главкома, и яхта «Лукулл», где имел пребывание генерал Врангель.

После распределения и размещения беженцев была начата реорганизация власти и местных русских учреждений. Главнокомандующий СЛОЖИЛ с себя звание правителя Юга России, а потому и правительство его было расформировано. По текущему моменту нужно было оставить только следующие отделы управления: управление беженской частью, что было возложено на С. И. Ильина, финансовой частью, сперва на профессора Борлицкого, а после его отъезда в Париж - [на] А. И. Пилыш, финансового контроля - на Савича. По военной части: штаб главнокомандующего - [на] генерала Шатилова и ликвидационная комиссия - [на] генерала Ставицкого. Военное представительство при Союзном командовании было упразднено и заменено военной агентурой, причем на должность военного агента в Турции был назначен генерал Г. Г. Чертков. (Паспортное отделение по-прежнему осталось при военном агенте).

Самый обширный отдел был беженский, который имел несколько отделений как-то: общее, санитарное, питания, пособий и т. д. Константинопольский отдел руководил на первых порах всеми местными беженскими отделами на Балканах. Этот отдел вначале был очень велик по своему личному составу, по постепенно, по мере расселения беженцев и уменьшения средств, сокращался и к январю 1922 г. совершенно был упразднен. Функции же его были переданы дипломатическим представителям и заключались лишь в

мелких пособиях и содействии при отправках беженцев в другие страны.

Финансовый отдел вначале также был довольно велик, но впоследствии сократился до одного финансового агента, а с отъездом главкома в Сербию, в феврале 1922 г., для Константинополя был совершенно упразднен. То же случилось и с Контролем. Штаб на п е р в ы х п о р а х у п р а з д н и л в с ю генерал-квартирмейстерскую часть, оставив только дежурного генерала, судное отделение, строевое и информационное. Затем и это было сокращено. Осталось только два отделения: оперативное (строевое) и информационное. В этом составе штаб вместе с главнокомандующим и переехал в Сербию (Српски Карловцы).

Ликвидационная комиссия, рассчитанная на три месяца, не более, просуществовала полгода.

С прибытием в Турцию, на пароходах, кроме наличности Государственного банка в виде иностранной валюты и ценностей, было доставлено и много ценного груза, который, будучи реализован, мог пополнить сравнительно скудную казну Главного командования. Кроме того, было заявлено много претензий и исков со стороны кредиторов казны по разным исполненным заказам и поставкам в Крыму, которые следовало так или иначе удовлетворить. Все это легло на обязанность ликвидационной комиссии по соглашению с финансовым и контрольным отделом. Каждый расход утверждался особым финансовым совещанием, в состав которого входили представители финансов, контроля и ликвидационной комиссии. Долги казны значительно превышали ее наличность, и удовлетворить всех

кредиторов не было возможно, а потому финансовое совещание в большинстве случаев, утверждая счета кредиторов, признавало за ними право получения денег из государственного казначейства только по восстановлению России. Очень жаль, что к этому способу удовлетворения кредиторов финансовая комиссия не прибегла сразу и большие суммы ушли в удовлетворение подрядчиков и спекулянтов, которые и так за время Гражданской войны нажили огромные барыши; лучше бы эти деньги пошли на содержание так нуждавшихся беженцев.

Тотчас же по высадке и расселении русских по лагерям начались массовые уходы, их из лагерей к самостоятельной жизни в городе и переход на беженское положение чинов армии, не желавших оставаться в ее рядах, В этом отношении главнокомандующий предоставил им полную свободу; никто насильно в армии не удерживался. Куда же они стремились? Одни, будучи ограничены и стеснены лагерным распорядком, стремились к личному заработку, другие, имевшие кое-какие сбережения, создавали торговые и коммерческие дела и, наконец, многие, не желая оставаться в Турции по тем или другим причинам, устраивали себе визы и уезжали в другие страны. Французы, которые считали себя ответственными за вывезенных и отданных им под покровительство русских, на первых порах старались удержать эту утечку из лагерей и пытались их вновь водворять на старые места, для чего было введено много паспортных правил и ограничений. Были, например, специальные французские патрули, проверявшие в городе у русских документы и подозрительных задерживавшие и отправлявшие на сборный пункт в лагерь Сиркеджи. Но все эти меры ни к

чему не привели, и бегство русских из лагерей продолжалось. Впоследствии французские власти режим ослабили, стали смотреть на уход русских из лагерей как на явление вполне нормальное, а еще позже, вследствие поворота своей политики в русском вопросе, даже всячески содействовали большевикам в распылении русской эмиграции. Странную картину представлял Константинополь в эти дни: он точно завоеван был русскими, наполнившими улицы города. Большинство беженцев было бездомно, ходили в поисках заработка, продавали на рынках и на улицах те немногие крохи своего имущества, которые им удалось вывезти с родины, валялись по ночам на папертях мечетей, ночевали в банях и т. п. На Пера, около русского посольства, ежедневно стояли огромные толпы русских, продававших свои пожитки и русские деньги, ничего не стоившие в то время. Двор посольства и все находившиеся в зданиях посольства учреждения были переполнены русскими беженцами: одни приходили за паспортами, другие за пособиями и помощью, а много было и таких, которых, от нечего делать просто тянула к себе русская территория. Среди общей массы были и такие, которые смело могли оставаться у красных - им ничего не грозило, по своим убеждениям они больше подходили к большевикам, и нужно было удивляться, зачем они покинули Крым. Этот последний элемент занимался в помещениях посольства кражами, распространял ложные слухи, что не сегодня-завтра посольство будет захвачено большевиками, всячески будировал публику красной опасностью и предлагал для охраны посольства свои услуги и услуги каких-то таинственных организаций. Все эти обстоятельства привели к необходимости, для сохранения порядка и безопасности посольской усадьбы»

создать особую охранную команду и учредить должность коменданта. Распоряжением главкома комендантом посольства был назначен генерал Чекатовский, а для охраны зданий был назначен полуэскадрон конной гвардии. Русское консульство и Николаевский военный госпиталь охранялись людьми того же эскадрона. С установлением охраны был достигнут до известной степени порядок и гарантия от захвата посольства если не большевиками, то во всяком случае какими-либо темными элементами. Нужно сказать, что конная гвардия не была на высоте положения: кражи продолжались, и даже при содействии самих охранителей, и когда зашел разговор о замене конногвардейцев ординарческим эскадром, то одним из конногвардейцев, стоявших на посту у ворот драгоманата, была брошена с целью провокации ручная граната, хотя и не причинившая никому вреда, но вызвавшая слух, что произошло покушение со стороны большевиков на захват посольства и поэтому сменять конногвардейцев, как знакомых уже с охраной, отнюдь не следует. Произведенное по этому случаю дознание выяснило, что во взрыве гранаты большевики никакого участия не принимали, но конногвардейцы были заменены ординарческим эскадром, при котором охранная служба пошла много лучше.

Главное здание русского посольства было битком набито: дипломатический представитель, его канцелярия и весь личный со» став канцелярии, приемная главкома и его личный секретариат, посольская церковь и лазарет для вывезенных из Крыма раненых. В драгоманате помещались военная агентура, паспортное отделение, все учреждения поэвакуационного времени и все служащие этих учреждений, причем последние были так

уплотнены, что семейные занимали по одной комнате, а холостые по несколько человек в одной. Впоследствии, когда чины бывшего штаба были отправлены на пароходе «Александр Михайлович» в Сербию, то штаб главкома в новом сокращенном составе еще более уплотнил драгоманат.

Главнокомандующий имел свое пребывание на яхте «Лукулл», и только для служебных приемов приезжал в посольство, «Лукулл» стоял на якоре в Босфоре, довольно далеко от посольства, что вызывало большие неудобства в смысле быстроты сношений и докладов. Впоследствии» когда яхта «Лукулл» погибла благодаря умышленному или неумышленному столкновению с наскочившим на нее итальянским пароходом «Адрна», генералу Врангелю пришлось переехать в посольство. Дознание, произведенное портовыми властями по поводу гибели «Лукулла», не выяснило истинной причины столкновения, но у всех русских сложилось убеждение, что «Лукулл» был потоплен с целью покушения на жизнь главкома генерала Врангеля по инициативе большевиков.

Генерал Врангель совершил большое дело, вывезя из Крыма армию и гражданских лиц, чем спас их от большевистских зверств, но естественно являлся вопрос, что же этой армии дальше делать. Этот вопрос каждый вправе был поставить. Какие планы у главнокомандующего, какие виды на будущее? Каждый, особенно тот, который отказался покинуть ряды армии, ждал ответа на этот вопрос. Все знали, что генерал Врангель во что бы то ни стало хочет сохранить армию, но для чего, что и когда он будет с нею делать, этого никто не знал, и, я думаю, не знал этого и сам Врангель. Никакого определенного плана у Врангеля не было.

Однако, если суммировать деятельность Врангеля в Константинополе, его заботы о положении армии в местах ее расселения, желание поставить ее в лучшие материальные условия, перевозку частей в Сербию и Болгарию, [можно] думать, что Врангель осуществляет определенный план для действий в России. Поэтому вполне понятна тревога большевиков, которые, изгнав Русскую армию за границу, все время чувствовали на первых порах за морем угрозу, которая может их заставить вновь вести борьбу за какой-либо новый клочок русской территории. Население же Юга России, испытавшее уже всю тяжесть большевистского режима, с надеждой взирало за море и ждало спасения от той же ушедшей за границу армии. Но, увы, этим надеждам не суждено было сбыться. У Врангеля никаких планов будущих операций, при существующей политической обстановке, не было, и ни одна иностранная держава ему не желала помочь вновь вступить в борьбу с большевиками для освобождения России и сокрушения коммунизма как общей мировой угрозы.

Поэтому может быть и правы те, кто упрекал Врангеля в беспочвенных успокоениях остатков своей армии несбыточными надеждами на скорое возвращение в Россию, вместо того чтобы прямо сказать, что на этот раз дело проиграно окончательно и что нужны какие-то иные, новые пути для освобождения поработанной и истекающей кровью родины.

К. И. Глобачев

Декабрь 1922 года

С. Н. ГЛОБАЧЕВА

ПРЕЛЮДИЯ ПРОИСХОДЯЩИХ В МИРЕ СОБЫТИЙ

Прошло 33 года с того ужасного времени, когда в России произошла революция, воспоминания о ней живо сохранились в моей памяти, и я хочу, будучи уже на краю могилы, беспристрастно передать то, что было, чему я сама была свидетельницей, а также свои переживания.

В моих воспоминаниях я привожу настоящие фамилии упомянутых в них людей, так как, за очень малым исключением, никого из них уже нет в живых. Начну с 1904 года, когда мой муж был назначен в г. Белосток (в Польше), где большая часть населения были евреи. Когда начались выступления революционеров, выражавшиеся в постоянных убийствах должностных лиц, то правительство учредило в Белостоке небольшое охранное отделение, начальником которого был назначен мой муж, еще совсем молодой человек, окончивший Академию Генерального штаба и только год тому назад оставивший лейб-гвардии Кексгольмский полк, где он был общим любимцем как офицеров, так и солдат.

Муж был причислен к Министерству внутренних дел. С приездом нашим в Белосток началась вся моя тревожная, мучительная жизнь, так как ни за один день я не могла поручиться, что мой муж не будет убит революционерами. Некоторые из многих убийств в Белостоке, касающиеся не должностных лиц, а просто солдат, как-то особенно врезались в мою память. Помню,

как был убит ни с того ни с сего один денщик, возвращавшийся с базара домой, подкравшимися сзади революционерами; помню, как рота солдат возвращалась с учения, с песнями, домой в казармы и из засады вдруг началась по ней стрельба из револьверов и брошена была бомба кучкой молодых евреев. Несколько солдат было ранено, и рота ответила выстрелами. Город замер, начались обыски в домах, в которых попрятались стрелявшие революционеры. Шла непрерывная стрельба и со стороны солдат, и со стороны революционеров, стрелявших из окон. Так как в Белостоке многие дома, в особенности в еврейском районе, были сквозные, то пули попадали и в невинно проходящих или сидящих у своих домов людей даже на далеком расстоянии от происходящей перестрелки. Таким образом было убито несколько стариков, женщин и детей, два военных писаря и несколько мирных жителей. От чьих пуль были они убиты, от солдатских или революционеров, никому не было известно, но революционеры сейчас же воспользовались этими случайными убийствами, чтобы кричать, что правительство убивает стариков, женщин и детей. Мой муж находился вместе с другими властями на месте происшествия, и я не могла оставаться спокойно дома и поэтому села с одной моей знакомой в трамвай, шедший по главной улице, чтобы узнать, что именно происходит. Владельцы магазинов - евреи, которые меня лично знали, подходили к трамваю и упорно настаивали, чтобы я вернулась домой, так как могу быть убитой шальной пулей. Пришлось послушаться и переживать дома ужасные часы до прихода моего мужа. Жуткое зрелище представляли похороны невинных жертв этой перестрелки. Потом началась целая серия убийств должностных лиц пулями и бомбами, закончившаяся

погромом, вызванным провокаторами-революционерами, которые находили, что «чем хуже, тем лучше».

К счастью моему, мы уже не были в это время в Белостоке. Всех должностных лиц, которые находились там, включая и военных, революционеры приговорили к смерти и стали посылать своих террористов в те города, где эти лица потом находились, и все были убиты, хотя и в разное время. Муж получил потом сведения, что приезжали и в г. Лодзь, куда был переведен мой муж, и намеревались его убить, но, узнав от своих, что во время погрома он был уже в г. Лодзи, оставили пока свой замысел.

Оставались мы в Белостоке один только год. Перед отъездом мне пришлось пережить кошмарную ночь, но окончившуюся благополучно и даже с маленьким курьезом. Муж получил сведения, что в Белосток приехал один важный террорист для изготовления бомб. Так как выполнение ареста этого террориста было очень опасным, то муж сам, с назначенными для этого людьми, отправился руководить этим арестом, что не входило в его прямую обязанность. Вошедши в квартиру этого террориста, люди стремглав бросились к нему и выхватили готовую уже бомбу, которую он держал в руках, чтобы бросить в пришедших и, конечно, самому погибнуть при этом. Зная, на какую опасность отправился мой муж, я не могла сомкнуть глаз всю ночь, но, очевидно, под утро, очень утомившись от переживаемых волнений, я на минутку вздремнула и вдруг с ужасом проснулась. Спросонья мне послышался какой-то плач, но какова была моя радость, когда я увидела моего мужа живым и невредимым, в пальто, стоящим подле моей кровати и вытряхивающего из своего рукава пищащего щеночка нескольких дней

отроду. Оказывается, возвращаясь домой, он услышал какой-то писк и, подойдя к месту, откуда он раздавался, увидел дрожащего от холода щеночка и, всунув его в рукав пальто, чтобы он согрелся, принес его домой. В прекрасную потом собаку превратился этот найденыш-щенок.

Из Белостока муж был назначен начальником жандармского управления в г. Лодзь, где тогда начались повальные забастовки и убийства. Не проходило и дня, чтобы кого-нибудь не убили. Когда няня с детьми выходила на прогулку, я ей строго приказывала не выходить сейчас же после мужа или его подчиненных и держаться вдали от встречаемых должностных лиц, в которых из-за угла могут бросить бомбу. Все должностные лица не выходили иначе, как окруженные с четырех сторон солдатами с ружьями, но даже несмотря на эти предосторожности, многие были убиты, и не только из начальствующих лиц, но и нижних чинов. Ужасным образом погиб один из помощников мужа. Ежедневно он выходил из дома в определенное время и, окруженный солдатами, отправлялся на службу. Революционеры были осведомлены о времени и маршруте его и поджидали их. Когда он с солдатами подошел к углу улицы, послышался вдруг провокационный выстрел сзади и когда все они обернулись, то с двух улиц спереди выскочили молодые революционеры и всех уложили на месте, а в лежачего убитого офицера выпустили еще 10 пуль. Такой террор продолжался довольно долго, и только после того, как забастовщики одной большой фабрики арестовали владельца-еврея¹, связав его на фабрике, когда он пришел для переговоров с ними, и истязали его в течение трех дней, мучили его, били, не давали ни есть,

ни пить, жители города завопили в панике и молили о сильной власти, и тогда на смену прежнего временного генерал-губернатора, человека слабого и нерешительного, был назначен генерал Казнаков, арестовавший зачинщиков и предавший их военно-полевому суду, который приговорил 10 человек к расстрелу, в том числе одну женщину, главную подстрекательницу.

Приговоренные приговору не верили. Сидя в тюрьме, глумились над ксендзом, пришедшим подготовить их к смерти, над решением суда, говоря «не посмеют», но когда их привели в лес на место расстрела и они увидели 10 вырытых могил, то начали кричать, плакать и молить о помиловании. После этого забастовки прекратились, и только изредка случались еще убийства.

Революционеры все время распускали всякие вздорные слухи, чтобы будоражить население. Однажды был пущен слух, что готовится погром. Владелец лавки - еврей, живший в доме по соседству с нашим, пришел ко мне с просьбой позволить приютиться ему с женою и шестью детьми у нас на кухне в случае погрома. Я ему доказывала, что никакого погрома власти не допустят и он может быть совершенно спокоен, но он не успокоился до тех пор, пока я ему не обещала, что в случае погрома, которого, конечно, не будет, он может расположиться со всей семьей у нас в квартире, в комнатах прислуги. То, что еврей искал убежища в нашей квартире, ясно показывает, что жители не верили, что власти устраивали [погромы], как об этом кричали революционеры. В такой обстановке мы жили, окруженные солдатами с ружьями, когда куда-нибудь выходили из дому, но как-то привыкли к этому и даже не замечали. Знакомые, приезжавшие из Варшавы нас

навещать, поражались, как мы можем переносить подобную напряженную жизнь, но, очевидно, люди привыкают даже к самому худшему и, как это ни покажется странным, но проведенные четыре года в Лодзи остались самыми лучшими моими воспоминаниями, несмотря на все то, что пришлось там переживать. Думаю, что произошло это потому, что жители и фабриканты, большей частью евреи, а также гражданские и военные власти, квартировавшие там, очень доброжелательно и с большой симпатией относились к нам. Не могу обойти молчанием личность бывшего тогда президента города Лодзи - поляка, действительного статского советника Пеньковского (в Польше городской голова назывался президентом города). Это был человек чрезвычайной честности и глубоко преданный Государю и России. Когда он говорил о царской семье или кто-нибудь из присутствующих, он неизменно вставал и почтительно стоял все время, пока разговор длился.

Город Лодзь представлял из себя самый большой в Польше фабричный город, с полумиллионным населением. Подъезжая к нему, уже за несколько верст можно было видеть громадное облако густого черного дыма, обволакивающего город, и старожилы уверяли, что, может быть, из-за этого дыма в Лодзи никогда не было никаких эпидемий, и даже когда по всей Польше свирепствовала холера, она все же миновала его. Оставаться летом в таком дымном городе не было возможности, и кто имел детей старались выбраться куда-нибудь. В этом отношении чудное место представляла Спала - летняя резиденция Государя, куда он часто приезжал с семьей отдохнуть и поохотиться. Дворец стоял в огромном сосновом лесу, перемешанном с

огромными дубовыми деревьями. В лесу находились целые стада оленей, даниелек и диких кабанов, а также фазаны. Всюду по лесу были устроены ясли, куда клалось сено для оленей, были устроены высокие площадки, с которых стреляли по кабанам во время царских охот. Дворец стоял недалеко от проезжей дороги, шедшей через весь лес. Это был небольшой двухэтажный дом с небольшим числом комнат, обставленных скромной мебелью. Главным украшением комнат и передней были стены, увешанные сверху до низу головами оленей с рогами всевозможной величины и кабанов с огромными клыками, убитых во время охот Государем, великими князьями и высокими особами, приезжавшими погостить в Спаду из-за границы. Под каждой парой рогов была прибита серебряная дощечка с именем охотника и числом, когда олень был убит; такие же дощечки были и под клыками. Некоторые рога были до того большие и разветвленные, что казалось невероятным, чтобы такое дерево выросло на головах оленей и они так легко могли носить такую тяжесть. Вокруг дворца были пристройки для свиты и приезжающей с царской семьей прислуги, конюшни и казармы для квартирующего там эскадрона драгун.

В полуверсте от дворца жил мелкопоместный помещик-поляк, который выстроил в лесу на горе несколько дач и сдавал их в аренду. Вот в одну из таких дач я каждое лето отправлялась с детьми, старушкой няней-немкой и прислугой. В других дачах жили тоже русские из города Лодзи. И если бы не вечная моя тревога за мужа, остававшегося в беспокойной Лодзи, то лучшего и более успокаивающего места трудно было найти. Дети, от годовалых до пяти лет, находились там, подружались между собой и, руководимые моей

старушкой-няней, дружно и весело играли, а мы, взрослые, от них не отставали и очень увлекались такими играми, как лапта (в Америке это бейсбол), кегли и тому подобное. Часто я отправлялась на велосипеде в глубину леса, по тропинкам, и нередко дух захватывало, когда приходилось останавливаться, услышав топот многочисленных копыт, и мимо проносилось огромное стадо оленей - картина восхитительная. В нескольких минутах ходьбы от дач протекала довольно широкая река Дрвенца, приток Вислы, куда раза два в день как дети, так и взрослые ходили купаться. Иногда с другого берега реки на нас, купающихся, удивленно глядели два-три оленя. В лунную ночь мы, взрослые, шли на реку и купались, и пение наше разносилось далеко по реке. Ночью часто подходили к дачам кабаны, оставляя взрытую кругом землю на память о себе.

Помню один эпизод последнего нашего пребывания на даче в Спаде, чуть не стоивший мне жизни. Во дворце для его охраны находился эскадрон драгун, и офицеры перезнакомились с нами, дачниками. Узнав, что я любительница верховой езды, они обещали привести для меня лошадь, чтобы вместе покататься, и за день до назначенного времени приучали ее ходить под дамским седлом, привесив сбоку мешок. Я была в амазонке, когда лошадь подвели ко мне и вестовой, поставив ее около глубокого оврага, по глупости, посадил меня на нее. Не успела я заложить ногу за луку, как она, испугавшись моей амазонки, начала брыкаться, подыматься на дыбы и бить задними ногами. Никто не решался к ней подойти, и она после трех-четырех таких скачков сбросила меня; я очутилась под ее передними копытами, которыми она перебирала над моей головой, стараясь инстинктивно не наступить мне на голову. Счастье, что она не упала

вместе со мной в овраг-это был бы мой конец. В самый момент моего падения раздался оглушительный смех всех дачных детей, собравшихся смотреть мою верховую езду. Увидев, что лошадь встает на дыбы, а я упала и лежу на земле, они решили, что я, должно быть, хотела показать им какой-то цирковой трюк. Все вздохнули с облегчением, когда я выбралась из-под лошади, но молодость остается неразумной, и на все уговоры и просьбы дачников не садиться больше на нее, я все же из самолюбия села опять, приказав только вестовому закрыть ей глаза и провести так несколько шагов. Как только открыли ей глаза, она понеслась, и я порядком испугалась, но мало-помалу, не слыша за собой топота других лошадей, так как офицеры нарочно медленно ехали сзади, она успокоилась, и пес обошлось благополучно.

Самой достопримечательной личностью на даче был еврей Янкель, который вместе со своим дядей, почтенным и честным стариком, взял в аренду маленький домик у подножия песчаной горы, где были дачи, и открыл там лавочку. Это был бледный, худой юноша лет 18-ти, симпатичный, и все мы к нему очень хорошо относились и прощали все его мелкие надувательства при уплатах по счету. В этом отношении на него мало действовали постоянные нравоучения его дяди о честности. Надо было поражаться выносливости и терпению Янкеля. Он открывал свою лавочку в 5 часов утра и уходил в ближайшее местечко, где он жил, в 10-11 часов вечера. Прислуга часто забывала купить то то, то другое, спустившись утром в лавочку, и тут-то целый день звали Янкеля приносить забытое, и этот несчастный, с приветливым лицом, бегал в жару в низ и в верх песчаной горы, исполняя поручения прислуги. За

эту его приветливость и неутомимость мы, дачники, простили ему, когда, уговоривши нас всех купить у него еще цыплят и уток в переполненный уже курятник, он ночью же, приехав на телеге, всех их выкрал и потом их же снова продал нам. На следующее лето помещик из-за этого случая не хотел сдать лавку Янкелю, а отдал ее одному поляку, который открывал ее в 9 часов утра и уходил уже в 2 часа домой. Прислуга взбунтовалась, и мы, дачники, заявили помещику, что если Янкелю не сдадут лавочку на следующее лето, то никто из нас не приедет на эти дачи, и Янкель опять появился на нашем горизонте.

После четырехлетнего нашего пребывания в г. Лодзи муж был назначен начальником охранного отделения в Варшаву. Уезжал также и временный генерал-губернатор генерал Кознаков в Петербург, получив там назначение. Проводы генерал-губернатору и мужу город устроил общие, и в этих проводах участвовали все слои общества. Продолжались они в течение двух недель то у одних, то у других представителей города. Муж пользовался большой любовью и уважением как среди христианского, так и еврейского населения города за свою честность, справедливость и доступность. Накануне отъезда генерал-губернатора из Лодзи муж получил сведения, что революционеры решили не выпустить генерала Кознакова живым и собирались взорвать дворец одного фабриканта, в котором жил генерал-губернатор и где помещалась его канцелярия, или бросить в него бомбу при отъезде. Муж велел произвести обыски во всем доме и подвалах, но ничего подозрительного не нашли. На следующий день утром муж уехал в Варшаву принимать должность, а я пошла проводить Кознаковых, с которыми

мы были очень дружны. Когда они садились в подъехавший экипаж, то начали со мной прощаться, но я заявила, что еду вместе с ними на вокзал. Удивило меня, что они как-то переглянулись между собой, но ничего не сказали, и мы благополучно доехали до вокзала, где собрался их провожать весь город. Только через две недели, уже в Варшаве, когда мы с мужем завтракали с Казнаковыми в гостинице «Бристоль», выяснилось, почему они переглянулись, когда я заявила, что еду проводить их. Мадам Казнакова отвела меня в сторону и сказала мне, что она никогда нас забудет, что я, мать двух детей, зная, что на ее мужа, готовится покушение; села с ними в один экипаж. Таким образом, сама того не подозревая, я попала в героини.

Я была рада жить опять в Варшаве, в городе, который: "!" - лично знала, где я кончила Александро-Мариинский институт и где я вышла замуж. В Польше вообще я жила почти с самого моего рождения, и те поляки, которых я знала с детства, как взрослые-так и дети, с которыми мы были дружны, очень хорошо и дружелюбно относились к нам, несмотря на то, что мы были русские. Поэтому не могу не написать об одном эпизоде, который меня поразил. Два года тому назад в Нью-Йорке в одной русской семье я встретила одного интеллигентного средних лет инженера-поляка, который, не зная, что я жила в Польше, начал рассказывать, как Польша страдала под игом русского владычества, что не только не позволяли говорить по-польски, но для того, чтобы дети могли изучать польский язык, надо было собираться в подвалах, завешивать окна, чтобы свет от свечей не проник на улицу. Выслушав все это, я его спросила был ли он в Варшаве, и, узнав что он оттуда родом и жил там до приезда: в Америку., сказала, ему,

что мне очень странно слышать все это, что я жила в Польше, училась в институте и могу сказать, что в нашем русском институте Императрицы Марии Феодоровны, помещавшемся в Варшаве на Венской улице №. 8, училось много полек католичек, дочерей состоятельных родителей, а также разных, польских здвьяи дворянок, и почти все эти девочки были на казенном счету и содержались за счет Государыни. В каждом классе одна треть были польки. Мы, русские девочки, часто возмущались, что почти все они воспитываются на казенный счет, тогда как русским родителям, чиновникам, и военным, приходится платить за своих дочерей. В институте было три церкви: православная, католическая и лютеранская. Приходил как русский священник, так и католический ксендз и лютеранский пастор для преподавания закона Божьего два раза в неделю, и каждый преподавал, конечно, на своем языке, приходил и мулла к магометанкам., которых, была немного. И ксендз, и пастор служили обедни в своих, церквах. Все польские праздники праздновались наравне с русскими, и уривд не было. Два раза в неделю приходил учитель польского языка, как теперь помню - пан Гржибовский. Русские девочки оставляли тогда класс, и оставались только польки. Я часто ухитрялась оставаться в классе и поэтому выучилась читать и писать по-польски. Перед началом уроков всегда выходили на середину класса две воспитанницы: православная, читавшая по-русски, а католичка - по-польски молитву перед учением, то же было и перед обедом. Помню, как-то ради шутки я и одна подруга полька решили поменяться ролями, я прочла молитву по-польски, а она по-русски, классная дама не заметила этого, пока мы не кончили молитву, и сделала нам выговор за неуместную

шутку. На Пасху выпускной класс не отпускался по заведенному обычаю домой, и на католический Светлый праздник мы все, русские, отправлялись в костел на богослужение, а на русскую Пасху католички приходили в нашу церковь и потом разговлялись вместе с нами. В торжественные дни все власти присутствовали на богослужении в кафедральном католическом костеле. Когда приезжал в Варшаву Виленский католический архиепископ и процессия двигалась со всеми образами и хоругвями по городу, генерал-губернатор и все власти шли с нею. Прислуга в русских домах как мужская, так и женская была большей частью польская, говорила на своем языке, и хозяева обращались к ней тоже по-польски. Где же здесь было угнетение?

В Варшаве мы пробыли три года и ввиду того, что в 1913 году предполагались торжества по случаю 300-летия Дома Романовых, главным образом в Нижнем Новгороде, то муж мой был назначен туда начальником губернского жандармского управления. Нижний Новгород мне не понравился: скучный, сонный город, хотя и главный на Волге; но вид на Волгу был замечательно красивый - снующими все время нагруженными баржами и великолепно пассажирскими громадными и богато устроенными парохода. Оживал город во время ярмарки, которая была на другом берегу Волги и представляла собой нечто феерическое, в особенно по вечерам, когда она вся была залита светом. Купцы и промышленники стекались сюда со всей России, заключались миллионные сделки, все народности, населяющие Россию, привозили свои лучшие товары и изделия, и чего только там не было, глаза разбегались, глядя на все это, жизнь и веселие били ключом. Театры, рестораны самые роскошные и разные увеселения открывались во время

этой ярмарки. Грандиозное зрелище представляла из себя река Волга во время ледохода. Лед трескался с таким шумом, как будто стреляли орудий, и когда он начинал двигаться, то льдины подымались (елую высокую гору, сталкиваясь между собой). Во время ледохода сообщение между обоими берегами прерывалось, и так как рога была на другом берегу Волги, там, где бывала ярмарка, то пассажиры, приехавшие поездом, должны были ждать, пока лед не пройдет, моста же не было. Как-то я поехала в Москву, и когда уезжала туда, то Волга была еще сильно замерзшей. Возвращаясь назад через несколько дней, получив телеграмму, что дети заболели, я подъехала к реке Волге и с ужасом увидела, что лед тронулся. Пассажиры приехавшие в одном поезде со мной, разбрелись по гостиницам, так как нельзя было знать, как долго будет проходить лед - иногда это брало два-три дня, а иногда целую неделю, я же очень беспокоилась насчет детей и стала уговаривать лодочников перевезти меня на другой берег, то есть в Нижний Новгород. Никто не соглашался на это. все советовали мне обождать, пока лед не пройдет, и не рисковать, но мое беспокойство было сильнее страха, и мне удалось уговорить за десять рублей трех смельчаков-лодочников переправиться. Усадили они меня в небольшую лодку и сами сели в нее. Там, где вода очистилась от льда и новые льдины были еще довольно далеко, мы плыли, а где лед покрывал ее толстым еще слоем, лодочники вылезали и втаскивали лодку со мной на лед и тащили ее по льду, Пока опять не показывалась вода, очищенная от льда, и таким образом добрались мы через два часа до другого берега. Люди, стоявшие на берегу, с ужасом смотрели на пашу переправу, а мне казалось тогда, что это совсем не было

так страшна Волга была очень опасной во время ледохода. Как-то я пошла к Волге заказать стерлядь и, возвращаясь, остановилась на довольно далеком расстоянии от реки, чтобы посмотреть на ледоход. Вдруг слышу - рыбак кричит мне, чтобы я скорее уходила подальше, так как целая громадная глыба льда плывет в моем направлении. Окрик был такой внушительный, что я отбежала вовремя. Я поразились силе этой льдины, которая в одну минуту срезала как ножом большущий кусок земли; на берегу, и ОН поплыл вместе с нею. а также и домик, который стоял на ней: если бы я не отбежала, то и меня унесло бы так же.

В 1913 году Нижний Новгород готовился к встрече Царской семьи. Из нижегородского общества девять дам были выбраны, чтобы представиться Государыне, в это число попала и я. Все дамы были в белых платьях и белых шляпах. Помню один эпизод с нашим представлением: статс-дама Государыни графиня Нарышкина записала вес наши фамилии, в каком порядке мы должны будем представиться. В день представления одна из дам заболела и не смогла явиться, и когда графиня Нарышкина представляла нас, то, забыв вычеркнуть из списка не явившуюся даму, предстополе. Приехал туда Государь для осмотра укреплений и на некоторое время поселился в Ялте, куда постоянно приходилось ездить моему мужу, так как и этот район был в его ведении. Два раза за это время муж был приглашен к Высочайшему завтраку на «Штандарт» - яхту Государя, на котором присутствовало только двенадцать человек. Государь много рассказывал и расспрашивал, и муж поражался его памятью и прекрасным образованием.

Приход - турецкого военного корабля - в Севастополь произвел на меня ужасное впечатление. Муж на рассвете был вызван к адмиралу, командующему флотом, на военное совещание. Были получены сведения, что «Гебен» вышел по направлению к Севастополю. Не успел муж вернуться домой, как началась страшнейшая канонада, много домов было повреждено, две или три орудийные батареи были снесены, и находящиеся при орудиях солдаты были разорваны в клочки, найдены были только обрывки одежды и сапог. Мы боялись, что дом, в котором мы жили, может обрушиться; так как находился как раз против бухты, через которую «Гебен» стрелял по кораблям, находившимся там, а потому мы вышли на улицу и, пока «Гебена» не прогнали наши снаряды, не входили в дом. После ухода «Гебена» разнесся слух по городу, взволновавший как моряков, так и население, будто он попал на минные заграждения и «танцевал на них», как выражались, в течение нескольких минут, но минный офицер не нажал кнопку, чтобы взорвать его, думая, что это транспорт, которого ждали из Ялты, случайно попавший на мины 1915-й Новый год мы встречали еще в Севастополе. Приглашенных к нам на встречу его было человек тридцать. Как раз в полночь, когда мы поздравляли друг друга, была подана мужу телеграмма с назначением его в Петроград начальником охранного отделения. Все гости поздравляли его с этим назначением, а у меня появилась какая-то тяжесть на душе - не хотелось ехать в Петроград, как бы предчувствуя все то, что там пришлось пережить, и я это высказывала. Гости доказывали мне, что я не имею права отговаривать моего мужа и вредить ему по службе, что от назначений вообще нельзя отказываться. Так в беседе

мы вес просидели до 5 часов утра, а вечером муж уехал в Петроград. Многие его провожали, и хотя я еще накануне чувствовала себя очень плохо, все же поехала на вокзал. Вернувшись, сейчас же легла, а утром была уже без сознания: у меня был брюшной тиф в очень сильной степени. Послана была телеграмма мужу, только что прибывшему в Петроград, и он, представившись министру внутренних дел, попросил разрешения вернуться в Севастополь. Министр отнесся очень сочувственно и сказал, чтобы муж оставался там, пока я не буду на пути к выздоровлению.

С переездом в Петроград началась поистине кошмарная жизнь со всеми переживаниями неудач войны и все возрастающими внутренними революционными настроениями среди интеллигенции. На фронте этого не было, и офицеры, приезжавшие в отпуск, стремились скорее уехать обратно от этого тяжелого настроения, слухов и т. п. Подпольные организации почти бездействовали, благодаря всегда вовремя принимаемым мерам моего мужа. Зато Государственная дума и интеллигенция старались вовсю, упиваясь вздорными слухами, сплетнями, подрывая у народа веру и уважение к Царской семье и власти. Главным козырем в их руках для всего этого был Распутин. Общество не сознавало, что оно само создает силу Распутина, приписывая ему несуществующее огромное влияние на Царскую семью. Если Государь не соглашался на высылку его из Петрограда, то это было понятно, если принять во внимание, что только Распутин внушением останавливал несколько раз кровотечение у наследника и Государыня, обожавшая сына, боялась, что с отъездом Распутина из Петрограда наследник может истечь кровью. Мне никогда не приходилось видеть Распутина. Муж видел

его один только раз, когда по настоянию министра внутренних дел должен был поехать к нему, чтобы лично уладить жалобы Распутина Вырубовой на постоянное пребывание с ним людей, приставленных к нему для охраны, после покушения на него из личной мести какой-то простой бабы. Люди эти всюду сопровождали Распутина, куда бы он ни выходил, даже к «Яру» (ресторан с цыганами), куда он часто ездил покутить, также и в баню. Таким образом, каждый шаг его был известен мужу. В день же убийства он их обманул, сказав что он никуда не выйдет, а ляжет спать, и отпустил их [охрану] домой, а потом уехал с заехавшим за ним Юсуповым (сыном московского генерал-губернатора) на пирушку, закончившуюся для него смертью. Муж рассказывал мне, что, когда он приехал на квартиру Распутина, тот вышел к нему совершенно пьяным. Притаптывая, обнимая мужа, повел его в столовую и говорил все время какую-то непонятную чепуху. Муж пробыл у него полчаса и, когда собирался уходить, пришла дочь Распутина сообщить, что приехала Вырубова - фрейлина Государыни. Муж поражен был необычайно сильной волей этого человека. За минуту перед тем он шатался, не мог связать двух слов и вдруг - с приходом Вырубовой - сразу отрезвел, начал вести разговор на религиозные темы серьезно и степенно. Никогда больше муж не видел его живым, а только мертвым, когда присутствовал, когда его нашли, вытащив из проруби. Насколько было много нелепых слухов, могу привести следующий факт: как-то я поехала в Марии некий театр и пригласила к себе в ложу наших знакомых - инженера путей сообщения с женою. Но окончании оперы мы вышли, и вместо нашего автомобиля подъехал старый, небольшой, заводящийся ручкой, и сидевший за

рулем шофер из городских, ездивший всегда с Распутиным в Царское село, доложил, что так как наш автомобиль, отвезший меня в театр, по дороге домой испортила, то ему приказано было ехать за мной хотя бы на этом. Мне даже совестно было пригласить моих знакомых в такой автомобиль, но делать было нечего - пришлось всем сесть и поехать. По дороге зашла речь о Распутине, злобе дня, и мой знакомый спросил меня правда ли, как циркулируют слухи, что для Распутина есть специальный бронированный автомобиль, внутри которого с двух сторон находятся пулеметы. Я улыбнулась и сказала, что если он считает этот автомобиль бронированным, в котором мы сидим, и видит пулеметы где-нибудь, значит слухи правильны, Распутину посылался только этот автомобиль, и то только для поездок в Царское Село, чтобы ему не ездить поездом, где опять какая-нибудь женщина могла покушаться на его жизнь, и ни в каком другом автомобиле он никогда не ездил. Во время всей службы моего мужа в Петрограде Распутин никогда не был во дворне, встречал он Государыню только на квартире Вырубовой, куда она приезжала с великими княжнами, иногда приезжал туда и Государь. Так как Государыня была мистически настроена, то уверения Распутина, что пока он жив ничего плохого с Царской семьей не случится, могло глубоко запасть в голову Государыне, и предприняты были меры для его охраны. В сущности, предсказание Распутина все же исполнилось.

После убийства Распутина, о котором не буду распространять* ся, об этом все знают и много писалось, интеллигенция во главе с Государственной думой (парламент) делали все, чтобы революция разразилась. Тревожные и прямо жуткие были два последних года в

Петрограде. Муж, и его подчиненные офицеры, и все служащие работали днем и ночью, не имея отдыха ни на праздники, ни на Рождество, ни на Пасху. Муж вставал в 9 часов утра и отправлялся в 10 ч. в свой служебный кабинет. К этому времени приходили офицеры и служащие. В два часа я посылала лакея попросить мужа к завтраку, но редко бывало, чтобы он мог закончить его спокойно: то вызывал его министр внутренних дел то председатель [Совета] министров, то ему нужно было по делам экстренно съездить в Департамент полиции, к градоначальнику и т. д. Возвращался он домой к 7 часам вечера, и иногда ему удавалось прилечь на один час до обеда, после которого он уходил в служебный кабинет, принимая доклады и делая распоряжения на следующий день. И так каждый Божий день до 5 часов утра. Когда мне приходилось приглашать его офицеров поздно вечером к чаю, то все они горько жаловались на то, что им приходится так тяжело работать, в сущности, впустую, что власти, по-видимому, не вникают в ежедневные доклады мужа, в которых он указывал на неминуемую ужасную революцию, если не будут приняты своевременно необходимые меры, но они, очевидно, слишком были заняты интригами между собой для того, чтобы удержаться на своих должностях, и как искажались доклады мужа, он мог судить по тому, что после своего доклада 9 января 1917 г. о забастовках, волнениях сильных среди рабочих и о некоторых выступлениях министр Протопопов в его же присутствии снесся по телефону с Царским Селом и передал все в розовых красках - что все обошлось спокойно и нечего тревожиться.

Муж часто настаивал на необходимости делать ему лично доклады Государю. Соглашались, обещали это

устроить, но, по-видимому, из боязни, что будет доложена Государю наглядная и истинная картина всего происходящего, так ничего и не сделали в этом направлении. И министру внутренних дел Протопопову и председателю [Совета] министров Штюмеру муж постоянно говорил о необходимости при сложившихся обстоятельствах дать конституцию, а не ждать пока ее вырвут. Но говорили ли они об этом Государю, он, конечно, не знал, но думал, что не говорили. Под влиянием моего мужа на Протопопова была отменена черта оседлости для евреев, указ был подписан, но председатель [Совета] министров этот указ задержал, решив опубликовать его на Пасху, но - революция этому помешала. В бытность Протопопова министром внутренних дел по инициативе моего мужа был возбужден вопрос о ненадежности войск петроградского гарнизона. Муж представил все данные о составе и настроении гарнизона.

Вследствие этого был составлен доклад на Высочайшее имя, и Государь согласился заменить некоторые запасные воинские части Петроградского гарнизона гвардейским кавалерийским корпусом-депо в исполнение вследствие полученной Государем телеграммы от командира этого корпуса с великой просьбой оставить гвардейский корпус на фронте, как об этом молят все офицеры и солдаты. Таким образом, Петроград остался без верных войск и должен был опираться на ненадежный элемент гарнизона. Муж рассказывал, что министр внутренних дел Протопопов был очень суеверен, он сам говорил ему, что находится в переписке с знаменитым оккультистом в Лондоне, с которым Познакомился в последнюю поездку, когда был еще членом делегации Государственной думы. От этого

окультиста Протопопов получил предсказание по числам на январь и Февраль 1917 года с указанием дурных и хороших дней для него. Эти числа Протопопов просил моею мужа записать для сведения. Действительно, как это ни странно, но все обозначенные оккультистом дни для Протопопова были ужасными, а 27 февраля был последний день монархии и конец карьеры Протопопова.

Наступило роковое для России и всех 27 февраля. Уже накануне город замер и жизнь как бы прекратилась. На улицах был полумрак, город был полон всяких ужасных слухов. Не буду вдаваться в подробности, а опишу только то, что касалось непосредственно моего мужа и меня.

Всю ночь муж и все его подчиненные находились в канцелярии. Днем доложили, что толпа, разрушая по дороге правительственные учреждения и убивая должностных лиц, движется к особняку, где была наша квартира и канцелярия. В доме провода оказались перерезанными кем-то, и муж, не имея возможности сноситься с властями, решил отправиться на Морскую улицу, где находился один из отделов охраны и где жили его дни старых помощника. Услышав об его решении, я быстро отвела нашего сына (дочь была в институте в Москве) к одним знакомым* жившим недалеко от нас, и просила ни на шаг его не отпускать, пока я за ним не приду, и помчалась к мужу, который, переодевшись штатское платье, уже садился в автомобиль со своим старшим помощником. Я вскочила туда же, и мы поехали. Уходя из лому* я сказала прислуге, что если мы не вернемся к 8 часам вечера, то чтобы они обедали без

нас. Не думала я тогда, что уже никогда больше не вернусь в нашу квартиру.

Отъехав немного, муж решил вернуться и вышел из автомобиля, а его помощник двинулся дальше, удерживая меня, чтобы я не последовала за мужем, но тем не менее я выскочила и присоединилась к нему. Отправились мы по направлению к дому, но перед мостом через Неву была уже поставлена застава, стояли солдаты с ружьями наперевес, и какой-то прапорщик запаса заявил, что никого не пропустят дальше. Поневоле, но уже пешком, пришлось идти на Морскую улицу, где муж снесся по телефону с Зимним дворцом, куда перебрались власти, и все время находился с ними в контакте. Весь вечер и всю ночь по Морокой улице шла стрельба. Из окон квартиры помощников мужа можно было видеть лежащих на мостовой солдат, отстреливающих от мчавшихся солдат с пулеметами. Всю ночь длилась сильная канонада, так как в соседнем доме с отделом находилась главная телеграфная и телефонная станция, которую хотели захватить революционеры, а оставшиеся верными солдаты защищали ее. Были убитые и раненые среди людей мужа, и к раненым муж вызывал доктора для перевязок. Не смыкая глаз ни на минуту, в сильно напряженном состоянии, все мы ожидали исхода боя за станцию, как вдруг рано утром прибегают прислуга о воплем, что к нам идут вооруженные солдаты. Спустились мы по черной лестнице и вышли во двор, но уже навстречу к нам шли солдаты, они уже остановились перед нами, как вдруг началась ожесточенная стрельба из ружей и пулеметов - революционеры брали Штурмом станцию. Солдаты опешили и на минуту растерялись, а мы, воспользовавшись этим моментом, выскочили на улицу и

быстро пошли по ней, где пули так и свистели. Муж и его два помощника пошли вперед, а я, не имея больше сил, немного отстала и плелась сзади под непрерывным пулеметным огнем. Одно время он так усилился, что я не выдержала, остановилась и прижалась к стене, рядом со мной прислонился какой-то фельдфебель, и мы оба ждали каждую секунду быть убитыми. Как только немного утихла стрельба, я побежала догонять мужа и увидела, что он, заметив, что я не следую за ними, в страшном волнении бросился назад искать меня. Решено было идти на вокзал и отправиться в Царское Село, где муж лично хотел доложить обо всем, что творится в Петрограде!

Пришлось употребить четыре часа, чтобы добраться до вокзала, так как шли разными закоулками, чтобы избежать стрельбы; ни одного извозчика, ни одной телеги даже не было и в помине. Я плакала, нервы не выдерживали всего этого, и притом я страшно волновалась за сына. На вокзале один из помощников мужа распрощался и остался в городе, а мы купили билеты и втроем поехали в Царское Село. Прибыв туда, нас поразила полная тишина и спокойствие, и только взгляд конного лейб-казака стоявшего на проезжей дороге для охраны, выражал тревогу и [говорил.] что в Царском Селе беспокойно и чего-то ожидают Муж снесся по телефону с дворцом, но за отсутствием дворцового коменданта генерала Гротена говорил с начальником дворцовой полиции полковником Герарди и сообщил ему о том, что происходит в Петрограде, и спросил, рассчитывают ли отстоять Царское Село, так как, по мнению мужа, петроградская чернь к вечеру появится в Царском. На это Герарди ответил, что Царское Село безусловно в безопасности, что имеется гарнизон в 5

тыс. верных солдат, который даст отпор, и что дворец окружен пулеметами. Сказал, что только что был великий князь Михаил Александрович, который уверял Государыню в полном спокойствии и что ни ей, ни детям не угрожает никакая опасность, что он даже сам думает перевезти сюда во дворец свою семью. Он уговорил Государыню отложить свою поездку с детьми в Могилев, и поезд, назначенный на тот день для этой цели, был отменен. Из разговора с Герарди муж вынес впечатление, что они не уясняют себе сущность совершающихся событий и что все сводится, по их мнению, к дворцовому перевороту в пользу великого князя Михаил Александровича.

Было уже поздно, и я так устала, что валилась с ног. Решили взять комнату на какой-нибудь даче и переночевать. Все время где-то вдали слышался рев подстрекаемой толпы и одиночные выстрелы. Но не суждено нам было спать и эту ночь. Не успела я раздеться, как послышался стук в дверь и вошел молодой человек, сын хозяйки, бледный и дрожащий. Волнуясь, сказал мужу, что напротив находится полицейский участок и что толпа, приближаясь все ближе, несомненно начнет громить его и то же может случиться с их дачей и что лучше было бы, если бы мы ушли. Муж предполагал, что хозяева просто боялись, не зная, кто мы такие, и думали, что, может быть, Протопопов, которого всюду искали.

Как никак, пришлось одеться и отправиться на этот раз на квартиру одного из офицеров мужа, который по службе должен был жить в Царском Селе. Никто и там не ложился спать, и все тревожно ожидали поезда с Государем из Ставки, который должен был прибыть в 12 часов ночи. Офицер ушел на вокзал встречать поезд

Государя, и оттуда он каждый час телефонировал мужу. В 12 часов ночи поезд не прибыл, в 2 часа тоже и т.д., а в 5 часов утра он протелефонировал, что поезд не придёт, так как Государь арестован. Как громом поразило всех это известие; мы, женщины, плакали, а мужчины еле сдерживали слезы. Вернувшись с вокзала, офицер этот переоделся в штатское платье, и все мы вышли и распрощались. Он с женой пошел в одну сторону, а мы втроем в другую, по направлению к Павловску, где была дача матери помощника моего мужа и где жил сторож, охраняя ее. Было чудное морозное утро, снег блестел и скрипел под ногами, дачи утопали в снегу, и все это, озаряемое солнцем, представляло дивную картину, не хотелось верить, что люди могут быть так зверски настроены и так безрассудно и глупо губить свою родину. Добравшись до дачи, решено было, что я вернусь в Петроград узнать, как там все обстоит, так как мы питались только слухами и я ужасно беспокоилась о сыне. Муж с помощником своим должны были оставаться на даче и ждать моего возвращения. Уезжая, я взяла честное слово с моего мужа, что он никуда не двинется, пока я не вернусь, и ничего над собой не сделает, что бы ни случилось, так как я как-то уловила отрывок их разговора о револьверах и что в крайнем случае можно покончить с собой. Заметив, что я стала прислушиваться, они прекратили этот разговор.

Приехав в Петроград, я отправилась сейчас же к знакомым, у которых оставила сына. Оказалось, что к ним два раза ночью приходили с обыском, сын мой не спал совершенно и находился в очень нервном состоянии. Взяв его оттуда, отправились к другим знакомым, где было меньше шансов, что придут с обыском. Напившись у них кофе и оставив там сына, я

должна была сейчас же отправиться обратно известить мужа, что председатель Думы Родзянко отдал приказ, чтобы все как военные, так и гражданские чины явились в Государственную думу в трехдневный срок. Я совершенно выбилась из сил, на ногах выступала кровь от ходьбы, всю дорогу с вокзала я шла пешком очень большое расстояние, но другого способа передвижения не было, все вымерло, кроме свистящих пуль, откуда-то пронесившихся, и опять надо было совершить утомительное обратное путешествие на вокзал. Я думаю, что только чрезвычайно сильное напряжение нервов заставляло меня еще двигаться и проявлять какую-то энергию. Бесконечно долго плелась я обратно, еле передвигая ноги. Попадавшиеся солдаты предупреждали меня не идти по тому или иному направлению, где шла непрерывная стрельба и лежали убитые, но я не могла свернуть с дороги - это намного удлинит мой путь и вряд ли у меня хватило бы сил добраться до вокзала; но все же я доплелась до него. К своему большому удивлению, я встретила на вокзале моего мужа и его помощника. Они мне страшно обрадовались и рассказали, что, сидя на даче, слышали из своей комнаты, как приходившие к сторожу его знакомые говорили, что по Павловску рыщут какие-то люди, ищут спекулянтов и убивают их. Так как муж и его помощник были в штатском платье, то их тоже могли принять за спекулянтов, и они решили лучше отправиться на вокзал, где и дожидаться меня. Известие, которое я привезла, о приказе Родзянко как раз пришлось на руку, чтобы отправиться в Петроград, где, они думали, налаживается уже какой-то порядок. Приехав туда, мы расстались с помощником мужа и пошли мимо Исаакиевского собора к знакомым, у которых находился наш сын. Пули так и

свистели мимо самых ушей, и я инстинктивно закрывала свою голову муфтой. Застали сына в большом волнении: было уже поздно, а я, уходя, обещала ему вернуться засветло. Напившись чаю, муж в сопровождении нашего знакомого, который взял на всякий случай своего вестового, чтобы казалось, что они ведут арестованного, если им встретятся бесчинствующие солдаты, отправились в Думу. Вернувшись, он сообщил, что благополучно довел моего мужа до Государственной думы и сдал его караульному начальнику. Обыкновенно имена всех явившихся в Думу и там арестованных сейчас же газеты пропечатывали, но прошел день, два, три, а о муже не было ни слова. Я страшно волновалась и, не зная, что с ним приключилось, решила сама идти в Думу за справками. Никаких способов передвижения все еще не было, кроме своих ног, и люди толпами ходили по своим делам по мостовым. Примкнула и я к такой толпе, и так как мне почти не случалось ходить по Петрограду, а только ездить, и вообще я всегда плохо ориентировалась, то я не знала, как мне пройти к Таврическому дворцу, в котором помещалась Государственная дума. Рядом со мной шел какой-то офицер, и я обратилась к нему с просьбой указать мне дорогу. Он мне ответил, что сам отправляется туда и чтобы я следовала за ним. Обрадовавшись этому, я спросила его, не могу ли я как-нибудь попасть в само здание, и узнала, что он служит там и имеет пропускной билет. Набравшись храбрости, попросила его провести и меня по этому билету. Он мило ответил, чтоб я держалась его и, может быть, часовые пропустят меня заодно с ним. Так и вышло. Было два проверочных пункта, где стояли часовые и требовали пропускной билет, офицер показывал свой, а я проскальзывала вслед

за ним. Таким образом, мы добрались до коридора, где офицер представился мне, назвав свою фамилию, которую я, к сожалению, при моем волнении, сейчас же забыла. От души поблагодарила его, и мы расстались, он пошел направо в какую-то комнату, а мне указал дверь налево, которая вела в зал Государственной думы, где находились в то время почти все члены ее.

Войдя в зал, я не выдержала и расплакалась, многие тотчас же меня окружили, спрашивали, в чем дело, но, узнав, что я пришла узнать о своем арестованном муже, тихонько ретировались. Наконец подошел ко мне один член Думы, и, как потом я узнала, это был Замысловский. На мои слезы и замечание, что наверное что-нибудь сделали с моим мужем, так как о нем нет никаких известий, он успокаивал меня, уверяя что никаких эксцессов не было, что они сами боялись, что будут, но когда привели военного министра генерала Сухомлинова и солдаты бросились на него, то выбежал Керенский, заслонил собою Сухомлинова, сказав, что, только перешагнув через его труп, они смогут тронуть генерала, который должен будет предстать перед судом, и что после этого поступка Керенского у большинства членов Думы свалилась гора с плеч, они поняли, что эксцессов не будет. Тот же храбрый член Думы пошел разузнавать о моем муже и, нашедши его, устроил мне тотчас же свидание с ним, а также принес мне билет на право входа в Государственную думу во всякое время. Этим билетом я пользовалась потом и при большевиках, когда в Таврическом дворце заседал Совет рабочих и солдатских депутатов. Я показывала билет, когда мне нужно было попасть туда, и меня пропускали, не потрудившись даже ознакомиться с этим пропуском. Муж сидел арестованным в Министерском павильоне вместе с

другими сановниками. Я навещала его и часто брала детей с собой, дочь я взяла уже из института, так как ходили слухи, что немцы двигаются на Москву, и я боялась, что она будет отрезана от нас. Навещая мужа, надо было проходить через зал, где был полный хаос, шум и гам. Солдаты, бросившие фронт, вскакивали на трибуну, дико кричали, ударяя себя в грудь и что-то доказывая - что именно, нельзя было разобрать, да и сами они, видимо, ничего не понимали, сознавая только одно, что могут кричать, шуметь и бесчинствовать теперь вволю. Во время одного из моих посещений мужа мне нужно было пройти в какую-то комнату за справкой, и я обратилась к одной еврейке, довольно оборванной, грязной, в порванных башмаках, попросив ее указать мне, как пройти туда. Не удержалась я, чтобы не выразить своего негодования по поводу того шума, гама и хаоса, который происходил. Она мне ответила, что все это уляжется и всем будет хорошо, наступит настоящий рай для людей. Потом я узнала, что еврейка, с которой я говорила, была затесавшаяся туда большевичка Каменева, а много лет спустя, уже в Америке, я увидела ее фотографию в американских газетах, сидящей за обеденным столом у себя с послами разных государств, роскошно одетую и увешанную бриллиантами - для нее действительно наступил неожиданный рай. Сидели арестованные сановники и генералы уже целый месяц в павильоне, и никто их не допрашивал, никто не предъявлял обвинений против них, так как нечего было предъявлять: служили верой и правдой Царю и Отечеству. Обслуживала их политическая молодежь, относилась хорошо. Вступала с ними в разговоры и дебаты; говорили моему мужу, что он им совсем не давал организовываться, ликвидируя сейчас же все, и в

подполье нельзя было работать, поэтому революция явилась для них неожиданным сюрпризом. Все арестованные в павильоне в течение месяца совсем не ложились, так как постелей не было, и дремали только в креслах и на стульях одетыми, белье, приносимое из дома, меняли в смежной комнате. Когда мы вышли из дому в первый день революции, то абсолютно ничего не захватили с собой, поэтому очутились в самом безвыходном положении, и я должна была брать белье для смены мужу, детям и себе у знакомых.

В первые дни своего ареста муж просил меня зайти к секретарю⁴ Родзянко и сказать ему, что он находит нужным видеть председателя Государственной думы и сообщить ему важные сведения о большевиках, которые не преминут воспользоваться благоприятным для них моментом, чтобы перехватить власть в свои руки. Секретарь, фамилию не помню, доложил Родзянко, и на следующий день передал мне, возмущаясь сам такой беспечностью, что Родзянко ответил, что очень занят и не находит возможным видаться теперь с моим мужем, и секретарь добавил при этом, что Родзянко вообще не знает, что из себя представляют большевики.

Мы, жены арестованных, проявляли необычайную смелость и энергию, чтобы добиться их освобождения, но этого не так легко было достигнуть, так как нас все время уверяли, что держат их под арестом для их собственной безопасности, хотя толпа, когда ее не наэлектризовывали, относилась довольно равнодушно к арестованным после первых дней революции. Газеты левого направления старались разжигать ненависть толпы, печатая разные нелепые слухи, и вот после каких-то гнусных сообщений толпа в несколько тысяч человек, подстрекаемая агитаторами, появилась вечером

у Таврического дворца, требуя выдачи им арестованных для расправы. Я старалась всегда быть вблизи того места, где был мой муж, когда что-нибудь случалось, я глубоко верила по какому-то внутреннему чувству, что в самую критическую минуту найду какую-то возможность его спасти, не зная, как и чем, конечно, и хотя это была только моя иллюзия, но я верила и этим жила. Страшные и мучительные моменты пришлось мне переживать, находясь около толпы, которая дико кричала и редела, требуя их выдачи.

Вдруг все смолкло. Пронесся слух, что Керенский вышел. Действительно, Керенский подошел к толпе, его тотчас подняли на руках вверх и через головы собравшихся людей он начал увещевать их спокойно разойтись по домам, уверяя, что арестованные предстанут перед судом и понесут должную кару (вероятно, за верную службу родине). Говорил Керенский долго, и толпа мало-помалу редела и разошлась. К счастью, арестованные не знали, что творилось перед дворцом. На следующий день всех их должны были распределить, кого в Петропавловскую крепость, кого в Выборгскую тюрьму, в «Кресты». Я очень боялась, что мой муж попадет в Петропавловскую крепость, где режим был очень строгий и где арестованные были совершенно изолированы от внешнего мира. Только потом им разрешили изредка иметь свидания с близкими. Я была как раз у мужа, когда в комнату, где мы сидели, вошел Керенский и объявил, что всех их увезут завтра из Таврического дворца. Утром следующего дня состоялся переезд, мужа подвезли к Петропавловской крепости, но не высадили с другими, попавшими туда, а отвезли в тюрьму. Я почувствовала некоторое облегчение, так как начальники тюрем оставались пока на своих местах,

были не изверги, а люди, и довольно отзывчивые, можно было с ними разговаривать, навещать своих два раза в неделю и передавать белье и посылки. В первое мое свидание с мужем уже в тюрьме он был в очень подавленном состоянии, и я, уйдя от него, не находила себе места, боясь, что вдруг муж над собой что-нибудь сделает. Поздно вечером я позвонила по телефону начальнику тюрьмы и просила его зайти в камеру к мужу узнать, как он себя чувствует. Начальник тюрьмы это исполнил и сообщил мне, что мой муж вполне спокоен. Когда я пришла в следующий раз в тюрьму, муж рассказал мне, что, возвращаясь обратно в камеру после нашего свидания, он вдруг услышал сзади себя всхлипывание, обернувшись, он увидел, что сопровождавший его часовой плачет и на вопрос мужа, что с ним, ответил: «Ваше превосходительство, так тяжело, так тяжело смотреть на все это».

Первое время все арестованные в тюрьме находились вместе в одной большой камере и пользовались относительной свободой, но после одного, неожиданного инцидента стало гораздо хуже. Один из уволенных тюремных сторожей, по злобе, провокационно вызвал по телефону Московский полк, наиболее большевистски настроенный, и сообщил, что арестованные взбунтовались и с оружием в руках стараются выбраться из тюрьмы. Московский полк и примкнувшая к нему по дороге большая толпа примчались к тюрьме и, угрожая, требовали впустить их внутрь. Начальник тюрьмы Попов - большевик, заменивший прежнего, - человек порядочный и неглупый, с тремя надзирателями (остальные все служащие разбежались) вышел к бушевавшей толпе, предварительно приказав закрыть за собою ворота на

засов, и в течение трех часов уговаривал солдат и толпу успокоиться, что все арестованные сидят спокойно по камерам, никакого оружия при себе не имеют, и предложил им выбрать из своей среды десять человек делегатами, чтобы они сами могли убедиться, что все спокойно и что они были введены в заблуждение злостной провокацией. Они согласились, и он пропустил этих десять человек в тюрьму. Выбранные делегаты шумно ворвались в камеру, грубо ругались, искали оружие, которого, конечно, не нашли. Видя, что на кроватях арестованных лежат соломенные тюфяки, сорвали их, сказав, что они могут спать и на голых досках, запретили свидания и передачу посылок и, наконец, убрались, потребовав перевести всех арестованных по отдельным камерам по двое и в одиночку. Мужа поместили в одну камеру с одним из его помощников, а когда того выпустили через три-четыре месяца, муж остался один и говорил мне, что его состояние духа было тогда самое ужасное.

На следующий день по городу распространился слух, что Московский полк ворвался в тюрьму и всех арестованных перебил. Бежали к тюрьме с плачем матери, сестры и жены. Я шла в этот день с детьми на свидание с мужем и слышала все это, но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что это не так, что все обошлось благополучно. В тюрьму нас не пустили. Я вызвала начальника тюрьмы Попова и просила его честно сказать мне всю правду, и он рассказал, как все было, добавив, что нужно будет воздержаться на некоторое время от свиданий, что посылку, которую я принесла мужу, он постарается передать, если у камеры окажется сознательный часовой; часовой оказался сознательным.

Начиная с ареста наших мужей в Министерском павильоне мы, жены, бегали ко всем стоявшим тогда у власти лицам, требуя объяснения, за что, собственно, их держат и когда намерены, наконец, их выпустить. Больше всего мы посещали прокурора палаты Карийского. Это был тогда очень сухой человеку держал нас всегда очень долго в приемной, так как вставал не ранее одиннадцати часов. Он жил в здании Министерства юстиции и на все наши вопросы отвечал, что революция еще не кончилась и он по знает, когда наши мужья будут выпущены. Когда же одна из дам как-то заявила ему, что он дождется того, что жены арестованных начнут стреляться у него в кабинете, он испугался и никого больше не принимал. При большевиках ему пришлось самому бежать, и он поселился в Нью-Йорке.

Приходилось мне часто посещать министра юстиции Переверзева. Я думала, что в частной жизни, как знакомый, он был бы милейший человеком, но как министр юстиции он никуда не годился: ни логики, ни понятия в административном отношении не имел никакого. Так как я имела возможность во время царского режима встречаться с людьми, занимавшими высокие посты, то невольно бросалась в глаза глубокая разница между прежними опытными и знающими должностными лицами и теми, которые теперь случайно очутились на верхах. Часто при разговоре с ними мне казалось, что это большие дети, затеявшие игру в правительство, не подумав о последствиях ее. Задумывалась я также над тем, что неужели среди всех социалистов-революционеров не нашлось более серьезных, способных людей, как только адвокаты, занявшие все ответственные посты. Переверзев был человек приятный, неизменно принимал нас сидя в

глубоком кресле и всегда с трубкой во рту, позировал, закатывая свои голубые глаза, которые действительно были у него красивые, и, по-видимому, даже любил с нами разговаривать, по крайней мере никогда нас не торопил уйти с ссылкой на то, что он очень занят.

Отталкивающий и пренеприятный тип был Муравьев, стоявший во главе образовавшейся Чрезвычайной комиссии для того, чтобы найти хоть какое-нибудь обвинение против прежних должностных лиц. Мы все его ненавидели. Порядочные и уважающие себя прокуроры, товарищи прокурора и судебные следователи из прежних не хотели с ним работать и уходили в отставку.

Перейду теперь к личности Керенского. Думаю, что мое личное мнение о нем и впечатление, которое я вынесла из моего разговора с ним после революции, когда он держал уже всю власть в своих руках, будет противоречить мнению о нем большинства людей. Не имея, конечно, в виду защиту Керенского, я все же должна сказать, что, по-моему, его роковая ошибка была в том, что он сунулся в воду не зная броду, приняв за истину все слухи, сплетни, распускаемые про Царскую семью и правительство. Рассказывали, что он сам поразился, сколько было во всем этом лжи. Керенский был всегда социалистом-революционером, не скрывал этого и всюду, где представлялась только возможность, ругал и набрасывался на правительство, и поэтому мне кажется, что лояльности нельзя было ожидать от него и что обвинять его можно в меньшей степени, чем других, которые чуть не коленопреклоненными слушали Государя, а за спиной готовили измену Ему и родине своей. Когда Родзянко после революции уговаривал великого князя Михаила Александровича отказаться от

престола и ждать, пока народ не выберет его, Керенский держался в стороне, не уговаривая и не отговаривая великого князя Михаила Александровича. Хотя Государь был слаб и последние министры были заняты интригами между собой и только желанием удержаться на занимаемых постах - все же это были преходящие, могущие измениться сами по себе обстоятельства, ничтожные по сравнению с тем, до чего довела Россию революция, и если б Керенский, получив власть и увидев, сколько лжи, сплетен было распространяемо и что все не так ужасно было, как ему казалось со стороны, повернул бы по другому направлению, любя родину то ему было бы легко добиться конституции, и положение не только России, но и всего мира было бы иное, чем теперь. Керенский, по-моему, был человек импульсов, о чем я могла судить будучи однажды на заседании Государственной думы, когда Родзянко прочел указ Государя о ее временном роспуске; из боковой двери тогда вдруг выбежал Керенский, весь красный, взволнованный, и неистово закричал: «Долой полицию и жандармов!» - и исчез.

Это было первый раз, что я его видела вообще, а во второй раз - уже после революции, когда, тщетно добиваясь от Переперзева и Карийского [ответа] о причине ареста мужа и времени его освобождения, я решила отправиться к самому Керенскому. Не помню, в каком здании он тогда находился, но когда и пошла в зал, то увидела многих из прежних высших чиновников, в полной парадной форме трепетно ожидавших возможности представиться Керенскому. Я обратилась к докладчику, и он мне посоветовал пойти к товарищу министра, так как Керенский очень занят. Меня это не устраивало, я хотела лично говорить с Керенским и

уселась в кресло, уставшая, разбитая морально, не думая ни о чем. В это время открылась дверь из кабинета и Керенский вышел, окруженный целой свитой, и направился в кабинет товарища министра. Ожидавшие представиться ему лица, раболепно отвешивали низкие поклоны. Когда минут через десять Керенский возвращался со свитой к себе, то я, за минуту перед этим не думавшая, что поступлю таким образом, вскочила и подбежала к нему. Керенский опешил, но остановился: «Я должна говорить с вами», - сказала я. «Ваша фамилия?» - спросил он. «Глобачева», - был мой ответ. «Свидания с мужем не дам», - ответил Керенский. «Я вас не о свидании прошу, а хочу говорить с вами». Он подумал и сказал: «Хорошо».

Этот краткий между нами разговор навсегда врезался в моей памяти. Тотчас же подошел ко мне адъютант и провел в комнату, смежную с кабинетом Керенского, где сидели уже несколько лиц, ждавших очереди быть вызванными. Раздался звонок из кабинета, адъютант пошел туда и, вернувшись, вызвал меня вне очереди к Керенскому. Я вошла и уселась в кресло, до того взволнованная, что многое из разговора пронеслось в голове как в каком-то тумане. Помню, что мы оба волновались, Керенский нервно ходил по комнате взад и вперед и на мой вопрос, почему арестован мой муж и когда будет освобожден, сказал, что он им нужен для дачи каких-то показаний, и как только опасность, грозящая арестованным со стороны народа, который, по-моему, даже не знал об их существовании, минует, то все они будут освобождены. На мою жалобу, что вся квартира, все имущество разгромлено и разграблено, Керенский заявил, что все убытки будут всем возмещены. Когда же, уходя, я обернулась к нему, заявив, что я и

сын, мальчик, не имеем куда голову приклонить, так как все наши документы разграблены, а без них нигде нельзя устроиться, Керенский порывисто, минуя меня, выбежал вперед в смежную комнату, где за столом сидел его секретарь Сомов, и выкрикнув: «Найдите этой даме квартиру», - быстро исчез обратно. Поглядев на меня своими сонными глазами, секретарь не знал, что ему делать. В то время в Петрограде невозможно было достать не только квартиры, но и комнату. И я сказала ему, чтобы он просто выдал для меня с сыном удостоверения личности, чтобы меня не беспокоили обысками, допросами и тому подобное, что он и сделал. На следующий день при свидании с мужем я передам весь мой разговор с Керенским. Присутствовавший всегда при свиданиях начальник караула, Знаменский, друг Керенского, аозая: «Керенский прекрасно знает, что вы видите с мужаск Знаменский по своим разговорам и тактичности производил впечатление очень порядочного и сердобольного человека. Посешш Переверзева, тогда уже министра юстиции, я доказывала ему, что они не имеют права так долго держать мужа без предавшей ему обвинения и что он должен освободить его. На это он мне ответил, что не может взять на себя такой ответственности, так как Совет рабочих и солдатских депутатов сейчас же заявит протест. В то время Советы начинали уже крепнуть и Временное приятьельство очень их побаивалось. «Хороню. - сказала я Переверзеву. - Дайте мне честное слово, что если я вам достану бумагу от Совета рабочих и солдатских депутатов, что они ничего не имеют против освобождения моего мужа, то вы его освободите». Переверзев на это согласился, и я его не видела почти два месяца, которые употребила на то, чтобы добиться нужной бумаги.

Прежде всего я отправилась в Таврический дворец с пропуском, выданным мне еще членами Государственной думы. Там меня окружила молодежь, спрашивая, чего я хочу, и отнеслась ко мне доброжелательно. Узнав, в чем дело, тут же они заявили мне, что моего мужа они очень уважали, но что его несчастье в том, что он служил при царе. Однажды в Таврическом дворце ко мне подошел какой-то артиллерист, прапорщик запаса, и заговорила при повторных моих посещениях он, не помню по какому поводу, рассказал мне, что у них имеется страшное орудие, еще не совсем усовершенствованное, и что если нажать на какую-то кнопку, допустим из Петрограда, то на любом расстоянии можно разрушить целый город. Я недоверчиво отнеслась к его рассказу, я] он повел меня в одну из комнат, где стояла какая-то машина, похожая на большой волшебный фонарь. Фамилия этого прапорщика была Михайлов, был ли он социалист-революционер или большевик - не знаю, но думаю, что большевик, так как после большевистского переворота я его встретила на улице прекрасно одетым в военную форму; мне он не поклонился, и вид у него был чрезвычайно самонадеянный. В особенности принял во мне участие один студент, находившийся всегда в Таврическом дворце, по фамилии Муравьев. Он познакомил меня с Чхеидзе - депутатом Государственной думы, игравшим тогда в Таврическом дворце большую роль, и рассказал ему, в чем дело, и Чхеидзе направил меня к секретарю Совета рабочих и солдатских депутатов. Не называя своей фамилии, я только сказала что мой муж, генерал, находится под арестом уже столько времени без предъявления ему обвинения, на что секретарь Совета заявил мне, что она сами уже несколько раз обращали внимание Временного правительства на то

обстоятельство, что арестованных держат не предъявляя обвинения. На мою просьбу выдать мне бумагу о том, что против освобождения мужа они ничего не имеют, он ответил, что уже было у него несколько жен генералов с подобной просьбой, но им в этом было отказано, я же доказывала необходимость получения такой бумаги, и он в конце концов обещал, что когда на следующий день будет совещание совета, то он заявит об этом ходатайстве.

Через три дня я пришла, и мне было сказано подать прошение в Совет рабочих и солдатских депутатов. Вернувшись домой, долго раздумывала я над тем, как озаглавить бумагу: написать «прошение» казалось мне утвительным обратиться так к Совету рабочих и солдатских депутатов, и я решил просто написать «заявление» жены начальника Охранного отделения в Петрограде С. Н. Глобачевой и явилась с ним к секретарю Совета. Он принял меня довольно любезно, но, когда открыл бумагу и увидел заголовок, побагровел весь и закричал: «Как! К начальнику Охранного отделения нет никаких обвинений - невозможно!» Я отнеслась спокойно к его вспышке и сказала: «Как это ни странно вам может показаться с вашей точки зрения, но действительно никаких обвинений нет, кроме того, что он честно выполнял свой долг и обязанности». Мало-помалу он все же успокоился, взял мое заявление, обещая передать его на усмотрение Совета рабочих и солдатских депутатов, и сказал прийти за ответом через неделю. Неделя прошла, и я отправилась узнать о результате. Секретарь вручил мне бумагу, в которой было сказано, что они ничего не имеют против освобождения моего мужа и предоставляют решить вопрос об освобождении его Временному правительству.

Бумага эта в почти истлевшем виде находится у меня. Часто задумывалась я над тем, почему вначале, когда я посещала Таврический дворец, чтобы получить требуемую бумагу для министра юстиции Переверзева, большевики не относились ко мне враждебно. Я предполагала, что происходило это потому, что среди них были тогда еще идейные люди, которые, разочаровавшись в том, что происходило, постепенно уходили - или их убирали, уступив место большевикам другого сорта, других методов борьбы со всем обманом, террором и ложью. Так, например, не зная, где живут офицеры, большевики пустились на хитрость и спустя некоторое время после своего воцарения, издали декрет: явиться всем офицерам для регистрации якобы для получения различных назначений. Многие отправились к ним, хотя муж и предупреждал легковерных не ходить туда, говоря, что это ловушка; и, действительно, большевики, взяв их адреса, всех арестовали и расстреляли.

Радостно возвращалась я домой с бумагой от Совета рабочих и солдатских депутатов и на следующий день отправилась к министру юстиции Переверзеву. «Вот вам бумага, теперь вы должны освободить моего мужа», - сказала я. «Я не могу его освободить», - ответил Переверзев. «Почему? - возмутилась я. - Почти два месяца мне пришлось хлопотать, чтобы ее получить, почему же вы теперь отказываетесь исполнить свое обещание?» - «Потому что он был начальником Петроградского охранного отделения», - услышала я в ответ. - «Но вы же дали мне честное слово что освободите его, как только я принесу вам бумагу от Совета рабочих и солдатских депутатов». «Ну, это было тогда, а теперь другое дело», - ответил «министр

юстиции» Переверзев. «Имеете ли вы какое-нибудь другое еще обвинение, кроме того, что он занимал эту должность?» - спросила я. «Нет», - был его ответ. Что можно было ответить на все это. Видя, что мне больше нечего говорить с ним, я ушла и больше с ним лично не имела дела, а обращалась только через товарища прокурора палаты Попова который остался служить при Временном правительстве, оставаясь таким же честным и порядочным, каким был и при царском [режиме], нисколько не изменившись, как это сделали многие другие из прежних должностных лиц. Через него я просила министра юстиции Переверзева перевести мужа из тюрьмы хотя бы на Фурштатскую улицу, где раньше находился Штаб корпуса жандармов и куда доставляли также морских офицеров из Крон штадта, которых матросы арестовывали, обвиняя одних в том что офицеры требовали содержать палубу в чистоте, других за то что подтягивали за неряшество, за то, что были строгие, и тому подобное, но никого матросы не обвиняли в избиении или грубом обращении с ними. Товарищ прокурора палаты Попов передал мою просьбу Переверзеву, и тот сказал, что он должен сперв съездить в тюрьму и переговорить с мужем.

Несколько раз приходилось мне просить Попова поторопить Переверзева поехать в тюрьму, и каждый раз получался ответ что завтра. Наконец Попов пришел сказать, что Переверзев сейчас едет, но так как и на этот раз я этому не поверила, то он успокоил меня, что при нем Переверзев заказал по телефону подать ему автомобиль, и на этот раз он действительно поехал. Я просила Попова сообщить мне по телефону о результате поездки, и он передал, что Переверзев сделал

распоряжение о переводе мужа на Фурштатскую улицу, куда его и перевели на следующий день.

Режим там был нестрогий, арестованные были как бы на гауптвахте, жили в комнатах по несколько человек вместе, гуляли по двору без часовых, навещать можно было ежедневно и приносить посылки, караульным начальником там был молодой офицер грузин Наджаров, не плохой, но очень глупый, за что его арестованные прозвали «барашек». Два часовых дежурили днем и ночью и, сидя на стуле, все время спали с ружьями в руках. При желании можно было свободно уйти оттуда, но все это были люди царского режима, и никому такая мысль не приходила в голову. Там находились, между прочим, генерал Хабалов - главнокомандующий Петроградским военным округом, военный министр генерал Беляев, фрейлина Вырубова, министр юстиции Добровольский, генерал Балк - петроградский градоначальник, и многие другие, а также морские офицеры из Кронштадта и офицеры из армии. Приходящие навещать своих мужей, сыновей и братьев почти со всеми арестованными перезнакомились.

Как-то, навестив мужа после его перевода из тюрьмы на Фурштатскую, я спросила его, о чем с ним говорил министр юстиции Переверзев в тюрьме. Оказалось, что министр юстиции Переверзев приехал просить мужа помочь им разобраться в делах Охранного отделения, и муж согласился разъяснить и показать им, как все дело велось, но, видимо, новая власть, посоветовавшись между собой, все же не решалась прибегнуть для разъяснений к помощи начальника Охранного отделения, так как об этом больше не упоминалось.

Некоторые офицеры, перезнакомившись с нами, говорили, что как только их освободят, они уедут на Юг России, другие решили, что останутся, так как армия распадается, и они будут нужны для поддержания дисциплины в армии, иначе немцы могут взять Россию голыми руками. Разрешалось арестованным читать, играть в шахматы и в другие игры, но не в карты, и я приносила для комнаты, в которой находился муж, разные игры для разнообразия. Кормили неплохо, но мало, пища варилась как для арестованных, так и для караула одинаковая, но хотя продукты вообще выдавались по карточкам, все же мне удавалось иногда приносить мужу для всей комнаты целый ящик яиц, получая его без карточек от лавочников, когда они узнавали, что он предназначается для арестованных. Муж рассказывал иногда забавные истории о своих сожителях по комнате. Так, например, генерал Балк и его помощник старичок-генерал Зсндсров, собиравшийся подать в отставку еще перед революцией, садились каждый вечер друг против друга на свои постели и мысленно уезжали в ресторан Кюба, лучший в Петрограде, заказывали себе разные вкусные блюда и, мысленно поужинав, ложились только тогда спать.

Странно было видеть также такого важного сановника, как министр юстиции Добровольский, идущим с чайником на кухню за кипятком; потом в эмиграции ко всему такому мы постепенно привыкали, но в то время и больно и тяжело было смотреть на это. Добровольский после освобождения уехал в Крым и был зверски убит в Ялте большевиками на глазах у своей жены.

Так проходили дни за днями, положение становилось все гре-яожисс, большевики все крепили, а Временное правительство слабело, не принимая никаких

мер против них. В одно из моих посещений мужа он мне сказал, что до его сведения дошло, что дело о нем находится у следователя по особо важным делам (Таирове кого и чтобы я пошла к нему и попросила скорее допросить мужа и так или иначе кончить эту канитель. Отправившись к Ставровскому и объяснив, в чем дело, я была поражена, что следователь Ставровский сильно взволновался, забежал по комнате, крикнув: «Я вам сейчас покажу, какое дело прислали мне о моем муже для привлечения его к ответственности!» - и принес мне показать бумагу от прокурора палаты Карийского с требованием привлечь моего мужа к ответственности за то, что он имя секретных агентов, приложив к своей бумаге вырезку из какой-то ничтожной газетки с именами некоторых секретных сотрудников. Зная, что, занимая должность начальника Охранного отделения муж обязан был их иметь и каждое государство их имеет, следователь по особо важным делам Ставровский страшно возмутился такой бессмысленной бумагой «прокурора палаты» Карийского и сказал мне, что завтра же он будет у мужа, но допрашивать его, конечно, не будет, так как не о чем допрашивать, а только поре говорит с ним и сделает распоряжение об его освобождении. Так он и поступил, как сказал, и мужа сейчас же освободили. Сам же следователь по особо важным делам Ставровский сейчас же после того подал в отставку, не желая больше служить при таком положении дел. К счастью, мужа освободили как раз вовремя, так как вскоре после его освобождения произошел большевистский переворот и всех, которые находились еще под арестом, большевики расстреляли; тогда были расстреляны бывший министр внутренних дел Хвостов, товарищ министра Ыслсшсий,

вице-директор Департамента полиции Виссарионов и многие другие. Муж же после своего освобождения следователем Ставровским был зачислен в резерв при Штабе Петроградского военного округа и даже получал жалование. После большевистского переворота все находящиеся в резерве продолжали получать еще жалованье в течение двух месяцев, а потом их всех перевели на солдатский паек и через неделю или две уволили совсем. Без денег, без вещей, которые можно было бы продавать и покупать кое-какие продукты, муж, я и двое детей должны были оставаться в Петрограде на чрезвычайно голодном пайке, ожидая ежеминутно некоего ареста, который теперь закончился бы расстрелом, а выехать не было никакой возможности. Брат мой помогал нам деньгами, и на это мы жили, то есть все мои фамильные драгоценности я держала дома, думая, что в квартире нашей, находящейся при Охранном отделении, они будут в сохранности, на деле же вышло иначе, и в первые же дни революции они были разграблены как и все наше имущество, а деньги и ценные бумаги, находящиеся в Государственном банке, были конфискованы потом большевиками. Муж худел и терял силы не по дням, а по часам, так как его организм был и так подорван длительным тюремным заключением.

Большевики через некоторое время после своего воцарения начали заставлять всех ходить на общественные работы по уборке улиц и снега; посылались как мужчины, так и женщины, а следить за отправкой поручалось, заведующему домом, выбранному квартирантами и получающему приказы от большевиков, Муж ходил на эти работы, а я никогда, несмотря на предупреждения заведующего домом, что меня могут расстрелять за неисполнение приказа, на что я ему

ответила, что пусть меня расстреливают, но я не буду беспрекословно подчиняться диким приказам большевиков, и заведующий домом махнул на меня рукой и оставил меня в покое. Прибывших на работу людей выкликали по фамилиям и снабжали каждого лопатой и киркой, после же окончания работы опять была перекличка, чтобы узнать, все ли были на работе, но и тут не обходилось без увертывания от работы; некоторые при первой перекличке отзывались, а потом, поставив в укромное место лопату и кирку, уходили по своим собственным делам и возвращались только к концу работы ко второй перекличке. Работающие представляли странное зрелище. Женщины в дорогих меховых пальто и модных шляпах лениво выстукивали по льду киркой определенное число часов, переговариваясь все время друг с другом, и после переклички уходили домой.

После большевистского переворота многие дамы общества пооткрывали разные кафе, главными посетителями которых были большевистские матросы, но вскоре кафе все закрылись за неимением продуктов. В начале переворота можно было еще доставать на базарах крупу и картофель, но вскоре большевики начали изгонять всех торгующих на базарах, арестовывали их и конфисковывали все продукты, так что последняя возможность кое-когда купить что-нибудь из продуктов пропала и приходилось жить только на то, что выдавалось за деньги по карточкам, но вскоре и эта выдача по карточкам уменьшилась, так как продукты совершенно исчезали и часто, имея карточки, ничего нельзя было получить по ним! Так что питались мы вчетвером четвертушкой хлеба, перемешанного с какой-то трухой, выдаваемой на два дня. Утром и вечером пили чай без сахара, [довольствовались] двумя

картошками, получали иногда треску по три рубля за штуку, по бросили ее покупать, так как невозможно было ее есть. Дети помогали в работе по домовому кооперативу, за что получали изредка сверх карточек сушеную зелень для супа - это был наш обед, суп варился только на воде, без мяса, конечно, и без всякого жира. Иногда мне удавалось, отправившись на вокзал в 5 часов] утра, встретить какого-нибудь приехавшего из деревни крестьянина с хлебом и купить у него целый каравай за 10 рублей, отстаивая его от других желающих, и это было целое ликование, когда я приносила хлеб домой, и считалось громаднейшей удачей.

Одна наша знакомая, заведовавшая каким-то большим домовым кооперативом, рискуя быть расстрелянной, давала нам сверх наших еще хлебные карточки 1 -го разряда, по которым выдавал* с я большой паек как трудящимся, и это спасало нас от полного истощения. Как только большевики стали уплотнять квартиры, жена генерала Казнакова предложила нам поселиться с ними. В одно прекрасное утро явились к нам туда большевики о обыском, разыскивая оружие. Меня не было дома, а муж лежал больной. Перерыли все, оружия не нашли, но забрали все бумаги, которые только были. Без каких-либо документов нельзя было жить, а так как среди них были также очень важные и нужные, которые муж после своего освобождения получал из некоторых источников относительно разных прежних должностных лиц и некоторых офицеров, работающих на большевиков, то я на следующее утро отправилась в районный комиссариат доспешь их. Там царил страшный шум и полный хаос, еле-еле добилась я у одного большевика, казавшегося

мне более разумным, нужных сведений. Оказалось, что взятые бумаги находятся у них и они собираются отправить их в Чека на Гороховую улицу, но когда это будет - неизвестно. Тогда я предложила им, чтобы все паши бумаги в пакете они дали мальчику, служащему у них посыльным, а я с ним вместе отвезу их на Гороховую улицу. Они согласились на это, и на всякий случай я записала номер, под которым они отправляли пакет.

Нужно сказать, что в начале своего воцарения большевики в массе совершенно не были организованы, мало что знали и мало что понимали, это ясно было видно по их растерянности и поступкам, и поэтому еще можно было с ними так разговаривать и поступать так, как я поступала, но с каждым днем они очень быстро ознакамливались с положением, крепили и начали проводить свою террористическую программу в жизнь.

Приехав с мальчиком и с пакетом на Гороховую улицу, где прежде помещалось градоначальство и жил градоначальник, в квартире которого мы часто бывали, я тщательно ко всему присматривалась. При входе в дом, прямо против входной двери, в вестибюле на вышке стоял пулемет с двумя солдатами, не спускавшими глаз со входа. Войдя в комнату докладчика, юноши лет восемнадцати, я просила доложить большевистскому комиссару города Петрограда г. Урицкому о желании моем видеть его и дала для передачи ему записку с моей настоящей фамилией, указав в ней, что я пришла по делу произведенного у нас обыска. Докладчик ушел и, вернувшись, сказал, что у товарища Урицкого заседание, которое продлится очень долго, и поэтому все могут уходить домой. Там было кроме меня человек восемь еще, и все они ушли, а я осталась, сказав, что подожду, так как заседание когда-нибудь должно же кончиться.

Пришла я на Гороховую в 9 часов утра и ничего не ела весь день. Прождав до 8 часов вечера, я увидела, что докладчик собирается уходить домой, и уговорила его еще раз доложить Урицкому обо мне. Он пошел и, вернувшись, сказал, что Урицкий пришлет за мною, когда освободится, и ушел. Я думала, что докладчик меня обманул, но, действительно, через полчаса спустился с лестницы бывший камердинер градоначальника, который; знал меня лично, и провел меня наверх.

Много было слухов в городе о массовых расстрелах каждую ночь в подвалах дома на Гороховой улице, поэтому я. Ожидая свидания с Урицким и желая узнать, насколько слухи правильны, подошла к сидевшему часовому и начала его спрашивать, давно ли он здесь, сколько ему платят, правда ли, что каждую ночь здесь в подвалах расстреливают людей, и так как парень он был бесхитростный, видно, недавно из деревни, то охотно ответил мне, что здесь он находится часовым уже два месяца, жалованье получает 250 рублей в месяц на своих харчах, как он выразился, про расстрелы ничего не слышал и если бы таковые были, то солдаты-часовые, которых он сменил, наверное говорили бы об этом. Было ли это так, как он рассказывал, - не знаю.

Поднявшись наверх, я увидела в столовой за столом человек 20 большевиков, большей частью молодых в военной форме «хаки», которые ужинали. Наслушавшись о том, что они всего имеют в изобилии, я с интересом рассматривала их еду. Перед каждым была поставлена небольшая тарелка с кашей, стакан чаю, два кусочка сахара возле блюдечка и небольшой кусок хлеба. Войдя в другую комнату, смежную со столовой, и увидев много людей, я спросила, кто из них Урицкий, и тогда подошел ко мне прилично одетый человек в штатском платье,

европейского типа еврей, и повел меня в свой кабинет, попросив сесть. Узнав, в чем дело, сказал, что пока ему еще не доставили моих бумаг, что их, может быть, и нет еще здесь, а поэтому он сейчас не может ничего мне сказать, и чтобы я зашла дня через два-три. На это я ему ответала, что сижу здесь с раннего утра и мне так трудно было добраться до него, что вряд ли я смогу увидеть его во второй раз. а что бумаги находятся уже здесь, я знаю, так как сама сопровождала мальчика с пакетом сюда и они посланы под таким-то номером. Урицкий, записав номер, позвонил и приказал вошедшему человеку принести ему этот пакет запечатанным, не вскрывал его. Дождаясь бумаг, я сидела и слушала доклады, которые ему делали, и. по моему мнению, он давал вполне разумные распоряжения.

Принесли пакет, и мы вместе разбирали бумаги. На мой взгляд, он их только слегка просматривал и отдавал мне. я же очень волновалась, чтобы Урицкий не прочитал некоторых бумаг со сведениями относительно работающих на них людей к старалась чуть ли не выхватывать их из рук Урицкого. Один же план, составленный мужем по просьбе квартирантов для охраны домов от сильно развившихся тогда грабежей и нападений на квартиры, он оставил у себя, сказав, что это им пришли гея. Дома страшно волновались за меня, что я так долго не возвращаюсь, предполагая всякие ужасы, могущие произойти со мной. Когда я уходила от Урицкого, поблагодарив его, он мне сказал, что должен меня предупредить, что если будет второй обыск, то кончите очень плохо.

Мучилась я над решением вопроса, знал ли он. что я жена начальника Охранного отделения, фамилию свою я от него не скрала, а по своему положению он должен

был знать, кто я такая. Удивляло меня также и то, что за все время, что я была у него, он ни разу не спросил, кто мой муж и чем он занимается, и потом его странное предупреждение - все это было тайной для меня и моего мужа, которая так и осталась неразгаданной. Ходили слухи, что Урицкий против массовых расстрелов и что в Москве расстреливают гораздо больше, чем в Петрограде при нем, но тем не менее через две или три недели после моего посещения Урицкий был убит одним молодым евреем, якобы возмущенным расстрелами офицеров. пышные похороны устроили большевики Урицкому, и процессия с его телом под роскошным балдахином двигалась в течение нескольких часов по главным улицам Петрограда. Большевики были во всевозможных формах и несли осязательное количество плакатов с разными угрожающими надписями и призывами. Таких богатых похорон, я думаю, не было ни у одного царя в мире.

После смерти Урицкого началось что-то ужасное, жить стало невозможно, каждую ночь подъезжали к домам грузовики, забирали людей на расстрел. После обыска у нас мы, боясь второго, перебрались из квартиры генерала Казнакова в квартиру одного морского офицера, уехавшего с женой и с маленьким сыном на юг. Сдал нам ее его отец с мебелью и со всеми хозяйственными приспособлениями. Потом этот морской офицер с женой и ребенком были убиты большевиками в Ялте. Фамилия его была немецкая - Шумахер, и так как немцы в то время имели большое влияние на большевиков, то прибитая дощечка на дверях с его немецкой фамилией спасала нас, быть может, до поры до времени от них. По той же причине, я думаю, большевики не трогали генерала Казнакова, который еще

до войны был в хороших отношениях с немецким послом, назначенным после заключения мира с большевиками в Петроград. Скоро, однако, было уже опасно оставаться и в этой квартире, уже по несколько грузовиков каждую ночь подъезжали к домам и обыскивали каждую квартиру. Я не смыкала глаз вес ночи, прислушиваясь к проезжавшим грузовикам, поднимающемуся лифту: на каком этажа он остановится. Это была не жизнь, а сплошное мучение. Швейцар дома, который был и при царском режиме, ненавидел большевиков, называл мужа по-прежнему «ваше превосходительство» и предупредил меня, что если ночью придут большевики, то он даст предупредительных три звонка, и муж должен тогда спуститься по черной лестнице, а он выпустит его на улицу. Это было малым утешением, так как большевики обыкновенно шли и по парадной и по черной лестницам одновременно. Наконец, грузовики их добрались до соседних с нами домов, и медлить было нельзя, надо было что-нибудь предпринять. Решено было, что мой муж отправится к моему брату, артиллерийскому офицеру, которого комитет солдат выбрал своим начальником, но брат не захотел у них оставаться и уехал к своей семье в Гатчину.

В тот день, когда муж готовился уже уехать в Гатчину, он вдруг по какому-то предчувствию передумал и отправился только на следующий день вечером; я послала сопровождать мужа своего сына и сказала ему, чтобы он сперва сам зашел к брату узнать, все ли благополучно, а потом уже пошел за мужем, который должен был пока оставаться на станции. Сын застал жену и детей брата в отчаянии: накануне, именно когда муж, по предчувствию, отменил свою поездку туда, брата арестовали и отвезли куда-то, и он так и погиб у

большевиков. Муж с сыном сейчас же вернулись из Гатчины домой, в Петроград. На следующий день, заручившись письмом от знакомых к кассирше спальных международных поездов, мы отправились за билетами, но, хотя кассирша очень хотела исполнить просьбу наших знакомых, она ничего не могла сделать, так как все билеты были уже проданы на два месяца вперед, и даже все стоячие места в коридорах. С отчаянием возвращались мы, не имен уже надежды выбраться из Петрограда, где каждый проведенный лишний день и ночь означали смерть. Когда мы проходили мимо кассира, продававшего билеты на обыкновенные поезда, меня что-то кольнуло в сердце, и я предложила мужу стать тут в очередь - это была соломинка, за которую мы, утопающие, ухватились, так как все стоявшие в очереди до нас отходили от кассы, узнав, что и тут все билеты давно проданы, но только тогда, когда кассир уже вывесил объявление, что все билеты распроданы, мы с мужем двинулись к выходу, и вдруг совершилось действительно чудо, вошла какая-то дама и громко выкрикнула: «Кому нужен билет?» Мигом очутилась я около нее, заявив, что мне он нужен, и когда ее тут же окружили другие, билет был уже у меня в руках, и я за него платила деньги, не зная, куда с ним можно ехать и когда, но все равно, куда бы то ни было, но мужу надо было уехать из Петрограда. Когда же я спросила эту даму, куда этот билет годен, то, к нашей великой радости, ответ был - «в Оршу», именно туда, куда нужно было ехать мужу - на Юг.

Билет был на поезд, отходящий в этот же самый день в два часа дня, времени оставалось у нас очень мало, так как было уже 11 часов утра, и мы почти бегом отправились домой, покупая по дороге кое-что из

съестных припасов у продававших их на улице дам. Дома уложили немного белья и купленные припасы в маленький ручной чемоданчик, и я проводила мужа на вокзал, держась в стороне, чтобы не навлечь на него внимания своим волнением, так как швейцар нашего дома предупредил нас, что на вокзалах уже арестовывают многих уезжающих. Когда поезд отошел, я вздохнула с облегчением. У нас был уговор с мужем, что по приезде в Оршу он сейчас же пришлет условную телеграмму на имя одной знакомой старушки, а вторую - на ее же имя, когда он уже будет на другой стороне, вне досягаемости большевиков. Вечером я после многих и многих бессонных ночей крепко заснула, не страшны мне были ни грузовики, ни лифт, где он именно остановится.

На следующий день ночью пришла телеграмма из Орши, а потом и вторая, но этой последней я не очень доверяла, зная, что муж для моего успокоения мог послать ее из Орши еще не перейдя большевистской границы, что в действительности и было. Муж потом рассказывал, что он спасался от проверки паспортов большевиками тем, что все время переходил из одного вагона в другой, в промежутки скрываясь по уборным. Он ехал в купе с двумя дамами, и они перезнакомились, они тоже ехали на Юг. Приехав в Оршу, все они остановились у железнодорожного сторожа переночевать, и утром муж попросил этих дам взять его чемоданчик и перевезти вместе со своими вещами через большевистский пропускной пункт, сам же он не рискнул переправиться этим путем, где большевики проверяли паспорта, а пошел окольной дорогой к стоящему на посту у границы часовому и сказал, что ему надо за справкой пройти на товарную станцию, которая находилась уже на другой стороне, и что он сейчас же вернется. Видя, что у

мужа нет никакого багажа с собой, часовой его пропустил. Попав на станцию, которую занимали немцы после мира с большевиками, муж подошел к немецкому офицеру, назвал себя и тот, взяв под козырек, провел его к поезду, уходящему в Киев. Я же с детьми оставалась еще два месяца в Петрограде, и во время нашего пребывания там произошло зверское убийство царской семьи в Екатеринбурге. Сперва по городу смутный слух об этом, но никто не хотел ему верить, а большевики молчали, видимо, не решаясь объявить об этом, и выжидали, как будет реагировать на этот слух население, но, когда все оставалось спокойным, они через неделю объявили, что «в ночь с 16 на 17 июля 1918 года по приговору местного Совета рабочих и солдатских депутатов расстрелян был бывший царь Николай, его жена Александра Федоровна и дочери Ольга, Татьяна и Мария, о наследнике и Анастасии не было ни слова. Меня это поразило, и я обратила внимание других на это обстоятельство, но они решили, что просто по ошибке газета не напечатала этих имен тоже. Я же часто задумывалась над этим, и, когда (мы были уже в Америке) появилось сообщение о самозванке Анастасии, мне вспомнилось объявление большевиков об убийстве царской семьи.

Оставаясь в Петрограде, я постоянно наведывалась в украинский комитет, чтобы поторопить выдачу нам украинских паспортов, так как, когда муж был еще в Петрограде, он приписался с нами к образовавшемуся тогда украинскому комитету для выдачи нам украинских паспортов на основании того, что он родился в Екатеринославе, но сам он, не дождавшись этого паспорта, уехал, и я продолжала ходить в комитет пока не получила их. Нужно было только еще взять

разрешение на выезд от комиссариата внутренних дел, но я боялась, что если я явлюсь за необходимым разрешением, то меня могут задержать как заложницу, и поэтому не рискнула пойти туда, а выехала с детьми из Петрограда без этого разрешения.

Через полчаса после отхода поезда начался обход большевиков для проверки паспортов. К нам в купе вошел маленький еврей с двумя солдатами и потребовал от меня документы. Я подала ему наши украинские паспорта, он спросил, нет ли у меня еще других документов, и на мой отрицательный ответ заявил, что эти документы он мне не отдаст и я буду высажена на станции «Дно», куда поезд должен был прийти через некоторое время. Я страшно взволновалась и спросила его, кто он такой, чтобы удерживать мои документы. «Я комиссар», - ответил он. «Покажите ваши бумаги об этом», - сказала я. Он послушно вынул какую-то бумагу и передал мне, и тогда спрятала ее за спину, сказав, что я тоже не отдам его бумаги. Он сильно растерялся и обратился к солдатам со словами: «Товарищи, да что же это такое?» Те тупо и апатично смотрели на все это и ничего ему не ответили, Я одумалась и отдала ему его бумагу и легла уснуть. Дети волновались, а я их успокаивала, уверяя что раз я могу спать, то значит все обойдется благополучно;

Поезд подошел к станции «Дно», и пассажиры, которые волновались за меня во время моих пререканий с комиссаром, разбудили меня, постучав в дверь, и посоветовали самой дойти к большевистскому коменданту, куда уже побежал с бумагами комиссар. Дождь лил как из ведра была уже ночь, я выскочила в одном платье и побежала по направлению, где находился кабинет коменданта, как вдруг мчится ко мне

навстречу этот комиссар и сует мне мои документы в руки со словами: «Можете ехать дальше». Это была вторая загадка, как и у Урицкого, догорая осталась тоже неразгаданной. В эту же ночь с нашего поезда на станции «Дно» были высажены 30 семейств, даже с маленькими детьми, и без всякого своего багажа Мы же отправились дальше и, когда прибыли на станцию Витебск и к поезду подходили крестьянки с целыми караваемы хлеба для продажи, мы не могли понять, страшно изнуренные длительной голодовкой, что видим де-лые хлеба, которые продают здесь свободно и в изобилии.

Наконец мы прибыли в город Оршу, и надо было гтрелетавя* все имеющиеся вещи большевикам из ЧК для осмотра Я выставила две корзины; в одной находились военные вещи моего мужа, заказанные еще до революции, которые я взяла из магазина перед отъездом с собою, это было новенькое генеральское пальто на шелковой подкладке, с погонами, и две пары высоких лакированных сапог, так как я думала, что все эти вещи щжгшятеж когда кончится эта кошмарная большевистская кутерьма. Вещи я положила на дно, а сверху прикрыла детскими вещами и книжками. Мои знакомые были в ужасе, что я беру эти вещи, и настаивали, чтобы я хотя бы отпоролла подкладку и сжала погоны, но я как-то сильно верила в мое тогдашнее везение и все повезла как было. Дети мои знали, в какой корзине находятся эти вещи, а когда большевики подошли и потребовали, чтобы я открыла одну из них, моя дочь, волнуясь, указала на ту, в которой их не было. Тогда большевики, потребовав от меня ключи, сами открыли именно ту, в которой эти вещи находились. Запустив руку в середину, один из них вытащил сапог.

«Что это -видите, сапог», - спокойно ответила я, и он, вытащив другом сразу запустил руку на самое дно, где лежало пальто. Признаться, я перепугалась и по какому-то наитию вдруг закричала на них, что они перерывают мне всю корзину, которую я сама должна буду опять укладывать, а не они и что в ней только книжки и детские вещи. Очевидно, это подействовало на них, так как другой большевик, смотревший на производимый осмотр корзины, по-видимому, старший, приказал своему товарищу, чтобы он не перетряхивал так всего и уложил бы все аккуратно обратно. Закрыли корзину и вернули мне ключи, и, таким образом, я не ошиблась, и мне опять повезло.

Со станции мы отправились ночевать в находящуюся недалеко в городе еврейскую гостиницу «Серебряный якорь», но не успели мы заснуть, как раздался сильный стук в дверь с требованием открыть ее немедленно - это были большевики, которые кого-то искали, как мы узнали на следующий день. За дверьми слышался какой-то разговор, очевидно, хозяин гостиницы, сопровождавший обход, сказал им, что в этой комнате находится женщина с двумя детьми, так как не успели мы вскочить с постели, как раздался опять тот же голос и сказал: «Можете спать».

На следующий день с самого раннего утра начались мои мытарства по переходу через границу. Сперва побежала я узнавать, как можно переправиться через большевистскую границу без разрешения. Извозчики раньше брались за 3-4 тысячи рублей перевезти желающих. Таких денег у меня не было, но теперь они боялись это делать, так как всюду в поле и по дорогам были расставлены конные патрули, которые возвращали их и арестовывали вместе с пассажирами. Оставался мне

один только путь - отправиться в большевистский местный комитет и объяснить, что я должна была экстренно выехать и не имела времени взять разрешение на выезд от комиссариата внутренних дел.

Придя туда, я обратилась к секретарю комитета, молодому человеку, еврею по фамилии Семкин, но он сказал мне, что без разрешения ничего сделать нельзя, и посоветовал пойти к начальнику украинского отряда, который как раз должен был перевести через большевистскую границу группу украинцев, и попросить его записать и меня в эту группу. Побежала я туда, но начальник украинского отряда не решался записать меня без письменного разрешения комитета большевиков. Что делать? Я просто теряла голову и помчалась обратно в комитет; там в смежной комнате было много народу, и мне сказали, что рядом идет совещание комитета о немедленном закрытии границы, и никто больше не будет пропущен. Если закроют границу, подумала я, и уйдет украинский отряд, то я с детьми уже никогда не выберусь от большевиков, и я решилась на отчаянный шаг. Вскочив в комнату заседания, где было 12 человек большевиков, я подбежала к секретарю Семкину и сунула ему бумагу в руки с просьбой сейчас же подписать ее, так как начальник украинского отряда готовится уходить. Семкин нерешительно повертел бумагу в руках и затем обратился к комитету с объяснением в чем дело. Тотчас же выступила одна полька-большевичка, единственная женщина, находящаяся в этом комитете (фамилию ее не помню), и требовала немедленно отправить меня обратно в Петроград. Я стояла вся бледная перед столом, за которым заседали большевики, ее требование безумно возмутило меня, и я, обратившись к ней, сказала: «Удивляюсь, вы сами женщина и можете быть такой

бессердечной, чтобы требовать отправки моей с детьми обратно в Петроград, вы что ли дадите мне денег на обратный проезд туда, так как я денег не имею». После моего такого бурного выступления заговорил мужчина средних лет, доктор-еврей, как я узнала потом, по-видимому, он председательствовал и сказал, что, по его мнению, на этот раз надо пропустить меня, но написать в Петроград, чтобы таких случаев больше не было. Обрадовавшись, я обратилась опять к польке и сказала: «Как видно, мужчины гораздо лучше чем вы, женщина». После моих слов все мужчины присоединились к мнению председателя, и разрешение было мне дано. Выбежала я оттуда, и бегом отправилась к начальнику украинского отряда, и поспела как раз вовремя, так как он с украинской группой уходил, и телеги, нагруженные бедным имуществом, уже двинулись гуськом вперед. Оставался еще только один большевистский пункт осмотра вещей и людей, которых раздевали совсем, рассчитывая найти что-нибудь спрятанное на них, но, к счастью, к началу этого осмотра приехали большевики, забрали своих большевичек на какое-то празднество, а пункт велели закрыть совсем. Наконец, освободившись от всех осмотров, двинулись мы пешком черепашьям шагом и добрались до деревни Пустынки на берегу Днепра, где должны были дожидаться парохода, чтобы он доставил нас в город Киев.

Два дня и две ночи пробыли мы в этой деревне, большая часть людей оставалась ночевать на берегу реки при разведенных кострах, а некоторые, в том числе и я, отправлялись по хатам, чтобы хоть на лавках вздремнуть немного. Немцы-солдаты, квартировавшие в этой деревне после заключения мира с большевиками,

подходили к кострам, предлагали горячее кофе и папиросы и расспрашивали про большевиков. Зажиточные же крестьяне с ужасом прислушивались к тому, что мы им рассказывали. На третий день пришло известие, что пароход не может прийти за нами, так как с обоих берегов Днепра его обстреливают большевики, и решено было идти пешком за несколько верст на товарную станцию, занимаемую немцами, и там погрузиться в вагоны. Был прекрасный осенний день, когда мы двинулись в дорогу. Наш караван - телеги медленно двигались, поскрипывая, воздух был удивительно свежий и прозрачный, шли мы лесом, и солнце освещало наш путь, проникая через верхушки деревьев, а пожелтевшие уже листья блестели и шуршали под нашими ногами. Картина была умиротворяющая, и я в первый раз почувствовала какое-то успокоение в душе.

В пути познакомились с некоторыми симпатичными людьми, тоже из Петрограда, с которыми мы потом все время поддерживали дружеские отношения в наших последующих странствиях. Прибыв на станцию, мы расположились в вагонах третьего класса (других там не было) и таким образом добрались до города Гомеля, почти целиком населенного евреями. Грязь на мостовых была непролазная, и когда дети, я и еще одна дама сели на извозчика, то я от усталости представляла из себя какое-то безжизненное тело, толкаемое из стороны в сторону тряской коляски по ухабам; дети меня поддерживали, чтобы я не выпала при толчках, но если бы это случилось, то я так и осталась бы лежать в этом болоте, так как не имела бы больше ни сил, ни даже желания подняться. Приехали мы в гостиницу, на этот раз под названием «Золотой якорь», я от усталости

физической и моральной ничего не сознавала, бросилась на кровать одетой и так и проспала до утра, ничего не видя и не слыша, а вместо меня всем распоряжались дети и знакомая дама.

На следующий день, не задерживаясь в Гомеле, мы укатили в Киев. Поезд двигался страшно медленно, иногда часами почему-то стоял в открытом поле, провизия вся вышла, которую мы захватили с собою, и на одной из долгих остановок в поле я вышла и обходила вагоны снаружи: не найду ли немного хлеба у солдат, ехавших в теплушках. И действительно, один сердобольный солдат отрезал мне половину своего хлеба за 3 рубля, которым я поделилась с детьми и дала кусок сидящему какому-то пассажиру напротив нас, смотревшему на хлеб голодными глазами. Во время пути в Киев на одной из станций вошел в наш вагон какой-то пассажир, оказавшийся мастером на одном из заводов в Екатеринбурге. Он рассказал, что бросил завод, так как нельзя было вытерпеть всего того, что творили рабочие. Они разбивали дорогие машины, никаких распоряжений не выполняли, никого не слушались, буйствовали и пьянствовали. Он бросил все и убежал, а теперь ехал к своей семье. На мой вопрос про Царскую семью он подтвердил, что она была расстреляна, а когда я сказала, что мне показалось странным, что большевики, объявляя о расстреле царской семьи, не упомянули в числе расстрелянных Наследника и Анастасию, то он ответил, что про Анастасию он ничего не знает, а что касается Наследника, то упорно ходили слухи по городу Екатеринбургу, что он умер до расстрела Царской семьи, от потрясения, когда взорвалась бомба недалеко от окна, у которого он стоял.

Наконец после разных мытарств добрались мы до города Киева, застали мужа живым и невредимым, он уже был на службе в Департаменте полиции (Державная варта) при гетмане Скоропадском и жил у брата своего, доктора, и мы тоже временно поселились там. Когда мы приехали в Киев, наш организм был страшно истощен длительной голодовкой и мы никак не могли насытиться. Уходя из дому, в течение дня мы только и делали, что переходили из одной булочной или кондитерской в другую, съедали невероятное количество булок, пирожных, пили кофе по несколько раз в день и все же оставались еще полуголодными. Жители Киева смотрели на нас с изумлением, видя такое количество булок и пирожных, поставленных на нашем столе, которые мы быстро уничтожали, но мы не обращали никакого внимания на их удивление - нам было не до того, так как мы знали, что сытый голодного не понимает.

На почве нашего хождения по кондитерским случались и курьезы. Так, например, расставшись, мы отправлялись порознь домой, но где-то на полпути неожиданно опять встречались в какой-нибудь булочной или кондитерской и ели, ели без конца, и это продолжалось до тех пор, пока наш организм не требовал уже такого сверхнормального питания.

Киев производил прекрасное впечатление. Замечательно красивый был огромный купеческий сад на горе с видом на реку Днепр, с большой красивой раковиной посередине, где в спокойное время по вечерам играла музыка. В Киеве была знаменитая Киево-Печерская лавра, очень чтимая православными, куда стекалось бесчисленное количество паломников со всех концов России, были также в Киеве многие красивые своеобразные здания. Во время нашего

пребывания в Киеве нам пришлось увидеть ужасную картину. Как-то шла я с детьми по одной из улиц Киева, и мы увидели, что из церкви выносят четырнадцать гробов, чтобы увезти их на кладбище. В этих гробах были четырнадцать трупов молодых белых офицеров, зверски замученных большевиками. Офицеры эти стояли на бивуаке в одной маленькой деревушке, когда их ночью окружили украинские большевики и, захватив их, надругивались над ними, срезая губы, поджигая свечкой носы, вырывая глаза и отрезая уши. Жутко даже и теперь вспомнить об этом и думать, до чего только могут дойти люди-звери.

Пробыв некоторое время у брата мужа, мы перебрались в гостиницу Глалынюк, и хотя белые занимали еще Киев, но мы жили как на вулкане, ежедневно ожидая прорыва фронта белых и прихода украинских большевиков. И действительно, вскоре после нашего переселения в гостиницу, вошли в Киев, после упорного боя с белыми, петлюровцы, то есть те же большевики-украинцы под предводительством Петлюры, их вожака, бывшею сельского учителя. Входили они очень торжественно, с музыкой, но были встречены белыми, остававшимися в городе, пулеметным огнем.

Мы стояли как раз на улице при вступлении большевиков и вбежали в какие-то ворота, когда началась стрельба, которая длилась недолго, так как белые должны были отступить и покинуть город. Как-то, вернувшись домой в первые дни прихода петлюровцев, к мужу подошел хозяин гостиницы и посоветовал ему скрыться, так как в этот день пришли уже большевики в гостиницу. Арестовали двух полковников и увели их с собою на расстрел. Муж вечером же отправился к брату, а я должна была с детьми оставаться пока в гостинице. Я

пошла провожать мужа и, возвращаясь поздно ночью в гостиницу, невольно остановилась, пораженная необычайным видом, открывшимся перед моими глазами. Всюду по дороге, по которой я шла, горели огромные костеры и стояли освещенные огнем солдаты-большевики, греясь около них и поставив ружья в козлы; большое зарево пожара далеко расстилалось по небу, и все время разрывались снаряды над вокзалом, разрушая его, немного же поодаль от зарева на чистом темно-синем небе мириады звезд и полная луна спокойно освещали землю, на которой проливалось столько невинной крови.] Контраст был Непередаваемый, и я несколько времени, потрясенная этой картиной, не сознавала даже опасности от разрывающихся недалеко снарядов, но, наконец, отправилась дальше в поисках какой-нибудь пищи для детей, а так как в гостинице ничего съестного не было и с приходом Петлюры все магазины сразу закрылись, то мне пришлось довольно долго побродить по улицам, пока я не наткнулась на какую-то лавчонку, еще открытую в такое позднее время, и, купив колбасы и хлеба, вернулась домой. Поужинав принесенными мною припасами, мы легли спать. Поздно ночью раздался громкий стук с требованием открыть двери. Сын, спавший в первой комнате, накинув пальто, открыл ее. В дверях стоял, весь бледный, управляющий гостиницы, два офицера и несколько солдат с ружьями. Офицеры вошли в первую комнату, а солдаты оставались стоять в дверях; я с дочерью спала в другой комнате с альковом. «Где генерал?» - спросил один из них. Лежа, не вставая с постели, я ответила, что он уехал по делам, но куда - не знаю, а на вопрос, когда муж вернется, сказала, что недели через две-три. Тогда офицер, одетый в украинскую форму и с косичкой на черепе, на ломаном

украинском языке (очевидно, это был русский, заделавшийся украинцем) сказал, что за мужем они придут, когда он вернется, а мне приказал немедленно очистить комнаты, так как они нужны для штаба Петлюры. Была ночь, и меня так возмутила наглость этого офицера, что я вскочила с постели, накинув на себя пеньюар и туфли на босу ногу, и выбежала к ним. Проходя мимо зеркала и увидев себя в таком виде, я невольно горько улыбнулась. Горячо спорила я с ними, доказывая, что не могу же я выбрасываться ночью на улицу вместе с детьми и вещами. Офицер в русской форме стал уговаривать украинского, чтобы он не настаивал на немедленном освобождении помещения, но тот ломался, упрямылся и, наконец, уступив, «милостиво» разрешил нам остаться до утра. Конечно, мы уже не могли уснуть всю ночь, и, как только большевики ушли, я побежала вниз, в контору, посмотреть, как нас записали в гостинице, то есть откуда мы прибыли, так как я боялась, что если поместили адрес брата мужа, где мы жили до переезда в гостиницу, то большевики могут отправиться туда и арестовать моего мужа. Но отмечены мы были в книге как приехавшие из Петрограда. Утром я отправилась к мужу и рассказала все как было. Решено было, что мы переберемся в Слободку - это поселок Черниговской губернии на другом берегу Днепра с маленькими отдельными домиками среди садов - и поселимся в одном из них, где жил приятель брата мужа - инженер со старушкой матерью, бежавшие во время войны от немцев из Варшавы. Приняв такое решение, я вернулась в гостиницу и вместе с детьми начала укладывать вещи. Около 12 часов дня подъехал военный грузовик, и к нам явился маленький украинский офицер, молодой, веселый и довольно

вежливый. Он очень извинялся, что мы должны очистить комнату, но что штабу Петлюры некуда деваться, и, выразив свое соболезнование, что так быстро нам надо уходить, приказал вносить вещи штаба. Вносили без конца огромные ящики, но все они были наполнены только шампанским, вином и водкой, и сам этот офицер уже был навеселе, когда явился к нам, Пришлось перебираться нам опять.

Уложив вещи, мы нагрузили их на извозчика, и сын отправился с ними на наше новое местожительство - поселок Слободку, где ждал нашего прихода. Началась снова наша кошмарная жизнь. Из Слободки мне с детьми нужно было каждый день отправляться в Киев, так как дети там учились, не желая пропускать учебное время, - куда бы мы ни прибывали, они, хотя и временно, посещали гимназии. Приходилось переходить из Слободки пешком длинный мост через Днепр и потом ехать паровозом с вагончиками по узкоколейке до Киева, по дороге к которому мы всегда видели лежащие на земле трупы людей. Уходя из дома, мы с трепетом возвращались домой - в ужасе, что, быть может, в наше отсутствие мужа арестовали и увели. Муж никуда не выходил, так как всюду ходили большевистские патрули, останавливая прохожих, проверяли документы и многих арестовывали. Наша жизнь в Слободке была довольно тяжелая, всем приходилось спать на полу на тюфяках, набитых соломой, так как кроватей не было, и только я одна пользовалась привилегией и спала на походной кровати. Старушка-хозяйка варила нам кофе по утрам и, жалея нас, топила печку в нашей комнате, чтобы мы, вернувшись, могли согреться, так как было уже холодно и снег лежал на дворе, а теплого у нас ничего не было. Обед мы брали у одной женщины, которая жила в одном

из домиков напротив и сравнительно за очень малую плату кормила нас прекрасно. Она давала нам обед из трех блюд: первое суп, на второе или гуся, утку или курицу, или жаркое и сладкое.

Дети, возвратясь из гимназии, ходили за обедом, и когда приносили его, то расставляли блюда на двух стульях, которые только и были у нас в комнате; стола у нас не было, и наши хозяева не могли нам дать его, так как и у них, беженцев из Польши, никакой почти мебели не было и, таким образом, нам приходилось] обедать или стоя, или сидя, кто мог поместиться на походной кровати. Видя такое полное довольствие всего, а главное припасов, в Киеве, мы часто грустно подумывали о том, что и здесь большевики скоро сделают свое пагубное дело, разрушат совсем так хорошо налаженную жизнь людей и начнется голод, нищета и расстрелы, как в Петрограде, что действительно произошло в очень короткий срок после вступления большевиков в Киев.

Однажды, возвращаясь домой в Слободку, я шла с детьми по одной из главных улиц Киева, и мы увидели стоявшую толпу мужчин, а навстречу нам шла простая бедная торговка с корзинкой яблок в руках и громко рыдала. Я спросила ее, чего она плачет, и она нам рассказала, что шел по улице молодой человек в штатском пальто, а из-под пальто чуть виднелась его военная форма, и шедший ему навстречу вооруженный солдат, заметив это, задержал офицера и потащил его к извозчику, чтобы увезти к коменданту, а может, и пристрелить по дороге, что она находилась в стоявшей толпе и, увидев это, вцепилась в руку солдата, плакала и кричала, что офицеры такие же люди, как и все, и требовала отпустить этого молодого офицера. Солдат вырвался, грубо оттолкнул ее, и она упала, а он отвез

офицера неизвестно куда. Возмущенная тем, что никто из толпы мужчин не попробовал даже вступить за офицера, которого тащил один только солдат, я обратилась к ним с упреком и заявила о своем недоумении, почему они оставались безучастными к происходящему на их глазах. «Мы не знаем, мы как будто были загипнотизированы кем-то», - ответили они. Начались обыски и в поселке Слободка, надо было уезжать опять дальше. У нас были все те же две корзины, взятые с собой еще из Петрограда, но увезти обе было невозможно, и поэтому ночью прислуга наших хозяев вырыла глубокую яму в подвале и зарыла там корзину, которая была побольше, в которой между другими вещами находилось упомянутое уже генеральское пальто и лакированные сапоги мужа, с таким риском вывезенные мною из Петрограда. Муж ждал только удобного момента, чтобы уехать, и, воспользовавшись первой возможностью, отправился опять один в Одессу, а я с детьми поехала позже.

На вокзале, когда мы уезжали, творилось что-то невообразимое, все поезда были переполнены солдатами и жителями, спасающимися от большевиков, и все крыши вагонов были усеяны людьми. Мы едва-едва нашли место в третьем классе благодаря хорошему чаевым носильщику и его расторопности. Над нами сидели солдаты, спустивши ноги перед нашими лицами, ни выйти, ни повернуться нельзя было, воздух был ужасным, и у меня до сих пор время по вагонам холили разнузданные, шумливые, ругаюгяргеса большевики-солдаты, кого-то разыскивая. При таких ужасных условиях мы все же, наконец, добрались до товарной станции Одесса, и нам нужно было пересесть на телегу и пробраться епте через украинский большевистский пост, который тоже

осматривал все вещи. Подошел к нашей телеге солдат и, узнав, что у кроме носильных вещей и детских книг в корзине ничего нет, пропустил нас без осмотра; вероятно, ему надоела вся эта кутерьма и просто лень была осматривать. Пока мы ехали со етшш до пункта осмотра, все время слышалась стрельба и несколько пуль просвистело мимо нас, очевидно, это был бой украинских большевиков с отступающими белыми. Проехав последнюю большевистскую зону, мы очутились в свободной пока от большевиков Одессе, так как там находились белые. Нашли мужа и поселились в гостинице «Франция». Муж уже служил в Одессе, ведая разведкой, по недолго мы прожили и здесь. Вскоре начали циркулировать слухи, что большевики, отбрасывая белых, подходят к Одессе. Хотя белые показывали чудеса храбрости, но СИЯЯ солону ломит, большевиков было много на фронте, а белых было сравнительно мало. Штаб белых начал отправлять свои семьи в Варну (Болгария), и муж принес для меня и детей билеты на отправляющийся туда пароход, но я отказалась ехать, заявив, что мы или поедем все вместе, или останемся с ним. Прошло еще немного времени в таком тревожном положении. Союзники попом* \ йоту и незаметно стали покидать Одессу, и в одни прекрасный день все же неожиданно для всех было приказано садиться на французский пароход «Кавказ». Грузили как-то поспешно, места На пароход брались с бою, без всякого порядка. Погрузился на этот же пароход и генерал Шварц, начальник обороны Одессы, и архиепископ Анастасий с духовенством, и при чудной погоде мы отплыли из Одессы. Поместили нас в трюмах. Спали вповалку на нарах, покрытых какой-то неопределенно-грязного цвета травой. Я и еще одна

знакомая дама не решались лечь на эти пары, противно было и жутко, так и казалось, что оттуда ползут всякие черви и насекомые, и поэтому мы просидели две ночи в столовой парохода, опершись руками об стол и дремали, но на третью ночь не выдержали, бросились в изнеможении на нары и уснули как убитые. Кормили нас всю дорогу какой-то похлебкой и фасолью

Отплыв некоторое расстояние от Одессы, владыка Анастасий с духовенством вышли на палубу и отслужили молебен. Молились за оставшихся в Одессе, молились за всех нас, покинувших родину и плывущих навстречу неведомому будущему... Картина была торжественно грустная, с пением молитв, сверкающим солнцем и беззаботно весело кувыркающимися вокруг парохода дельфинами. Плакали не только женщины, но я многие мужчины. Пробыв на пароходе 12 дней, мы прибыли в Константинополь поздно вечером и бросили якорь в Босфоре. Прекрасный вид представляли освещенные огнями дома на горе, внизу белый дворец султана с мраморной террасой и спускающейся лестницей к морю, силуэт мечети Ай-Софии, выступающий в темноте, и [другие] мечети с их минаретами. Сняли нас с парохода и отправили на остров Халки, находящийся в ведении французов, и большинство беженцев поместили в греческом монастыре, который находился там же, на острове, на довольно высокой горе.

Там расположились по комнатам, на полу, целые семьи, отгораживаясь друг от друга простынями, но как-то все сумели приноровиться ко всему и жили как бы в цыганском таборе, только не на воздухе, а в стенах греческого монастыря. Некоторые же из приехавших сняли комнаты у греков или турок. Мы сняли комнату у одной гречанки-вдовы с дочерью, говорившими

по-французски. На вид это была опрятная комната с мебелью, покрытой белыми чехлами, но ночью происходило что-то ужасное, так как из всех щелей и из под чехол мебели вылезали какие-то своеобразные, особо длинные клопы и не давали нам покоя, а на нашу жалобу хозяйке она равнодушно советовала нам собирать их. Везде в комнатах, снятых у греков, происходило тоже самое, и можно было видеть, проходя ночью по улицам, мерцание свечей и движущиеся тени русских, занятых охотой на этих клопов. На следующий день [после] нашего приезда на остров Халки я встала утром и выглянула в окно. У колодца, окутанная с головы до ног в белый балахон, стояла черная африканка с кувшином на одном плече, уже наполненным водою, перед глазами сверкало море, и мула, взобравшись на минарет мечети, громко призывал правоверных к молитве. Все это было до того некрасиво после всех пережитых ужасов в России, что какое-то непередаваемое чувство спокойствия охватило меня, и не хотелось отойти от окна, как бы боясь, что все это сейчас исчезнет. Остров Халки - это один из четырех Принцевых островов, расположенных недалеко от Константинополя и сообщавшийся с ним колесными маленькими пароходами - шеркетами. Местность на острове Халки довольно гористая, покрытая лесом, и на этих островах, «на Принкипо», когда-то заседала Лига Наций. Всем нам вообще неплохо жилось на острове Халки, и французы в лице коменданта и его помощников относились хорошо, были приветливы и вежливы. Большею частью кормили всех кроликами, которых мы никогда не ели, а отдавали нашей гречанке.

Прибыли мы на остров Халки летом, и погода была удивительно хорошая. Совершались часто прогулки по

острову верхом на ослах, в особенности в лунные ночи. В то время в Греции был главой правительства Венизелос, которого, очевидно, константинопольские греки очень любили, так как часто ночью, когда они ездили верхом на ослах, то громко распевали всю ночь напролет, не давая никому спать, одну и ту же песню, восхваляя Венизелоса. Нам говорили, что константинопольские греки резко отличались по натуре от тех греков, которые находились в Греции. Греки на острове Халки проявляли большую скардность и старались выжать из нас, беженцев, как можно больше денег, тогда когда бедные турки не хотели и не брали денег от некоторых беженцев, поселившихся у них, говоря, что, когда у них будут деньги, они тогда им, туркам, заплатят. Турки оказались очень симпатичными людьми, они относились с большим почтением и соболезнованием ко всем прибывшим беженцам, и в начале нашего приезда только и слышно было, как они указывали друг другу на нас и шептали «рус, рус». Они ведь впервые столкнулись в массе с мирно настроенными русскими - их прежним могучим врагом.

Самой [заметной] достопримечательностью на острове Халки был морской кадетский корпус, выстроенный на берегу моря, обнесенный высоким решетчатым железным забором. Перед корпусным зданием находился большой плац, на котором обучались морские кадеты, и всякий раз, встречая парходики-шеркет, приходящие из Константинополя, что было для большинства живущих на острове Халки большим развлечением, мы останавливались перед железной решеткой и смотрели на маршировку и упражнения морских кадетов, одетых всегда очень чисто, в белой морской форме. Вскоре по прибытии на остров

Халки мы познакомились с директором морского корпуса, воспитанным и образованным человеком, а также со всеми морскими офицерами, говорившими по-немецки. Воюя против нас, русских, под руководством немцев, они выучились этому языку, и поэтому мы имели возможность разговаривать с ними, так как большинство прибывших русских на остров Халки были интеллигенция, говорящая тоже по-немецки. Все морские офицеры были воспитанные люди из лучших турецких семейств. Водили они нас осматривать корпус, гуляли с нами, и проявляли большое внимание, и очень интересовались всем, что происходит в России. Как-то мы, русские, гуляли целой компанией с ними, и один из них, женатый на сестре султана, объявил нам, что он находился на военном турецком корабле «Гебене», когда тот обстреливал Севастополь, и, узнав, что мы все там в то время были, сказал шутя, что если б он только знал, что мы там находимся, то конечно отдал бы приказ не стрелять, а другой молодой морской офицер, находясь в обществе русских барышень, клялся аллахом, что, узнав русских, он никогда не возьмет больше оружия против них.

Все это было очень мило и приятно было слышать и видеть такое отношение к нам - несчастным теперь беженцам. Гражданская турецкая публика тоже проявляла большое уважение и внимание к нам - русским. Приглашали в свой клуб и радовались как дети, когда мы, выучившись цифрам на турецком языке, выкликали их по-турецки, играя с ними в лото; это доставляло им громадное удовольствие, они одобрительно причмокивали, удивляясь, по-видимому, нашим проявленным способностям. Между греками, живущими на острове Халки, и турками была сильная вражда, и, когда мы хвалили турок, греки возмущались,

доказывая, что мы их недостаточно знаем, и страшно их ругали.

Во время нашего пребывания на острове Халки я познакомилась с очень милой молодой еще супружеской парой, муж был турецкий морской офицер, а жена его очень симпатичная образованная англичанка, и мы часто проводили время вместе. Случился как-то на острове большой пожар, люди помчались помогать тушить его, и не обошлось без присутствия хулиганов, которые, пользуясь суматохой, начали грабить вещи. Англичанка с мужем присутствовали на этом пожаре, и она подробно мне о нем рассказывала. Турецкий полицейский, охранявший спасенные вещи, отгонял хулиганов, но не мог с ними справиться, так как они призвали еще своих товарищей на подмогу, и начался форменный грабеж, и только когда появились еще несколько полицейских, они были арестованы. Хулиганы эти оказались греками, и тогда греки, проживающие на острове Халки послали греческому патриарху телеграмму с воплем о том, что турки режут греков. Патриарх снесся сейчас же с английским командованием, и был прислан английский офицер для расследования, который расспрашивал как свидетельницу и мою знакомую англичанку и выяснил, как все дело обстояло. Благодаря странному обычаю, существовавшему тогда в Турции, я очутилась однажды в неловком положении. Я зашла в открытую русскими кондитерскую и потребовала себе кофе. Турецкие морские офицеры ее охотно посещали и, когда я сидела за столиком и пила кофе, подошел к столу моему лакей и поставил передо мной мороженое. Я удивилась и сказала ему, что я его не заказывала, но он, обернувшись, указал мне на сидящего в конце комнаты турецкого морского офицера, с которым я не была знакома, сказав что он

приказал ему отнести мне это мороженое. Возмутившись до глубины души таким поступком, который у нас в России считался бы чрезвычайно оскорбительным, я приказала лакею немедленно убрать принесенное мороженое и, не докончив своего кофе, встала и ушла. Турецкий же офицер наблюдал за всем этим с напряженным вниманием. На следующий день, встретившись с некоторыми морскими офицерами, я не успела рассказать им о случившемся со мной инциденте, как они мне сообщили, что их товарищ чувствует себя очень обиженным мною, так как у них такой обычай, что если вы хотите выразить свое глубокое уважение к кому-нибудь, то приказываете отнести к столу даже незнакомого человека какое-нибудь угощение. Рассмеявшись, я сказала им, что в таком случае пусть они передадут ему о моем сожалении, что я не поняла его внимания, но с тех пор он избегал меня.

На острове Халки среди бежавших из России была также одна наша знакомая, Велецкая, дочь которой была фрейлиной Государыни и была при ней до самого отъезда царской семьи из Царского Села. К Велецкой часто заезжали разные знакомые ей офицеры с Юга России. Я с детьми однажды сидела у нее, как раз когда ее навестил один из приехавших к ней офицеров по фамилии Марков, якобы отправлявшийся к адмиралу Колчаку в Сибирь.

Мы уже собирались уходить, но Велецкая удержала нас, сказав, что сейчас вернется приезжий офицер и расскажет нам много чудес о спасении царской семьи. Конечно мы остались. Этот офицер рассказал нам, что многие офицеры, как гвардейские, так и армейские, желая спасти царскую семью, заделались большевиками и были назначены нести службу в Екатеринбурге при

царской семье. Они нарочно очень грубо обращались с царской семьей, чтобы отвлечь от себя возможные подозрения большевиков. Когда они узнали, что над Государем назначен местным Советом рабочих и солдатских депутатов день суда, то решили действовать и, загримировав под Государя князя Долгорукова, который остался там для этой подмены, переодели Государя и Наследника в крестьянское платье, Государыню и великих княжен одели крестьянками с платочками на головах, и ночью подъехали две телеги. В одну из них сел Государь с Наследником, а в другую Государыня и великие княжны, и поехали по заранее назначенному направлению. Он, Марков, якобы находился в числе конвоировавших царскую семью, и когда они ехали лесом, то рано утром повстречалась им крестьянка, едущая на телеге, и Марков подъехал к ней и велел повернуть обратно, что она испуганно сейчас же и выполнила, а они двинулись дальше. Он вместе с другими офицерами довез царскую семью до известного пункта, где она была передана другим конвоирам, а они все разъехались в разные стороны, и таким способом царская семья передавалась от одного пункта до другого, где каждый раз сменялись конвоиры, чтобы никто не мог узнать конечного пункта назначения. Все вещи золотые и бриллиантовые были брошены в костер как доказательство, что царская семья погибла. Мы все отнеслись довольно скептически к его рассказу, хотя тогда еще не было произведено расследование убийства царской семьи следователем по особо важным делам Соколовым, которому было поручено адмиралом Колчаком это сделать. Когда же позже появилась книга следователя Соколова о произведенном им расследовании убийства царской семьи в Екатеринбурге,

то я обратила внимание на одно место в ней, совпадавшее с рассказом этого офицера о встрече по дороге в лесу бабы в телеге, которую якобы он, Марков, заставил повернуть назад.

Кто был на самом деле этот офицер? Преданный ли Государю и царской семье человек или посланный большевиками для распространения слухов об ее спасении?

После двухмесячного пребывания на острове Халки начали приходить известия из России, что белые отбрасывают красных, то есть большевиков. Начали поговаривать о возвращении на Юг России. Многие же собирались отправиться к адмиралу Колчаку во Владивосток, в Сибирь, и союзники предназначили для этой цели пароход «Иерусалим», который должен был прийти за нами и ожидался каждый день, но почему-то его приход все оттягивался, так что многие, так и не дождавшись его, уехали не к генералу Колчаку, а к генералу Деникину на Юг России. Муж, собиравшийся с нами тоже ехать на пароходе «Иерусалим», так и не дождался его и уехал на Юг, в Ростов-на-Дону. Я с детьми оставалась еще месяц на острове Халки, а потом тоже отправилась в Ростов, к мужу. Турки очень жалели, что все русские уезжают, уговаривали нас остаться, что все равно нам придется опять пережить много ужасов и вернуться в Константинополь, - и они не ошиблись.

Ростов был переполнен как гражданским населением, так и военным, когда мы приехали. Ни одной квартиры, ни одной комнаты нельзя было достать. Муж занимал крошечную комнату, в которой еле мог поместиться один человек, но мы все же ухитрились втиснуться в нее в первые дни. Потом нам отвели

квартиру одного чиновника, живущего постоянно в Ростове, который уехал отдыхать к своим родственникам в Ялту. Расположились мы в его квартире довольно сносно в сравнении с другими. Муж остался в своей комнате, и только я с детьми поселилась там, так как приезд хозяина этой квартиры ожидался не ранее чем через месяц.

Однажды, когда мы спали глубоким сном и было уже два часа ночи, раздался сильный стук в двери, а потом и в окно. Мы вскочили в испуге, думая, что это большевики, а сын подошел к дверям и спросил, кто это и что кому нужно. В ответ раздался сердитый голос, который сказал, что он - приехавший хозяин, и спросил, кто мы такие, занявшие его квартиру. Не впустить хозяина квартиры было бы довольно странно, и мы попросили его немного обождать, пока мы оденемся. Впустив хозяина, мы увидели, что, очевидно, рассчитывая найти свою квартиру такой, какой он ее оставил, то есть свободной, он привез с собою одного своего знакомого полковника с женою. Хозяин оказался очень милым и предупредительным человеком, просил нас не тревожиться и спать, а они, приехавшие, как-нибудь устроятся. Он поместил жену полковника в столовой на столе, а сам с полковником расположились как-то на плите в кухне. Нам было очень совестно, что мы, его так стеснили, но он сказал, чтобы мы на это не обращали внимания и жили у него, пока не найдем, где устроиться, и обещал помочь нам в этом. Одно было неудобно, что, не желая его беспокоить и проходить в ванную через его комнату, мы ходили туда через двор, и так как в то время часто были сильные бури и ветер завывал, я очень боялась, чтобы дети и я не расхворались.

Так прожили мы некоторое время, пока мне с детьми не реквизировали одну комнату в большой хорошей квартире, принадлежащей директору банка города Ростова. В ней жила его вдова, ее мать старушка, младшая взрослая дочь и сын. Муж этой вдовы недавно застрелился на этой квартире, а старшая дочь после этого несчастия повесилась там же. Вдова его была пренеприятная особа и очень бестактная. Часто уже часов в 6 утра она входила в занимаемую нами комнату, разбудив нас, и разговаривала по часу по телефону о какой-то провизии. Наконец, потеряв терпение, я запротестовала, и после этого мы почти не разговаривали друг с другом, но все же она прекратила свои утренние посещения нас.

Когда муж приехал с острова Халки в Ростов, то его назначили в Главное управление снабжения. Работа - неинтересная, монотонная и мертвая - не нравилась моему мужу, и он охотно согласился, когда ему предложили сформировать морскую контрразведку в Севастополе и в Одессе, куда он и отправился на пароходе «Николай», уходившем из Новороссийска. Муж обещал мне написать, как только прибудет туда. Я тем временем ходила с детьми обедать в устроенную столовую для военных и гражданских чинов с семьями, так как цены в ресторанах были очень высокие и все повышались. С нетерпением ждала я письма от мужа, но оно не приходило, и знакомые, обедавшие там же, видя мое волнение, скрывали от меня полученное известие, что пароход «Николай» попал в ужасный шторм и двух человек снесло с палубы в море, но кого именно - было неизвестно. Наконец я узнала об этом и, не имея никаких еще известий от мужа и зная, что он любил во время бури прогуливаться по палубе, я так сильно

встревожилась, что у меня сделалось что-то вроде сонной болезни, я все спала: приходила ли обедать, или к знакомым, или разговаривала с кем-нибудь - я не могла сдержать себя и тут же сейчас же засыпала. Через месяц пришла военная радиотелеграмма, что муж мой выехал на военном миноносце с таким-то адмиралом (фамилию не помню) и должен такого-то числа прибыть в Ростов. Хотя я и успокоилась, но моя необъяснимая сонливость продолжалась еще долго и после приезда мужа. Как оказалось, он послал мне несколько писем, которые не дошли, что тогда постоянно случалось из-за невозможности правильных рейсов пароходов.

Муж, вернувшись в Ростов, недолго оставался там. Пошли слухи опять, что большевики надвигаются, а так как почти все белые войска были на фронте и очень мало оставалось для охраны города внутри, то начали привлекать желающих. Как-то отправилась я на Дон встретить знакомых, которые должны были прибыть на пароходе из Ялты. По дороге туда я с удивлением увидела на одной из улиц стоявшего бывшего градоначальника генерала Балка и человек тридцать стариков лет под 60 и больше, марширующих с ружьями на плечах. Я подошла к генералу Балку и спросила его, что это такое, на что он мне с улыбкой ответил, что обучает защитников города. Странная встреча произошла у меня, когда я возвращалась назад, не встретив знакомых, которые не приехали. Возвращаясь домой по берегу Дона, задумавшись, я не обратила внимания на цыганку, которая шла мне навстречу, но она остановилась, пристально посмотрела вдруг на меня и сказала: «А у тебя крест позади, о котором ты еще не знаешь». Через три дня после этого я встретила совершенно случайно полковника Генерального штаба

Скворцова, женатого на сестре жены моего брата; я не знала ничего о брате с тех пор, как он был арестован большевиками в Петрограде, и спросила о нем Скворцова, и он сообщил, что брата моего большевики расстреляли. Вот это и был тот крест позади, о котором я еще не знала.

Вскоре муж, взяв меня и детей, отплыл в Севастополь, и, пробыв там несколько дней, мы отправились в Одессу, где муж сразу приступил к своей работе. Все время прибывали и проходили через Одессу белые войска с фронта, и однажды я была поражена видом одного офицера, когда мне пришлось отправиться за чем-то к заведующему тогда отделом Белого креста - полковнику Дмитриеву: у дверей его канцелярии стоял офицер без фуражки, в лаптях на босу ногу, в шинели, накинутой на голое тело, бледный, изможденный, еле державшийся на ногах. Я пропустила его вперед, а когда он вышел, я вошла и первым делом спросила Дмитриева, кто этот вышедший от него офицер. «Только что прибывший с фронта, - ответил он. - Обоз их с вещами и продовольствием попал к большевикам, и оставшиеся на этом фронте очутились без всего и долгое время голодные, раздетые удерживали позицию). Вот это действительно герои не от мира сего, - подумала я.

В Одессе между тем шла лихорадочная работа. Когда мы прибыли в Одессу, то опять, как и первый раз, очутились в гостинице «Франция», и два-три месяца все шло хорошо, и вести с фронта получались довольно утешительные, но вдруг союзники заметались и засуетились и сообщили мужу, что они собираются эвакуироваться. Один английский офицер, командир миноносца, предложил мужу взять меня и детей и доставить в Константинополь, но я отклонила его

любезное предложение, решив всюду оставаться с мужем, так как знала, что, раз разделившись, мы, может быть, больше и не встретимся в жизни из-за этого кромешного ада. Главнокомандующий города Одессы, Новороссийской области - генерал Шиллинг, товарищ мужа по кадетскому корпусу, советовал готовиться к эвакуации, которая все же произошла неожиданно быстро, когда большевики прорвали фронт и двинулись на Одессу.

На рейде стояло много военных судов союзников, но вдруг все они снялись и ушли в море. Муж приказал всем своим подчиненным собраться вечером к пароходу «Владимир», так как утром пароход должен был уже отойти. Я оставалась в гостинице, укладывая наши немногочисленные вещи, а дочь побежала предупредить всех служивших под начальством мужа об его приказании, так как все младшие служащие куда-то разбежались и некого было послать. Муж все время совещался с генералом Шиллингом, но несколько раз прибегал в гостиницу узнать, что с нами, но я просила его не делать этого, так как большевики, скрывавшиеся в городе, начали обыскивать уже гостиницы; просила я его только взять сына с собою и дочь. Сама же я велела позвать извозчика - сани, но извозчики отказывались везти офицеров и их семейства, и даже их вещи. Прислуга гостиницы сразу тоже враждебно настроилась, и вообще в городе царил уже большевистский дух, и только благодаря номерному, который сказал извозчику, что я жена обывателя, удалось мне заполучить сани для вещей. Уложив в них вещи, я поплелась сзади саней пешком, так как хулиганы уже нападали на уезжающих и грабили увозимые вещи. Таким способом прибыла я поздно вечером к пароходу «Владимир» и застала всех

уже в сборе и мужа с детьми тоже. Попав на пароход, я очень просила мужа, чтобы он больше не отправлялся в город, где шла стрельба и большевики уже расстреливали людей.

Утром прибежал мой сын, взволнованный, в каюту сообщить мне, что муж только что уехал с двумя офицерами и казначеем в город. Я страшно перепугалась, так как канонада все усиливалась и ни одного союзного корабля уже не было на рейде, один только пароход «Владимир» покачивался на волнах. Люди все были страшно возбуждены, пароход был набит людьми до отказа, на нем находилось около 11 тысяч человек. Много тифозных больных лежало на полу в зале и столовой парохода. Хаос был ужасный, так как большевики с берега стреляли по пароходу, и два полковника были убиты на палубе. К ужасу своему, я увидела, что пароход «Владимир» начинает отчаливать и комендант парохода (фамилии не помню) охрипшим уже голосом отдавал какие-то распоряжения.

В большом волнении подбежала я к нему, уговаривая его не отчаливать без моего мужа, который был послан в город с каким-то поручением от генерала Витнивицкого, начальника эшелона на этом пароходе. Комендант, надрываясь, стараясь перекричать шум и стрельбу, кричал, что пароход без генерала Глобачева не отойдет, а между тем понемногу пароход отходил от берега, освобождаясь от льда вокруг него. Все были страшно взволнованы и торопили коменданта скорее отплыть. Я побежала в каюту, где собрались все подчиненные мужа, и собиралась уже сойти с парохода вместе со своими детьми, не желая уезжать без мужа, как вдруг на палубе раздался крик, что генерал Глобачев подбежал к пароходу, корма которого была уже на

некотором расстоянии от берега. Тотчас же морские офицеры контрразведки бросили мужу канат, по которому он взобрался на пароход, а также казначей и директор банка с сестрой, прибежавшие вместе с мужем.

У всех нервы были до того напряжены, что некоторые из мужчин, увидев мужа живым, заплакали. Оказалось, что начальник эшелона генерал Витнивицкий, очевидно, до того был перепуган [тем], что матросы отказывались отплыть, если им не будут заплачены деньги вперед, что забыл, что деньги находятся уже на пароходе, и просил мужа съездить за ними в город в банк, хотя знал, что там уже орудуют большевики. Муж рассказал, что, приехав в банк с казначеем и оставив двух офицеров в автомобиле дожидаться его, муж попросил директора банка выдать казначею деньги под расписку, что тот и исполнил. Когда же они собирались уже выйти, то кругом банка стояли местные большевики, угрожая, что никого не выпустят и первому, кто покажется в дверях, пустят пулю в лоб.

Деньги пришлось оставить - за невозможностью взять их с собою - и директор банка провел их черным ходом в свою квартиру, где, накинув мужу штатское пальто поверх военного, вместе с сестрой присоединился к ним и все, выбежав на улицу через черный ход, помчались под выстрелами к пароходу пешком, так как офицеры с автомобилем, которые должны были дожидаться мужа, уехали, увидев, что банк окружен большевиками.

По дороге к пароходу лежало уже много убитых людей. Как только пароход стал отчаливать, большевики начали его обстреливать, прогремел один снаряд, а потом другой, взорвавшись недалеко от отходящего

парохода. Паника на пароходе была ужасная, некоторые офицеры, не попавшие на пароход за неимением места, тут же стрелялись на берегу. Это был действительно какой-то ад. Небывалый для Юга мороз и шторм свирепствовали, и казалось, будто все дьявольские силы вышли на подмогу большевикам, и даже тогда, когда мы прибыли в Севастополь, то при спуске с парохода в сильнейшей давке были задавлены насмерть два человека.

В Севастополе мы остановились в гостинице, которую не отапливали за недостатком топлива, и дети чуть не замерзли в ней, когда я вышла к знакомым достать какие-нибудь теплые вещи для них и они уснули от холода и утомления. К счастью, пришли нас навестить наши знакомые, которые с трудом разбудили их и стали отогревать. На следующий день муж ушел по делам и решил уехать в Константинополь, так как больше ему здесь нечего было делать. Нужно было только найти пароход, уходящий в Константинополь, и для этого он снесся с одним английским адмиралом для переговоров о предоставлении ему с семьей и его подчиненным, тоже с семьями, какого-нибудь парохода. Адмирал пригласил к себе мужа на корабль и отдал приказание капитану английского грузового парохода «Мерседес» взять всех указанных мужем людей, числом в 25 человек, на пароход и доставить в Константинополь. На пароходе «Мерседес» всех мужчин и женщин поместили вместе в кают-компанию, и только мне с моей дочерью предоставили отдельную маленькую каюту - как привилегию. Кормили нас хорошо, но через некоторое время капитан парохода, очевидно, желающий от нас избавиться, хотел высадить нас где-нибудь на азиатском берегу, и все время ходил к нам, и причитал, что «по

more food, no more food» [«продовольствия больше нет»] у него на пароходе для нас.

Причалив к азиатскому берегу, где находилась Тузла и санитарный пункт для дезинфекции как вещей, так и людей, прибывающих из России, где свирепствовал тогда сыпной тиф. капитан парохода уговаривал нас собрать наши вещи, рассчитывая, очевидно, что, оставив нас на берегу, он сможет таким образом уйти без нас в море. Видно, заботы о нас и неудобства, сопряженные с занятием нами кают-компаний, порядочно ему надоели. Но мы не поддались на его удочку и оставили более тяжелые вещи на пароходе, зная, что приказ английского адмирала капитану- «Мерседеса» был доставить нас в Константинополь. После длительного, утомительного в течение 20 дней плавания, так как «Мерседес» двигался черепашьим шагом и часто приставал то к одному берегу, то к другому, нагружая и выгружая уголь, мы сошли на турецкий берег в Тузле и были рады отмыться, наконец, от угольной пыли и с наслаждением, после долгого неупотребления ванны, принимали душ в турецкой бане, а добродушно улыбающиеся старые турчанки обмывали нас усердно и что-то рассказывали, чего мы никак не понимали. Курьезно было, но грустно для нас. потерпевших от дезинфекции людей, когда и так ограниченное количество наших вещей возвращалось нам в сильно укороченном виде, в особенности кожаные куртки, рейтузы, пальто и оставленные в карманах перчатки превращались в какую-то одежду для детей или карликов и, конечно, совсем не годились уже для употребления.

Наконец «Мерседес» бросил якорь в море в нескольких милях от Константинополя, сообщив туда по радио о нашем прибытии, и за нами был прислан

большой катер, в который мы должны были спуститься поздно вечером по веревочной лестнице, что нас, женщин, сильно пугало. Прибыв в Константинополь, муж хотел сейчас же видеть английского адмирала, но адъютант сказал ему, что адмирал ложится уже спать и примет его только утром. Пришли потом два английских офицера и не знали что с нами делать, так как мы вышли уже из катера на пристань. Один ушел куда-то и, вернувшись, сказал, что адмирал приказал нам пока отправиться обратно на пароход «Мерседес». «Это невозможно», - сказала я». «Почему?» - спросил морской офицер. «Потому что это приказание равносильно тому, чтобы мы отправились на луну». Тут они оба переглянулись и улыбнулись. «Теперь ночь, море беспокойно, мы и так очень рисковали, спускаясь с парохода в катер, и среди нас есть дети, которые не умеют даже еще хорошо ходить, и взбираться опять по лестнице ночью на пароход среди моря невыносимо», - ответила я.

После моего- ответа английский офицер спросил меняй так как я одна среди нас всех могла объясняться по-английски, что мы думаем предпринять. «Ничего, - ответила я. - Будем прогуливаться по пристани до утра, пока муж не увидится с адмиралом». Тогда он ушел и, вернувшись, спросил не согласились бы мы в таком случае переночевать на английском военном корабле, который стоял у берега. Мы, конечно, согласились, и вещи наши перенесли на склад, а мы отправились на корабль. Нас, женщин, поместили всех в каком-то зале, где приготовлены были постели, и принесли нам огромный чан с чаем, черным, как кофе, из сэндвичи. Мужчин поместили отдельно. Вообще были любезны. Переночевав, муж отправился к английскому адмиралу, и

решено было всех нас отправить на остров Принкипо, который находился в их ведении. Мы очень обрадовались этому, так как знали еще по первому приезду на острова, когда мы попали на остров Халки, что англичане очень хорошо относятся и устраивают русских беженцев и хорошо их кормят.

Прибыв на катере на остров Принкипо. мы попали в первые несколько дней в какой-то дом около пристани и должны были ютиться в маленькой комнатке, которую нам уступил бывший генерал-губернатор в Сибири Пильц. Эти несколько дней, проведенные в этой комнате, были ужасные. В доме помешались почта [исключительно] люди, которые, в сущности, могли не эвакуироваться, а смело оставаться у большевиков - грубые, неопрятные, с вечной руганью на языке; они сейчас же устроили какую-то коммуну, назначая живущих там людей на уборку дома два исполнения всяких других обязанностей. Мы этого избежали благодаря тому, что англичане очень скоро устроили нас на прекрасной даче с садом вокруг и отдельной купальней, с лестницей, спускающейся в море, где мы и купались. Кроме нас. на этой даче наверху помещалась только одна еще семья. Дача эта принадлежала богатым грекам. У англичан было все хорошо устроено, на каждой даче был выбран один из живущих там беженцев, который отправлялся ежедневно в назначенные часы в кантику (столовую. - З. П.) к англичанам! за провизией ш потом раздавая ее всем поровну по числу людей;. Кормили они нас, беженцев, хорошо и в изобилии, давали мясо, сыры варенье, масло, хдео в даже керосин, спички и связки щепок для подтапливания.

Было устроено комендантское управление на острове Принкипо, во главе которого стоял полковник

шотландского полка и куда были приглашены русские переводчицы для переговоров с русскими беженцами. Сперва свободно можно было ездить а Константинополь и даже некоторые ездили туда на работу, но потом работающие в Константинополе должны были списаться с пайка, а остальные могли ездить в город Константинополь только по разрешению комендатуры, но она никогда этому не препятствовала. Вообще жилось у англичан хорошо, надо отдать справедливость. Принкипо - самый красивый остров из четырех Принцевых островов, находящихся очень недалеко друг от друга, ж сообщение между ними было теми же парходиками-щеркетами которые шли из Константинополя. Местность на Принкипи гористая, покрытая лесом, и были там чудные дорожки, на, которых почти сплошь стояли прекрасные дачи, принадлежащие богатым грекам и туркам, и в них англичане разместили русских беженцев. На острове Принкипо был хороший ресторан на берегу моря, с большой террасой наверху, где каждый вечер играли хороший струнный оркестр, и ресторан этот посещался как греками, турками, так и русскими. На острове Халки были помещены тоже русские, которыми ведали французы, и, как и в первый приезд, русских кормили большей частью кроликами и фасолью и относились хорошо. На другом острове русские находились в ведении итальянцев, которые кормили их большей частью сардинками а макаронами, а остров Проти был самым маленьким, и русскими беженцами там ведали американцы, но никто как-то не хотел туда попасть, так как кормили довольно плохо, что всех удивляло, так как Америка, как всегда, должно быть, широко отпускала деньги на продовольствие. Объясняли это тем, что на

поименованных выше трех островах снабжение продовольствием русских беженцев было в руках военных, тогда когда на острове Прота в руках штатских людей, которые не умели, очевидно, на пускаемые американцами большие деньги организовать как следует снабжение продовольствием русских беженцев. Вообще же американцы оказывали колоссальную помощь русским - как американский Красный Крест, так и разные американские благотворительные учреждения, устраивая столовые бесплатного питания, снабжая неимущих беженцев продовольственными продуктами, помогая одеждой, бельем и обувью, беря на свое воспитание детей и помогая юношеству продолжать образование в средних и высших учебных заведениях в Европе. Муж недолго пробыл на острове Принкипо и раньше нас уехал в Константинополь, получив назначение начальником паспортного отдела в русском посольстве при представителе главнокомандующего Белой русской армии генерале Лукомском, который был чрезвычайно порядочный, честный и умный человек, горячо любивший Россию.

Русское посольство находилось на главной улице Пера, и муж получил там три комнаты наверху, в драгоманате. Из одной комнаты вела дверь на большую террасу, где, переехав с Принкипо. я часто гуляла или сидела, наслаждаясь дивным видом на Босфор и на расположенный внизу дворец султана, который казался мне таким таинственным., когда я вспоминала все прочитанное когда-то о жизни султанов, их гаремов и обо всем, что там происходило. Знакомые нам турки обрадовались нашему приезду, и, как и в первую эвакуацию, относились к нам очень хорошо и с уважением и часто приезжали навещать нас на остров

Принкипо, пока мы там были, когда же мы переехали в Константинополь, то они водили нас всюду, показывая свои достопримечательности. Водили они нас и в Ай-Софию во время служения. У входа в мечеть знакомые-турки, бывшие с нами, сняли башмаки и держа их в руках, вошли туда, а мне с детьми дозволено было надеть соломенные туфли, стоявшие у входа, на наши ботинки. Служивший мулла, увидя нас, неверных, во время службы в мечети, взволновался) и послал узнать, кто мы такие, но после некоторого шушуканья с сопровождавшими нас турками, когда посланный им служитель принес ему ответ, он улыбнулся и продолжал спокойно службу.

Турки показывали нам также самое старинное турецкое кладбище, которое содержалось в большом порядке. Когда надо было проходить мост через Золотой Рог, соединяющий два берега, то старые турки, стоявшие у входа и выхода с моста и собиравшие плату за переход его, никогда ничего не брали с русских беженцев. Посещали мы вместе с турками и базары внизу Галата - торговой части города, где были большие анфилады магазинов, наполненные богатейшей парчой, золотыми и серебряными старинными чашами и изделиями. Все это купцы охотно показывали нам, несмотря на то, что знали, что мы ничего не купим у них. и даже приносили из других, задних складов магазинов какие-то особенные, богатые, вытканые золотом материи и золотые вещи и, с гордостью раскладывая их перед нами, утоптали нас особо приготовленным кофе в миниатюрных чашечках, так как, по турецкому обычаю, каждого покупателя или посетителя их магазинов купцы всегда угощают своим кофе.

На свой большой праздник «байрам» турки приглашали нас на всякие увеселения и в ресторанчики,, где турецкие артисты играли на каких-то дудочках и пели заунывные песни, а турки, глубокомысленно задумавшись, слушали и курили свой капиак (трубка), а потом объясняли нам содержание песен. Платить нам не позволялось, и за все платили сами турки, говоря, что мы их гости. Как-то мы выразили перед морскими офицерами желание видеть выезд султана из дворца в мечеть, что происходило по известным праздникам, и присутствовать при этой церемонии позволялось немногим и только по билетам. Турецкие офицеры это нам устроили. При входе во дворец нас встретил какой-то турецкий полковник, адъютант султана, и провел нас в небольшой зал к окнам, из которых вся эта церемония выезда была видна. Подъехал открытый экипаж, запряженный белыми лошадьми, и султан вышел, окруженный всеми своими министрами, и сел в экипаж, а все министры шли пешком вокруг экипажа, и процессия эта медленно двинулась по направлению к мечети, но когда экипаж султана двигался быстрее, то все министры принуждены были бежать около него, не отставая. Этим закончился наш визит во дворец, так как ждать возвращения султана не позволялось. Кажется, это был последний выезд султана из дворца в мечеть перед наступившими событиями в Турции.

Константинополь произвел на меня какое-то особенное впечатление своей красочностью, так как всюду мелькали красные фески, турчанки гуляли большей частью в черном под чадрой, гордо и неторопливо выступали красивые паши, и муллы призывали с минаретов к молитве. Константинополь (Стамбул) был разделен как бы на две части: одна -

наверху, так называемая европейская часть, Пера, где находились посольства и консульства европейских государств, хорошие магазины, рестораны и сады, где играла музыка и где на открытой сцене подвизались артисты. Отправившись как-то в один такой сад, мы с грустью смотрели на выступающих там доморощенных акробатов - русских беженцев и все время дрожали за них, пока они проделывали свои трюки, боясь, что они сорвутся каждую минуту - так неуверенно они это делали; но нужда заставляла их работать и на этом поприще. Другая часть города считалась торговой и называлась Галата. Там жили и торговали греки и турки, были банки, меняльные лавки и тому подобное. Сообщение между этими двумя частями города было или по галатской широкой длинной каменной лестнице, по бокам которой были всевозможные лавки и маленькие кафе, или по фуникулеру. Первое время нашего пребывания в Константинополе меня ошеломлял, но и нравился тот шум и гам, который царил на галатской лестнице. Турченята в своих красных фесках повсюду бегали и громко выпрашивали деньги у прохожих, торговцы выкрикивали свои товары и все это было так необычайно, что я жалела, когда союзники потребовали, чтобы этого шума и гама больше не было. Поражала меня в Константинополе добровольная пожарная команда, когда она спешила на пожар. С громким криком бежали пожарники-турки, полуголые и с босыми ногами, и несли на плечах носилки, посредине которых была миниатюрная водокачка.

Когда муж был уже при представителе главнокомандующего Белой армией, генерале Лукомском, на должности начальника паспортного пропускного пункта, то есть ведал разрешением выдачи

виз, контролем перевозок в Крым и информацией на Ближнем Востоке, в смысле большевистской пропаганды и их работы, то неожиданно для него был получен приказ о назначении его на должность директора Департамента полиции при штабе главнокомандующего в Крыму. Для меня это назначение было большим ударом. После перенесенных ужасов в России и после того, как мужа чуть не оставили на произвол судьбы в Одессе у большевиков, я содрогалась при мысли, что муж должен будет ехать обратно туда. К счастью моему, генерал Лукомский написал главнокомандующему генералу Врангелю, что он просит оставить мужа при нем, что он ему необходим, так как некем будет его заменить, - и мы остались в Константинополе, и муж продолжал работать все время в контакте с союзниками, которые очень ценили его сведения и советы и никому не давали разрешения на выезд без его подписи.

Так проходило время, и начали опять появляться слухи с Юга России, что большевики побеждают. Все надеялись, что все же генералу Врангелю удастся удержать хоть часть территории на Юге, как вдруг пришло известие о полной эвакуации всей Белой армии и флота. Грустное и потрясающее зрелище представлял собою теперь для нас Босфор, когда один за другим подходили русские военные корабли и пароходы, переполненные войсками, и становились на рейде.

Не хотелось верить, что это конец, но воевать вне России было невозможно. Муж был занят с утра до ночи. Союзники не разрешали никому сходить с кораблей на берег, и русские зависели уже от них, а не от себя. Муж посылал своих подчиненных с разрешением от союзников снять с корабля того или другого генерала и других должностных лиц. Он получал с кораблей просьбы

прислать хлеба, так как многие люди уже не получали его последнее время - все, что имелось, было израсходовано в пути. Так как все подчиненные мужа были очень заняты, то я предложила самой отправиться на катере к кораблям с мешками хлеба и булок. Муж согласился и дал вестового, армянина в подмогу. Взяв с собою свою дочь и приятельницу ее, мы, нагруженные мешками с булками, подплывали на греческом катере то к одному кораблю, то к другому, и нам сбрасывали сверху канаты с крючками, к которым мы привязывали мешки с хлебом, и их поднимали таким образом на палубу, а также мы просто бросали хлеб наверх, и солдаты ловили его руками, проявляя большую радость, так как были голодны. Лица у всех были грустные, сосредоточенные и изможденные. Через несколько дней муж получил записку от одного из моих

братьев, командира полка, что он находится на таком-то пароходе, и я отправилась на катере с разрешением снять его. Он был страшно изможден, опечален, сразу постаревший на несколько лет, и переживал ужасно тяжело разлуку с семьей. Жена его как раз приезжала к нему в лагерь на фронт на несколько дней и накануне, не зная еще об эвакуации, уехала обратно домой в Симферополь с двумя маленькими дочками. Брат, получив приказ идти с полком в Севастополь и грузиться на корабль, не мог по своей честности и сознанию долга оставить полк и поехать за семьей и послал только вестового за ними, чтобы он привез их тоже в Севастополь. Но вестовой не мог добраться до них, так как все дороги были уже запружены войсками и обозами. Брат, высадившись в Константинополе, не находил себе покоя, все искал случая, как бы вернуться в Россию, чтобы забрать свою

семью, и хотел даже поплыть туда на маленькой турецкой шлюпке, но мы всячески отговаривали его от этого, доказывая, что прежде чем он доберется до своей семьи, он попадет в руки большевиков, и он остался.

Самый старший мой брат с сыном-кадетом тоже находился на одном из пароходов, который был отправлен в Румынию, но их там не приняли, и пароход со всеми людьми вернулся. Братья пробыли некоторое время в Константинополе, а потом решили уехать. Старший брат - искать свою семью, которая оставалась в Литве, а второй брат - добраться каким-нибудь образом поближе к России, чтобы, в случае возможности, вырвать свою семью оттуда. Три года он странствовал, работал не покладая рук, был он и в Польше, и в Литве, стараясь очутиться поближе к России, и, наконец, добрался до Финляндии, где поселился в доме одного инженера, у которого он работал. Семья же его с Юга России переехала в Петроград, и брат начал хлопоты о ее выезде из России и въезде в Финляндию. И хлопоты его после нескольких месяцев увенчались успехом, и он получил от жены своей телеграмму, что она с детьми выезжает. Это была идеальная пара супружества, горячо любящая друг друга. Получив телеграмму, брат возликовал, и находился в страшно возбужденном состоянии, и всю ночь не мог спать, а утром почувствовал себя плохо и умер от разрыва сердца, так и не увидев своей любимой семьи, жене же его была послана телеграмма, чтобы она не выезжала, так как без брата ей нечего было делать в Финляндии, а в Петрограде у нее оставались мать и брат, у которых она жила с детьми. Обо всем этом сообщил нам инженер, у которого брат жил в Финляндии, и сообщил нам также, что брата похоронили с большим почетом, как

георгиевского кавалера, и хоронили его вечером, так как вся фабрика хотела присутствовать на похоронах -его очень любили. Трагедия же этой семьи продолжалась и после смерти брата. Через несколько лет старшая его дочь, окончив гимназию в Петрограде, была невестой одного студента-инженера и, простудившись, умерла от скоротечной чахотки семнадцати лет как раз в день, назначенный для их венчания. Больше я не имела от семьи брата никаких известий и на все мои письма и посылаемые деньги не получала никакого ответа.

Эвакуация Белой армии из Крыма на пароходах, судя по рассказам эвакуированных, происходила при самых кошмарных условиях. Главный ужас был в необычайной скученности людей, даже на сравнительно больших пароходах Добровольного флота. На некоторых число пассажиров доходило до 11 тысяч, и если к этому прибавить недостаток провизии, то будет вполне понятно, что испытывали русские беженцы в течение нескольких дней путешествия. Во время стоянки всей русской флотилии на константинопольском рейде все русские и иностранные благотворительные организации и даже частные лица развозили продукты, главным образом хлеб, голодным беженцам. Весь военный флот с командами русских моряков был отправлен во французскую колонию в Африке - Бизерту, а весь остальной торговый флот, после того как были сняты все пассажиры и весь груз, был взят французами в пользование в возмещение расходов по перевозке и содержанию русской армии и гражданских беженцев.

С приездом Белой армии Константинополь ожил и наполнился военными в разных формах, и странную картину представлял Константинополь в эти дни, он точно был завоеван русскими, наводнившими все улицы

города. Жизнь лихорадочно была ключом, союзники поселяли русских военных беженцев преимущественно в лагеря, казармы и общежития, которые были рассеяны по всему Константинополю. Большинство беженцев было бездомно, ходили в поисках заработка, продавали на рынках и на улицах те немногие крохи своего имущества, которые им удалось вывезти с родины, валялись по ночам на папертях мечети, ночевали в банях и тому подобное. На главной улице Пера, около русского посольства, ежедневно стояли толпы русских, продававших свои пожитки и русские деньги, уже не стоившие тогда ничего. Двор посольства и все находившиеся в здании посольства учреждения были переполнены русскими беженцами, одни приходили за паспортами, другие за пособиями и помощью, а много было и таких, которых просто тянула к себе русская территория. Среди общей массы находились и такие, которые по своим убеждениям подходили к большевикам, и неизвестно было, почему они эвакуировались. Они занимались в помещении посольства кражами, распространяли ложные слухи, что не сегодня-завтра посольство будет захвачено большевиками, всячески пугали публику красной опасностью и предлагали для охраны посольства свои услуги и услуги каких-то таинственных организаций. Все это привело к необходимости для сохранения порядка и безопасности посольства и всех его учреждений создать особую охранную команду и учредить должность коменданта, на которую генералом Врангелем был назначен генерал Чекотовский, для охраны же зданий был назначен полуэскадрон конной гвардии, который охранял также и русское консульство и Николаевский военный госпиталь.

Главнокомандующий генерал Врангель имел свое пребывание на яхте «Лукулл» и только по служебным делам приезжал в посольство в Константинополе. «Лукулл» стоял на якоре в Босфоре довольно далеко от посольства. Когда же «Лукулл» погиб - благодаря умышленному или неумышленному столкновению с наскочившим на нее итальянским пароходом «Адрия», то генералу Врангелю пришлось переехать в посольство. Дознание, произведенное портовыми властями по поводу гибели «Лукулла», не выяснило истинной причины столкновения, но у всех русских сложилось убеждение, что «Лукулл» был потоплен с целью покушения на жизнь главнокомандующего генерала Врангеля по инициативе большевиков.

Недалеко от русского посольства был большой пустырь, где расположилась группа молодых студентов, и так как погода в Константинополе вообще была прекрасной, то они устроились I под открытым небом, где спали и варили себе пищу, но когда j стало холоднее по ночам, то они попросили моего мужа достать; им палатку. Муж обратился к американцам с этой просьбой, и они прислали огромную палатку-шатер, в которой студенты все время жили, пока находились в Константинополе. По вечерам слышалось оттуда великолепное хоровое пение, грустные напевы которого, когда я находилась на террасе, слушая их, вызывали томящую тоску по родине и о прошлом.

Не имея ниоткуда материальной и моральной помощи, вся Белая армия мало-помалу расплывалась, а союзники были заняты уже все приближающейся угрозой со стороны Кемаль-паши. В Турции стало беспокойно, и русские люди отправлялись в Сербию и в Болгарию целыми толпами, а те, у кого были деньги, уезжали во

Францию и Италию. В особенности много отправлялось в Сербию, где король Александр очень хорошо относился к русским - сербский король сам воспитывался в России в пажемском корпусе и очень любил ее. Всем русским разменивали там ничего не стоящие уже деньги русского командования на Юге на сербскую валюту. Русским в Сербии жилось тогда очень хорошо, всех почти со стажем устраивали на государственную службу, а остальные находили себе всюду работу.

В Константинополе муж оставался до последней минуты на своих постах (он занимал тогда, кроме должности начальника паспортного отдела, еще должность помощника военного агента генерала Черткова). Когда же генерал Врангель со штабом и оставшейся еще в Константинополе Белой армией уехали из Турции, то муж решил ехать в Америку и, покончив со службой, выехал с нами на греческом пароходе «Константинополь» в Нью-Йорк вместе со многими русскими.

Целый месяц находились мы на этом пароходе, путешествуя при ужасных условиях. Я с дочерью, вместе с моей приятельницей и ее дочерью, получили маленькую каютку, а всех мужчин поместили по трюмам. Кормили отвратительно, хотя все находящиеся на пароходе лица заплатили за свой проезд. К счастью, погода была прекрасной, море совершенно спокойное во все время нашего плавания, иначе при шторме, при таком скоплении людей, а также при отвратительных санитарных условиях было бы что-то ужасное. Во время плавания скоропостижно скончался русский повар на пароходе, тоже ехавший с женой и ребенком в Америку, и его тело опустили в море, что произвело на всех пассажиров удручающее впечатление. Всем было жаль

расстаться с турками и Константинополем и, хотя очень многим русским в материальном отношении жилось плохо, но все почти сохранили самые лучшие воспоминания о своей жизни в Турции. Наконец наше странствие кончилось, показались статуя Свободы и небоскребы, нигде еще не виданные всеми нами. Пароход прибыл на Ellis Island и после осмотра отплыл к Нью-Йорку, куда мы прибыли 30 сентября 1923 года.

София Глобачева